
THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

НАШЕ ВРЕМЯ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ

СБОРНИКЪ.

КАЗАНЬ. 1869.

НАШЕ ВРЕМЯ.

НАШЕ ВРЕМЯ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ

СБОРНИКЪ.

КАЗАНЬ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1869.

Дозволено цензурою. Казань. 10 Января 1869 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

В. Г. Бенедиктовъ: Къ точкамъ. . . . . 246.
Риѳмоплетъ . . . . 298.
В. П. Буренинъ: Сонъ Евгенія Арама. *(Изъ Т. Гуда)* . . . . 213.
П. И. Вейнбергъ: Двое похоронъ . . . . 251.
Лордъ Грегори. *(Изъ Р. Борнса)* . . 59.
Молитва вдовы. *(Изъ Шамиссо)* . . 5.
И. С. Генслеръ: Изъ «Гаваньскихъ чиновниковъ» . . . . 303.
А. П. Голицынскій: Помѣщикъ Урываевъ. 146.
И. Ѳ. Горбуновъ: На праздникѣ. . . . 62.
А. В. Дружининъ: Письмо обличительнаго поэта Капернаумова о нѣкоемъ странномъ юбилеѣ и о любопытныхъ событіяхъ съ этимъ торжествомъ сопряженныхъ . . . . 159.
Ѳ. А. Зиновьевъ: Изъ «Дворянскихъ выборовъ» . . . . 127.
В. В. Крестовскій: Калика перехожая. . 23.
П. И. Кроль: Бояринъ. *(Старая былина)*. 17.
У Элизія . . . . 122.
В. С. Курочкинъ: Великія истины. . . . 238.
Знаки препинанія. . . . . 222.
Природа, вино и любовь. . . . . . 253.
Только!.. *(Весенняя пѣсня)* . . . . 143.

Н. С. Курочкинъ: Фарисейка. *(Разсказъ въ стихахъ Карло Порта)*. . . . . 279.
Марко-Вовчокъ: Свекровь . . . . 34.
Л. А. Мей: Адель. *(Изъ Густава Надо)* . 300.
Ѳ. Б. Миллеръ: Труженикъ. *(Изъ Фрейлиграта)*. . . . . 1.
А. П. Милюковъ: Русская боксировка. . 108.
Д. Д. Минаевъ: Вампиръ . . . . 74.
Демократка. . . . . 45.
Обличи ихъ во лжи! . . . . 207.
А. Михайловъ (А. К. Шеллеръ): Легкая ноша. *(Изъ Гервега)* . . . . 310.
Пѣсня о вѣрномъ товарищѣ. *(изъ Іог. Шерра)*. . . . . 4.
Пѣсня о хорошей женщинѣ. *(изъ Іог. Шерра)*. . . . . 39.
М. Л. Михайловъ: Онъ. *(Дневникъ уѣздной барышни)* . . . . 95.
Пѣсня о рубашкѣ. *(Изъ Т. Гуда)*. . 209.
Скорбь Вавилонская. *(Изъ Г. Гейне)*. 244.
Д. Михаловскій: Морской берегъ. *(Изъ Т. Гуда)* . . . . 247.
Н. А. Некрасовъ: Пропала книга. . . 242.
Сватъ и женихъ . . . . 175.
Эй, Иванъ! . . . . 88.
И. С. Никитинъ: Бѣдность. . . . . 243.
Жена ямщика . . . . 281.

Н. П. Огаревъ: *** «Когда встрѣчаются со мной». 240.
Обыкновенная повѣсть. . . . . 188.
А. Н. Островскій: Изъ комедіи «На всякаго мудреца довольно простоты». . . . 190.
А. Н. Плещевъ: Жалоба Ирландскаго выходца. 92.
Манивельтова недѣля *(Изъ М. Гартмана)* . . . . 178.
Изъ Фрейлиграта. . . . . 112.
Я. П. Полонскій: Мельникъ. . . . . . . 154.
Покинутый домъ . . . . 41.
А. А. Потѣхинъ: Изъ комедіи «Отрѣзанный ломоть» . . . . 257.
Н. Пушкаревъ: Съ натуры. . . . . 61.
М. П. Розенгеймъ: *** «Комнатка въ свѣтелкѣ» . . . . 259.
Нищій . . . . 137.
Смѣшная фигура . . . . 120.
Ѳ. М. Рѣшетниковъ: На большой дорогѣ. *(Сцены)* . . . . 226.
Скорбный Поэтъ (Г. Н. Жулевъ): Пѣсня о каретѣ . . . . 223.
Сплошь да рядомъ . . . . 278.
В. А. Слѣпцовъ: На желѣзной дорогѣ. . . 79.
Д. И. Стахѣевъ: Извозъ. *(Камскія сцены)*. 6.
А. Сухово-Кобылинъ: Изъ комедіи «Свадьба Кречинскаго» . . . . 290.

Гр. А. К. Толстой: Благоразумie . . . . . 125.
Богатырь . . . . 182.
*** «Ты невѣдомое, незнаемое» . . . 114.
Гр. Л. Н. Толстой: Изъ романа «Война и миръ» . . . . 115.
В. **Точечкинъ (В. И. Богдановъ)**: Притча 157.
Такъ и быть. (*Изъ Гете*) . . . . . . 141.
Г. И. Успенскій: Тяжкое обязательство . . 47.
А. С. Хомяковъ: Спи! . . . . 313.
П. В. Шумахеръ: Идеалъ . . . . 124.
Н. Ѳ. Щербина: Женщинѣ . . . . 106.
Мигъ . . . . 106.

Труженикъ.

(изъ Фрейлиграта).

то идетъ во глубь земли,
Или молотомъ махаетъ;
Кто сѣтями для семьи
Хлѣбъ насущный добываетъ;
Кто за плугомъ льетъ свой потъ,
Кто наемникъ господина;
Кто подъ ношей спину гнетъ
Для жены своей, для сына:

Честь имъ! слава ихъ трудамъ!
Слава каждой каплѣ пота!
Честь мозолистымъ рукамъ!
Да спорится ихъ работа!
Но забудемъ ли о томъ,
Кто безропотно страдаетъ,
И, работая умомъ,
Самъ нерѣдко голодаетъ?

Въ тѣсной хижинѣ ль своей
Онъ съ наукой тратитъ годы,

Рабъ ли книжныхъ торгашей,
Пишетъ драмы или оды,
Или просто вздоръ чужой
Переписываетъ къ срокамъ,
Иль, вступивъ въ ученый строй,
Ходитъ бѣдный по урокамъ:

Что жь? вѣдь труженикъ и онъ!
И ему — терпѣть, трудиться,
Повелѣлъ судьбы законъ,
И его глава сребрится!
И влачитъ до гроба онъ
Бремя скорби и гоненья,
А дѣтей голодныхъ стонъ
Убиваетъ вдохновенье!

Такъ иного я знавалъ:
Духомъ онъ стремился въ небо,
Но во прахѣ изнывалъ,
Пресмыкаясь, ради хлѣба!
Такъ съ семьею на плечахъ
Хлопоталъ онъ и трудился,
Цѣлый вѣкъ свой былъ въ тискахъ,
И, какъ рыба объ ледъ, бился!

И сидѣлъ онъ, и писалъ,
Блѣдный, съ впалыми щеками;
А межъ тѣмъ востокъ сіялъ,
Вѣтерокъ игралъ цвѣтами,
Пѣлъ весенній соловей,
Паръ дымился надъ рѣкою...,
Онъ за книгою своей
Гнулся—труженикъ душою!

Но подъ бременемъ скорбей
Утѣшался онъ, мечтая:
«Жизнь печальна, но и въ ней
Есть поэзія святая!
Пусть судьба гнететъ меня!
Твердъ останусь я душою:
Для дѣтей трудился я;
Честь моя всегда со мною!»

Наконецъ не стало силъ!
Кончилъ онъ свое боренье;
Лишь порой къ нему сходилъ
Лучъ завѣтный вдохновенья:
Ночью вдругъ его лобзалъ
Поцѣлуй знакомый музы,
И свободно возлеталъ
Прежній геній, сбросивъ узы.

Вѣчнымъ сномъ теперь онъ спитъ!
Прахъ его земля сокрыла;
Одинокая стоитъ
Безъ креста его могила...
И малютки, и жена
Плачутъ, бѣдныя, безъ пищи:
Только имя безъ пятна
Имъ отецъ оставилъ нищій!

Честь и слава всѣмъ трудамъ!
Слава каждой каплѣ пота!
Честь мозолистымъ рукамъ!
Да спорится ихъ работа!
Вспомнимъ съ честью и о томъ,

Кто съ наукой голодаетъ,
И, работая умомъ,
Горькій вѣкъ свой убиваетъ!

Ѳ. Б. Миллеръ.

Пѣсня о вѣрномъ товарищѣ.

(изъ Г. Шерра).

Высоко стояли они на лѣсахъ,
Кипѣла постройка въ проворныхъ рукахъ,
У ногъ ихъ Парижъ беззаботный шумѣлъ, —
А сѣверный вѣтеръ и вылъ, и гудѣлъ.

Рабочими нищими были они.
Имъ платьемъ служили лохмотья одни,
Отъ голоду щеки ввалилися въ ротъ....
Да, кто созидаетъ, тотъ славно живетъ!

Домъ выросталъ подъ руками у нихъ.....
Но вѣтеръ—помощникъ изъ самыхъ плохихъ! —
Онъ мечется, рвется и взадъ, и впередъ,
И шаткія доски помоста трясетъ.

Вдругъ новый порывъ—и слетѣло все внизъ:
Къ спасенью остался съ стропиломъ карнизъ, —
Его-то, предвидя свой близкій конецъ,
Они обхватили, какъ мачту пловецъ.

А бѣшеный вѣтеръ становится злѣй,
Стропило трещитъ подъ напоромъ людей,
Подъ ними же пропасти жадная пасть,
Довольно движенья, чтобъ разомъ пропасть.

И молвилъ одинъ: — насъ не скоро спасутъ,
А вмѣстѣ недолго мы сдержимся тутъ,
Хотя одного продержалъ бы карнизъ, —
Проклятый, онъ снова погнулся! — Держись!

Вздыхая замѣтилъ другой ему: — «Нѣтъ!
Семью я имѣю....» А первый въ отвѣтъ:
— Ну, я одинокъ, значитъ выборъ простой.
Прощай же, пріятель! Господь надъ тобой!

Промолвилъ и жертвенной смертью погибъ...
Въ грязи онъ о камни свой черепъ разшибъ,
Про имя его не справлялись вокругъ, —
Но это былъ честный и преданный другъ.

А. Михайловъ.

Молитва вдовы.

(Изъ Шамиссо).

Въ деревнѣ, въ глубокую полночь, не спитъ лишь старушка одна;
Стоитъ въ уголку на колѣняхъ и шепчетъ молитву она:
«О, Господи, Господи Боже! молю я тебя, сохрани
Помѣщика нашего долго, на многіе, многіе дни!»
Нужда научаетъ молиться!

Помѣщикъ проходитъ и слышитъ, что громко читаетъ она;
Въ диковинку рѣчи такія; онъ думаетъ: «вѣрно пьяна!»
И собственной барской персоной вошелъ онъ въ сырую избу
И кроткимъ вопросомъ изволилъ свою удостоить рабу:
«Нужда научила молиться?»

—«Ахъ, баринъ! когда-то имѣла я восемь хорошихъ коровъ.
Вашъ дѣдушка—вѣчная память! изъ насъ онъ высасывалъ кровь—
Коровушку лучшую отнялъ, и, какъ тамъ ни плакала я,
И какъ ни молила я горько,—пропала корова моя!
Нужда научаетъ молиться!

«Я долго его проклинала за горе мое; наконецъ
Услышалъ меня и за это послалъ наказанье Творецъ:
Вашъ дѣдушка умеръ и править деревней вашъ батюшка сталъ,
И онъ у меня, горемычной, двухъ добрыхъ коровушекъ взялъ!
Нужда научаетъ молиться!

«Я батюшку вашего тоже и денно и нощно кляла,
Пока и его, какъ и дѣда, могилка къ себѣ прибрала;
Тогда вы изволили сами пріѣхать въ деревню,—и, охъ!
Къ себѣ изъ моихъ коровенокъ угнали еще четырехъ!
Нужда научаетъ молиться!

«Теперь, коль помрете вы тоже, сыночка оставивъ у насъ,
Корову послѣднюю, вѣрно, себѣ онъ оттянетъ тотчасъ....
«О, Господи, Господи Боже, молю я тебя—сохрани
Помѣщика нашего долго, на многіе, многіе дни!»
Нужда научаетъ молиться!

П. И. Вейнбергъ.

Извозъ.

(Камскія сцены).

I.

Темныя тучи густой массой висѣли въ воздухѣ. Съ вечера зарядившій дождь не переставалъ литься на бѣдную ма-

ленькую деревеньку Маркваши. Жалкія, покосившіяся избушки крестьянъ совершенно исчезали въ общей темнотѣ ночи и только, кой гдѣ, сквозь тусклыя, маленькія окна, падалъ на грязную улицу свѣтъ горящей лучины. По срединѣ улицы, на тощей лошаденкѣ, едва переступавшей по колѣно въ грязи,—тащился верхомъ мужикъ въ промокшемъ зипунѣ и мѣховой изорванной шапкѣ, съ которой крупными каплями падалъ дождь на мокрую бороду мужика. Собаки дружнымъ лаемъ заливались по деревнѣ; мужикъ торопливо дергалъ поводьями и наконецъ добрался до избы.

Изъ подъ крыльца привѣтствовали его своимъ хрюканьемъ свиньи, на крылечкѣ вертѣлась, виляя хвостомъ, бѣлая собака и взвизгивала, обрадованная возвращенію хозяина; на дворѣ гдѣ-то отчаянно закричалъ пѣтухъ.

— Ой е! Вона какъ! Изъ города-то я чуть не всю ночь хрясталъ, подумалъ мужикъ, отыскивая дверную скобку.

Рано утромъ на слѣдующій день, въ избу крестьянина входили одинъ по одному товарищи. Отворяя двери, они говорили: «здравствуй, Егоръ Кузьмичь», потомъ входили въ избу, крестились на образа и, встряхивая волосами, повторяли привѣтствіе.

— Еще здравствуйте.

— Добро жаловать.

Собралось человѣкъ шесть. Хозяинъ натянулъ на ноги лапти и усѣлся за столъ, мужики сидѣли около, на скамьѣ.

— Ну што, Егоръ Кузмичь?

— Да што,—махнувъ рукой отвѣчалъ хозяинъ,—плохо, ребята.

— Ужели нѣту? съ удивленіемъ вскрикивали гости.

— Чево нѣту? сердито спросилъ хозяинъ.

— Да извозу-то... будетъ-ли нѣтъ-ли, какъ то есть, теперича, ты провѣдалъ?

— Извозъ-то, извозъ,—почесываясь началъ хозяинъ,—то-то ребята—вдругъ заговорилъ онъ, вставая со скамьи,—баялъ я вамъ, что надо раньше провѣдать,—все погоди да погоди, а вотъ теперя и не тово...

— Да почемъ везутъ то? спрашивали грустно мужики.

— Челнынски ребята взялись по пятнадцати съ пуду.

— До Богульмы, значитъ.

— Знамо дѣло, до Богульмы, а то куда ино больше ѣхать-то, ярманка тамъ...

— Знаемъ.

— Ну?

— Чево нукать-то, надо вотъ ѣхать да рѣшать, а то пожалуй и это прозѣваемъ.

— Ѣхать, такъ ѣхать.

— Пятнадцать ребята, чай, и намъ дадутъ, коли челнынски брали по пятнадцати.

— То-то дадутъ-ли, — вздыхая, сказалъ хозяинъ,—Лопатинъ-то, слышь, больно скупъ.

— Какое—скупъ, что ты, Егоръ! Церкви вонъ строитъ, благодѣтель, говорятъ...

— А Богъ его знатъ, може и правда, только прикащики баяли, онъ нарочно по позже извозъ отдаетъ, чтобы, значитъ, подешевле.

— Дастъ, чай, пятнадцать,—все равно вонъ челнынскимъ тоже пятнадцать дали....

— Поѣдемъ, видно, рядиться?

— У меня, ребята, лошадь больно устала—началъ хозяинъ—я, значитъ, для общаго дѣла ѣздилъ, теперя вы меня везите...

— Не говори! Чать тоже понимаемъ, народъ крещеной...

Мужики разошлись по домамъ. Черезъ часъ по грязной дорогѣ изъ Морквашей тянулись двѣ телѣги, въ нихъ сидѣло по три мужика.

II.

Телѣги тащились по городу. По улицамъ ѣхали горожане къ обѣднѣ, кучера громко кричали мужикамъ «сварачивай», мужики торопливо понукали своихъ усталыхъ лошаденокъ въ сторону и смотрѣли на проѣзжающихъ дамъ и мужчинъ закрывшихся зонтами. Дождь снова начиналъ капать.

— Ишь ты—подъ крышкой ѣдутъ, разсуждали мужики.

У высокаго каменнаго дома купца Лопатина, мужики вылѣзли изъ телѣгъ и поставили коней къ заплоту. Оглядѣвшись по сторонамъ, они робко вошли въ лавку. Парень въ полушубкѣ стоялъ за прилавкомъ и грызъ кусокъ сахару.

— Чего вамъ надо? крикнулъ онъ на входящихъ мужиковъ.

— Здѣсь купца Лопатина лавка?

— Ну, здѣсь. Чего надо?

— Мы марквашински... вчера вашъ прикащикъ баялъ, — извозъ есть въ Богульму, такъ мы, значитъ, па счетъ извозу...

— Ступайте во дворъ, тамъ подождите, — хозяинъ у обѣдни.

Мужики хотѣли пораспросить о подробностяхъ.

— Какъ, почтенный, цѣна-то будетъ? началъ было одинъ, но прикащикъ, сознавая свое превосходство, не хотѣлъ разговаривать съ мужиками и крикнулъ:

— Ну, нечего тутъ растолковывать-то, — ступайте во дворъ—тамъ ждите,

Мужики вышли изъ лавки и стали въ подъѣздѣ двора, скрываясь отъ дождя. Дождь усиливался. Съ улицы въ подъѣздъ долеталъ звонъ во всѣ колокола соборной церкви. Мужики снова сняли свои мокрыя шапки и крестились.

— Господи помилуй—обѣдня идетъ!

Долго простояли они, разсуждая объ извозѣ.

— Пораньше-бы недѣлькой — извозу, сказывали, было много....

— То-то бы пораньше, да нельзя вѣдь, — съ хлѣбомъ убирались....

Чрезъ нѣсколько времени въ подъѣздѣ прошумѣлъ экипажъ. Толстый, сѣдой купецъ съ молодой супругой возвратился изъ церкви.

Мужики сняли шапки и кланялись.

— Чего вамъ? крикнулъ купецъ, слѣзая съ экипажа и останавливаясь на крыльцѣ.

Мужики подошли къ крыльцу.

— На счетъ извозу-бы... въ Богульму, баютъ, есть у васъ...

— Есть, есть. Возовъ двадцать будетъ.

— Намъ бы и довольно,—въ самый разъ.

— Вы откуда?

— Марквашенски.

— У меня, вонъ, челнынскіе ребята просятъ... Почемъ вы возьмете-то?

— Да по пятнадцати-бы, робко говорили мужики, мотая головами въ видѣ поклона.

— Эка ловки больно! Гривенникъ дамъ, такъ и быть— извощиковъ теперь много...

Мужики вздохнули.

— Это слово ваше вѣрно — началъ одинъ — только какъ теперь, значитъ, челнынски брали по пятнадцати...

— Нѣтъ, нѣтъ, и говорить нечего — не дамъ по этой цѣнѣ.

Мужики стали переминаться съ ноги на ногу. Купецъ стоялъ подъ крышей крыльца и спокойно смотрѣлъ, какъ на открытыя мужицкія головы падали капли дождя.

— Прибавьте ваше почтеніе.

— Вонъ тоже теперь челнынски...

— Да чего ты меня челнынскими-то попрекаешь—закричалъ купецъ—развѣ они мнѣ указъ, что-ли? Хочешь берешь, хочешь нѣтъ, много вашего брата.

— По десяти-то, ваше почтеніе, на кормъ конямъ не достанетъ.

— Какъ хотите—дѣло ваше!

— Тоже и другіе такой цѣны не возьмутъ,—потому себѣ на шею...

— Ну, ладно ужъ, такъ и быть, дамъ вамъ по двѣнадцати—сказалъ купецъ—согласны?

— Ваше почтеніе,—обидно, то есть...

Купецъ махнулъ рукой и торопливо побѣжалъ по лѣстницѣ вверхъ.

Мужики снова ушли въ подъѣздъ и надѣли шапки.

— Вонъ давича ты баялъ, — благодѣтель, а вишь какъ жметъ, изъ трехъ копѣекъ стоитъ, а всего-то, кажись, у двадцати возовъ, рублевъ пятнадцать...

— То-то, вишь, опоздали...

— Эка горе!

— Прибавить-ли, нѣть-ли?

— Если, ребята, теперь по двѣнадцати считать—на харчи, пожалуй, не хватитъ.

— Ну-ко, смѣкай, чего, какъ...

Егоръ Кузьмичь, ѣздившій разузнавать объ извозѣ, началъ разсчитывать.

— До Богульмы, — говорилъ онъ, медленно сжимая на лѣвой рукѣ пальцы—теперича до Богульмы полтораста верстъ, семь разъ выходитъ кормежка, ну, вотъ на сѣно...

— На одномъ сѣнѣ, братъ Егоръ Кузьмичь, тоже далеко не упрешь.

— Это вѣрно—безъ овса тутъ никакъ нельзя...

— Ну — овесъ — продолжалъ Егоръ, сжимая другой палецъ—овса, ежели теперь по двадцати копѣекъ...

— Сколько четвериковъ-ту надо?

Долго толковали мужики въ подъѣздѣ, собравшись въ кучу. Прошелъ мимо прикащикъ, расталкивая ихъ по сторонамъ, кучеръ прошагалъ по двору и послалъ къ нимъ бранное слово за то, что толпятся не на своемъ мѣстѣ.

— Есть вамъ дворъ, остолопы—куда тѣснитесь!

— Да ты чего больно лаешься,—хозяинъ чтоли! Вишь, чать лупоглазый чортъ, — дождь-то полыщетъ, отгрызлись въ свою очередь мужики, прерванные на самомъ трудномъ мѣстѣ своихъ экономическихъ разсчетовъ.

— Мужичье! крикнулъ кучеръ, уходя въ кухню.

— Баринъ сталъ! Въ городѣ-то отъѣлся, лѣшакъ! послали въ догонку мужики.

Съ улицы, подъ зонтомъ входила въ подъѣздъ высокая женщина, одѣтая вся въ черное; она сложила зонтъ и, тыкая имъ въ мужиковъ, сердито ворчала:

— Ну вы, мужичье. посторонитесь.

Мужики оробѣли и молча отошли къ одной сторонѣ.

— Должно,—монашина.

— Нѣтъ—тѣ не такъ ходятъ. Шапки, это у нихъ на головахъ востринькія надѣты, а эта, видѣлъ, платкомъ обвязана.

— Може родственница...

— А какой домина, ребята, большой! Намъ бы въ Маркваши,—всю деревню бы сюда усадили.

— Ну, примѣрно — началъ опять Егоръ — на обратную путину, ежели бы Богъ далъ клади...

— Такъ-то бы можно было...

Порѣшили на томъ, что Богъ не безъ милости и, можетъ быть, пошлетъ имъ клади на обратный путь.

— Чего-же, Егоръ Кузьмичъ, поди видно въ горницу, да рѣшай.

— Боязно ребята, какъ бы не тово...

— Благословясь, вали...

— Ну, съ Богомъ!

Егоръ робко сталъ подниматься по лѣстницѣ. Подошелъ къ двери, отворилъ и испугался раздавшаго звонка.

— Ты кто? шопотомъ спросила дѣвчонка, торопливо выбѣгая изъ корридора въ прихожую.

— Мы, матушка, марквашенски, къ хозяину за извозомъ, тоже шопотомъ отвѣчалъ Егоръ.

Дѣвочка убѣжала назадъ. Купецъ показался изъ своихъ аппартаментовъ.

— Что тебѣ?

— Да къ вашей милости, на счетъ, то есть, прибавки...

— Ну, чего ты лѣзешь? Чего полъ-то мараешь? Говорятъ тебѣ—двѣнадцать, цѣна красная.

— Хошь-бы ужъ по четырнадцати... На бѣдность то есть...

— Дуракъ, дуракъ! На бѣдность Христа ради просятъ неимущіе, — а у васъ избы есть, лошади, въ извозъ ѣздите... Хочешь, Христа ради подамъ?...

— Помилуйте, ваше почтеніе, зачѣмъ Господа гнѣвить!

— Ну вотъ, то-то и есть... Берите двѣнадцать, нечего тутъ время-то тратить.

— Ваше почтеніе, копѣечку-то накиньте...

Купецъ повернулъ мужика за плечи къ дверямъ и сказалъ: вотъ тебѣ дорога—ступай.

— Да ужъ мы, ваше почтеніе, согласны...

— По двѣнадцати, смотри? строго спросилъ купецъ.

Егоръ вздохнулъ.

— По двѣнадцати видно ужъ, грустно заключилъ онъ.

— Ну, завтра пріѣзжайте наваливать.

— Задаточку-съ, робко попросилъ онъ.

— Дуракъ! какой тебѣ задатокъ,—обману я что-ли васъ? Свинья!

— На хлѣбъ бы хошь немного: не ѣли севодни ничего...

— На, вотъ полтинникъ,—вотъ тебѣ и задатокъ... Завтра пораньше пріѣзжайте.

— Къ вечеру ужъ бы, ваше почтеніе, лошаденокъ то ли надо покормить, грязища стоитъ.

— Ну ужъ ладно, къ вечеру... Вотъ видите, я вамъ дуракамъ одолженіе какое дѣлаю,—должны чувствовать.

— На этомъ благодаримъ покорно, грустно отвѣчалъ Егоръ.

— Ну, ступай.

— А какъ, ваше почтеніе, на счетъ денегъ, на дорогу то есть?

— Ступай ужъ, коли говорю — балбесъ! Прикащикъ съ вами при обозѣ поѣдетъ, будетъ выдавать, сколько нужно— ступай.

Егоръ ушолъ къ товарищамъ. Купецъ возвратился въ свои апартаменты. Въ столовой комнатѣ былъ раскрытъ большой столъ, на столѣ стоялъ двухведерный блестящій самоваръ и пыхтѣлъ на всю комнату; между чашками и стаканами возвышалась корзина, съ громадной кучей различныхъ сдобныхъ явствъ. Молодая, расплывшаяся отъ жиру, румяная жена купца разливала чай и угощала гостью, одѣтую, съ ногъ до головы, въ черное. Гостья медленно пила чай и часто и глубоко вздыхала, перебирая въ рукахъ четки,

— Дѣла дѣла! сказалъ купецъ, входя въ столовую.

— Суета суетъ, всяческая суета! слезливо подсказала гостья, затѣмъ допила чай, тихо поднялась со стула, помолилась на образа и, смиренно поклонившись купцу съ женой, медленно опустилась на стулъ.

Черезъ полчаса разговоръ зашелъ о денежныхъ дѣлахъ.....

— Теперь я думаю съ помощію Божіей совершить новое путешествіе, смиренно объяснила страница.

— Такъ-съ, это душеспасительно.

— Не желаете-ли вы послать какое приношеніе?

— Отчего-же, можно...

— Вы не подумайте что нибудь, начала странница вдругъ вставши, и таинственно продолжала, стоя предъ купцомъ съ сложенными на груди руками:

— Меня Господь взыскалъ всѣми благами жизни, я жила въ роскоши, и удовольствіи тлѣннаго міра сего и вдругъ, въ нощномъ видѣніи сіяющій яко солнце, явился нѣкій духъ...

Лицо гостьи приняло торжественное, приличное разсказу выраженіе, глаза блестѣли, и правая рука, поднятая къ верху, выражала повелительный жестъ.

Купецъ вталъ на ноги и отодвинулся отъ гостьи—онъ оробѣлъ. Жена купца, почти ничего не понявшая, по бѣдности своихъ умственныхъ силъ, сидѣла за самоваромъ, глупо вытращивъ на высокую гостью свои сѣрые, безтолковые глаза.

Купецъ осторожно вышелъ изъ столовой въ свой кабинетъ.

— Господи,—думалъ онъ, отпирая сундукъ,—какіе люди посѣщаютъ мой домъ!

Онъ вынулъ изъ сундука сто рублей кредитками и отправился въ столовую.

Гостья снова сидѣла на стулѣ, смиренно перебирая чотки.

— Вотъ ужъ потрудитесь—почтительно говорилъ купецъ, подавая деньги—сдѣлайте божеское одолженіе, употребите деньги на богоугодное дѣло.

— «Тлѣнное сіе обратится въ нетлѣнное», сказала гостья, опуская деньги въ карманъ.

— А вы скоро за море ѣдете? спросила купчиха.

— Я матушка не ѣзжу,—я все пѣшкомъ, все пѣшкомъ и не чувствую усталости никогда.

— Чудныя дѣла! Заключилъ купецъ.

Гостья стала прощаться.

— Буди благодать въ вашемъ домѣ!

— Помолитесь за насъ грѣшныхъ.

— Ваша молитвенница за васъ и за весь міръ православный.

Гостья вышла на крыльцо развернула деньги, посмотрѣла и снова быстро опустила въ карманъ.

— Ишь старый, нѣтъ чтобы сотенъ пять дать, а вѣдь миліоны у сѣдаго лежатъ,—думала она, проходя чрезъ подъѣздъ.

Мужики тащились по грязной дорогѣ въ свою бѣдную деревеньку и громко кричали съ телѣги на телѣгу:

— А что, Егоръ Кузьмичъ, если да мы изъ Бугульмы обратного извозу не найдемъ, то, братъ, на харчи не хватитъ.

— Облопаешься съ харчей-то, съ грустной улыбкой подхватилъ другой мужикъ.

— Ничего, ребята, Богъ не безъ милости...

Дмитрій Стахѣевъ.

Бояринъ.

(старая былина)

И прахъ ихъ съ строгостью судьи и гражданина
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Лермонтовъ.

Въ тѣ дни, какъ управства животнаго гнетъ
Давилъ и давилъ беззащитныхъ,—
Когда безотвѣтно царилъ идіотъ
Въ помѣстьяхъ наслѣдныхъ и сытныхъ;—

—

Когда о правахъ не слыхалъ гражданинъ,
Тупѣя съ рожденья въ веригахъ,
Жилъ нѣкто холоповъ крутой властелинъ,
Въ разрядныхъ записанный книгахъ.

—

Шуты, приживалы, да стаи кликушъ
Дѣлили стола его крохи;
И мѣсто по смерти средь ангельскихъ душъ
Сулили ему скоморохи.

—

Былъ праздникъ какой-то; ворота хоромъ
Съ утра для гостей отворялись, —
Къ сосѣду сосѣдей наѣхалъ содомъ,
Хмѣлѣли и вновь охмѣлялись.

—

Какъ кто-то, средь пира въ окно заглянувъ,
Замѣтилъ другимъ необлыжно,
Что соколъ, въ лазури небесъ утонувъ,
Какъ точка чернѣлъ неподвижно,

—

«Задаромъ отдамъ я своихъ жеребцовъ,»
Воскликнулъ бояринъ нездравый, —
«Когда изъ моихъ удалыхъ молодцовъ
«На вызовъ не сыщется—бравый!

—

«Зовите Алешку!» И входитъ слуга.
Ремнемъ опоясанъ станъ ловкій,
Ножъ съ боку блеститъ, на цѣпочкахъ рога,
И ждетъ онъ приказа съ винтовкой.

—

»Смотри-же дать промахъ у насъ не смоги!
«Гостямъ за тебя я ручался!
«Лей кубокъ, дворецкій,—да внесть батоги; —
«На выборъ!»—И выстрѣлъ раздался.

—

По знать подшутилъ съ горемыкою бѣсъ,—
Знать лѣшій толкнулъ удалого,—
Исчезнула птица въ раздольи небесъ,
И «бейте»—раздалося слово.

—

Но, выстрѣлъ заслыша, боярская дочь,
Презрѣвъ стыдъ дѣвичій и толки,
Не въ силахъ предчувствій бѣды превозмочь,
Вбѣжала на пиръ изъ свѣтелки.

—

И только взглянула,—блѣдна, какъ мертвецъ,
Отъ страха безъ чувствъ покатилась,
Смутилися гости, былъ гнѣвенъ отецъ,
По дольше злодѣйство не длилось.

Зима. Собирался бояринъ въ приказъ.
Былъ данъ Алексѣю съ нимъ ѣхать наказъ.

—

И вотъ наканунѣ забравшись въ лѣсокъ,
На плечахъ оленя слуга приволокъ.

—

Скрученнаго сбросилъ на снѣжный бугоръ,
И поднялъ высоко надъ жертвой топоръ;

—

Ударилъ, еще, и всего изрубилъ,—
И части въ дырявый мѣшокъ уложилъ,

—

На просѣку вышелъ пушистымъ лѣскомъ,
И всѣ раскидалъ ихъ кусокъ за кускомъ...

—

Звѣзды-жъ одинокой мерцающій свѣтъ,
Узорилъ кровавый за путникомъ слѣдъ.

Рвутся кони ретивыя,
Сбруя золотомъ горитъ.
Въ алой шапкѣ кучеръ ражій
Возжи вытянувъ сидитъ.

—

Смотритъ дворня и дивится
На Алешку молодца.
Вотъ выходитъ самъ бояринъ
Въ шубѣ бархатной съ крыльца.

—

Обнимаетъ дочъ цѣлуя,
Говоритъ онъ ей, — прощай,
Я съ зарей вернуся ранней,
Такъ смотри-же, не скучай. —

—

— Прокати меня, родимый,
Веселъ городъ, красенъ день,
— Если жалуешь, поѣдемъ, —
Соболь княжескій надѣнь,

—

Призакрой лицо фатою,
Чтобъ на грѣхъ въ недобрый часъ,
Красоту твою дѣвичью
Не испортилъ чорный глазъ. —

—

Скрылись дѣвушки сѣнныя
За шугаемъ и фатой.

Поблѣднѣлъ вдругъ кучеръ ражій,
Словно воскомъ налитой.

—

Мчится поѣздъ. Золотыми
Сбруя бляхами звенитъ.
И боярышня лихого
Лаской кучера даритъ.

—

Унесите-жъ, добры кони!»
Онъ смахнувъ слезу вскричалъ.
Тутъ впервой на шагъ отъ смерти.
Панъ бояринъ задрожалъ:—

—

Привлеченныя приманкой
Окровавленныхъ кусковъ,
Стаи цѣлыя стеклися
Голодающихъ волковъ.

—

Погибаемъ,—молвилъ кучеръ
Обратясь, и увидалъ
Какъ къ груди бояринъ крѣпко
Дочь обмершую прижалъ.

—

«Эхъ, вскричалъ слуга, бояринъ,
Дѣло мнѣ свершить не въ мочь!
Видно нужно-жь было Богу,
Чтобъ ты взялъ съ собою дочь!

—

«Нѣтъ, задаромъ не погубитъ
Твой холопъ такой души!

На-жь, пока борюсь съ звѣрями,
Обернуть домой спѣши!

—

«Да смотри-жь за нашу душу
Помолиться сбѣгай въ храмъ.»
И въ лице ему онъ вожжи
Бросивъ, выскочилъ къ волкамъ.

Но вы прошли, безумцы давнихъ лѣтъ,
Вы, чтители псарей, собакъ, шутовъ и брашенъ.
Травой забвенія заглохъ отъ насъ вашъ слѣдъ,
И духъ безплоднаго прошедшаго не страшенъ,
Не возбудитъ въ пѣвцѣ отнюдь сердечный взрывъ
На ваши буйныя дѣянія оглядка;
И уже брошена презрительно въ разрывъ
Позору вашему перчатка!
А ты, которую отмѣтила судьба
Царить владычицей надъ нами ненаглядной,
Среди невѣжества ты чахла какъ раба
Затворницей свѣтелки непощадной!....
Но лучезарною надеждой возсіять
Прозрѣнье истины надъ мракомъ ужъ готово:—
И рано-ль, поздно-ли во всемъ значеньи слова
Отецъ обниметъ дочь и сынъ отыщетъ мать!

Н. И. Кроль.

Калика-перехожая.

I.

Грибомъ стоитъ въ селѣ избенка...
Въ избенкѣ плачетъ старушонка:
Вчера угнали въ рекрута
Ея радѣльца—радость-сына.
Изба не топлена, пуста,
Чадитъ сосновая лучина.
И ждетъ она: вотъ-вотъ войдетъ,
Вернется сынъ!—такъ жутко ждетъ—
Но тихо все: лишь вѣтеръ свищетъ,
Да мелкій дождь, что прутьемъ, хлыщетъ...

А хоть и сдать бы не законъ,
Да противъ старосты не сладить;
Какъ не взлюбилъ Васютки онъ,
Такъ и доѣхалъ! Заморенъ
Ужь больно парень былъ.—«Спровадить
Положено, молъ, па міру,
Затѣмъ что не радивъ!»—старухѣ
Сказалъ онъ разъ—и глядь Васюхѣ
Забрили лобъ на ту-жъ пору.

II.

Мірскимъ христовымъ подаяньемъ
Она кормилась отъ села,
Кормилась годъ, и все ждала
Роднаго гостя съ упованьемъ.
Къ обѣднѣ-ль въ праздникъ зазвонятъ,

Она накинетъ тѣлогрѣйку,
И въ церкви, съ нищенками въ рядъ,
Въ одну христовую семейку
Собравшись, станетъ у дверей —
И подаютъ міряне ей:
Кто грошъ подастъ, а кто копѣйку,—
Тѣмъ и жила...
А все тоска,
Что червь подточный, грудь ей гложетъ,
И что могильная доска,
Все давитъ, давитъ... И не сможетъ
Она съ тоски на свѣтъ взглянуть,
Ни Богу честно потрудиться,
Ни поработать, ни уснуть:
Затѣмъ, что коршуномъ гнѣздится —
Въ душѣ все дума у нее:
«Ужь мнѣ, молъ, старой, не житье,
Знать, на свѣту: къ землицѣ клонитъ!...
Да кто-жъ безъ сына-то схоронитъ?...
Чай, на міру сколотятъ гробъ.
Чай, и проводитъ даромъ попъ...
Да не о смерти-то кручина:
Кабы взглянуть еще хоть разъ,
Хоть-бы въ конешный-то свой часъ,
На чада-милаго, на сына:
Таковъ ли сталъ, каковъ-то былъ?
Поди зачахъ, аль мать забылъ!...»

—

И было сонное видѣнье
Убогой старицѣ въ ночи:

Какъ-будто, гдѣ-то тамъ сраженье
И гдѣ-то ломятся мечи...
А ночи-темны, тучи-грозны
Вдоль по поднебесью плывутъ.
Плывутъ и грозны, и морозны,
И вѣтромъ бьютъ, и градомъ бьютъ...
Вокругъ—безъ просвѣту поляны,
Туманы сизыя встаютъ,—
И сквозь туманы за поляны
Да все солдатушки идутъ!...
Вотъ-вотъ одинъ... отсталъ, бѣдняга...
Упалъ и стонетъ... хочетъ пить.
Водицей ранушки промыть—
Да нѣтъ воды: пуста баклага...
Зоветъ—и некому помочь:
Проходятъ мимо все и мимо,
Уходятъ въ даль, уходятъ въ ночь...
Ушли... куда?—и невѣстимо!...
А онъ одинъ... а вѣтры бьютъ...
Вокругъ—безъ просвѣту поляны
И надъ полянами туманы.
Туманы сизые встаютъ...
Но вотъ яснѣе и свѣтлѣе
Изъ мглы клубятся облака—
И снѣга бѣлаго бѣлѣе,
Течетъ изъ меда и млека
Въ долинѣ Іорданъ рѣка
А надъ рѣкой грозы-грознѣе
Встаютъ верхи Господнихъ горъ
Синай, Голгофа и Ѳаворъ...

Играютъ Божіи зорницы,
Цвѣты-лазоревы цвѣтутъ,
И на вѣтвяхъ Сирены—птицы
И славословятъ и поютъ...
Возноситъ райская обитель
Тамъ позлащенныя главы:
Въ преддверьи стражи—звѣри-львы,
А на престолѣ самъ Спаситель,
И на главѣ Его вѣнецъ,
Во длани скипетръ и держава,
И съ Нимъ—Богъ-Духъ и Богъ-Отецъ,
И вся глаголемая Слава.
И «святъ, святъ, святъ!» Ему рекутъ
Земля и твердь во честь Владыки,
И всѣ архангельскіе лики
Пѣснь херувимскую поютъ...
Дивится старица чертогу—
И се, раздался зычный гласъ:
«Воспрянь отъ сна и внемли Богу,
Зане приблизися твой часъ!
Се, уготовалъ Азъ дорогу—
Возстани, божія раба,
И съ миромъ въ путь гряди!»

И съ крикомъ
Проснулась въ трепетѣ великомъ
Старуха въ полночь... «Знать, судьба!»
Крестясь, она пролепетала,
«Пора за сыномъ, въ путь пора!»—

И отъ полночи до утра
Съ молитвой мать поклоны клала.

—

И сколотила кое-какъ
Она за нищенскій пятакъ
Въ дорогу лапотки съ котомкой,
И подпоясавшись покромкой,
Взяла убогій посошокъ,
Да захватила образокъ —
«Мать всѣхъ скорбящихъ», да въ тряпицу
Съ могилокъ отчихъ мать-землицу,
И въ долгій путь, благословясь,
Пошла подъ осень, въ снѣгъ и грязь.
И вотъ предъ ней опять поляны
Уходятъ въ даль и въ даль зовутъ,
И надъ полянами встаютъ
И ходятъ сизые туманы.

III.

Охъ, не одна-ль-то, не одна
Дорога въ полѣ пролегала,
Какъ сплошь-то ельничкомъ она,
Дорога, частымъ заростала!
Ужь и кудаже ты, куда,
Дорога гладью расстилалась,
Ты сквозь какіе города
Широкой ширью пробивалась? —
Охъ, вьешься—стелешься-ли ты
За глубь лѣсовъ-боровъ дремучихъ,
За ширь степей-песковъ сыпучихъ,

За тѣ-ль крутыя выэоты!
Охъ, за крутыя выготы,
За прясло хмураго тумана
До синя моря-океяна,
До поднебесной красоты!
И на своемъ вѣку не мало
Всего ты вдосталь повидала:
Не разъ-то съ пѣсней плясовой
Тебя и брагою хмѣльной
Людская удаль поливала,
А и невзгода окропляла
Мірскою горькою слезой.

—

Бредетъ съ котомкою убогой
Путемъ сиръ-древенъ человѣкъ,
Гдѣ много изстари каликъ
Ходило торною дорогой.

Охъ, тяжело ты, тяжело
Житье калики-перехожей:
Все тѣло солнцемъ ей спекло,
Подъ закарузлой, старой кожей;
Нога и стерта, и боса;
Едва прикрыта грудь больная,
И вѣтеръ хлещетъ, развѣвая,
Ея сѣдыя волоса...
И нѣтъ ей въ свѣтѣ уголочка:
Постель ей—мать-сыра-земля,
Пень—изголовье, пологъ—ночка,
Хозяйство—божіи поля.

И будь ей лѣсъ или долина,
Морозъ иль жаръ—ей все равно:
Забыла все она давно,
Лишь помнитъ путь, да ищетъ сына.

—

Тускнѣетъ въ небѣ синева,
Земля потрескалась отъ зною,
И катитъ мѣрною волною
Вдоль по степи ковыль-трава;
А въ чистомъ полѣ кустъ калины
Съ ракитой дремною стоитъ
И съ вѣтромъ старыя былины
Своею рѣчью говоритъ.

«Охъ, ты калинушка-калина,
Ты раскудрявая моя!
Пораскажи-ка мнѣ про сына,
Хоть разутѣшилась-бы я!»

И о лихой солдатской долѣ
Калина шепчетъ ей слова,
А въ чистомъ полѣ, на раздолѣ,
Катитъ волной ковыль-трава
На всей широкой божьей волѣ...

—

...Идетъ,—хоть косточки хрустятъ,
Хоть росы ноженьки студятъ,
Съ осенней зорьки до денницы,—
А по зорѣ надъ нею птицы—
Все гуси-лебеди летятъ.

«Вы, гуси-лебеди, скажите,
Не встрѣли-ль сына гдѣ порой?
А буде встрѣтите,—снесите
Ему поклонъ вы отъ родной!»

—

Гудитъ мятелица шальная
И колетъ иглами морозъ;—
Бредетъ старуха—и отъ слезъ
Рѣсница слиплася сѣдая.
Глухая ночь..... боры шумятъ....
А воронъ шлетъ бѣду да лихо,
И натравляетъ волченятъ
На перехожую волчиха.

«Ты, мати-сѣрая волчиха,
По темной ночи куманиха,
Гдѣ тѣ солдатушки стоятъ,
Гдѣ тѣ ребятушки гуляютъ,
Что горе лихомъ запиваютъ,
Съ бѣдой-сударушкою спятъ?!»—

А ей въ отвѣтъ, снѣга взметая,
Гудитъ мятелица шальная.

IV.

Три года—Богомъ въ небеси,
Сказать, гдѣ сынъ,—у всѣхъ просила.
И гдѣ-то, гдѣ не исходила
Она по всей-то по Руси,
По всей широкой, по раздольной,
Съ своей зазнобой сердобольной!

И въ Новѣ-градѣ побыла,
И въ Кіевъ пробралась, въ петровки,
И по обѣту на Соловки
Къ святымъ угодникамъ прошла:
Мощамъ явленнымъ поклониться,
Кресту честному потрудиться,
Путемъ сыночка отыскать,
И повидавшись,—на погостѣ
Заупокоить стары-кости
И Богу душеньку отдать.

Въ иныхъ мѣстахъ ужь и по слуху
Міряне вѣдаютъ старуху,
А кое-гдѣ и не впервой
Подать ей грошикъ иль краюху,
Иль пріютить на часъ ночной.
А гдѣ, случается, и знаютъ,
Да лишь не по добру встрѣчаютъ,
Не по завѣтной старинѣ
На чужедальной сторонѣ—
Охъ, чужедальная сторонка
Безъ вѣтру досуха сушитъ
И безъ морозу-то знобитъ,
И надъ чужимъ-то горемъ звонко
Хохочетъ вволю и крушитъ!

V.

Прокралось утро—и туманы
Ползутъ за снѣжныя поляны...
Проснулось людное село;
Въ морозной мглѣ взыграло солнце

И ярко каждое оконце
Багрянымъ золотомъ зажгло.

И на солдатскую стоянку
Пришла старуха спозаранку;
Иззябла вся, и вдоль села
Бредетъ—пытается про сына,—
Знать, и теперь чутьемъ вела
Ее завѣтная кручина.

— А нѣтъ-ли, братцы, промежъ васъ
Васютки Лаптя?... чай, съ печали
Зачахъ,—а парень на показъ!
Аль нѣтъ такого? не знавали?

— Васюхи Лаптя?—какъ не знать!
У насъ!... Да ты-то кто?...
— А Мать...

— Мать!.. эко дѣло!.. ну, попала!..,
Пришла-бы раньше, не застала...
Здѣсь, здѣсь сынокъ!... Да вишь ты... онъ
Съ тоски былъ, баютъ, заморенъ:
Все по тебѣ-же... Ну, и тягу!
Да не надолго: не хитеръ!—
Ужъ ловятъ въ третій разъ бѣднягу.

И съ первыхъ словъ подъ сердце ей
Щекотно что-то подступило
И щастьемъ-радостью забило
И изъ груди и изъ очей;
И отъ восторга мать сначала

Тѣхъ страшныхъ словъ не дослыхала:
Съ великой радости она
Затрепетала, что былина:
Нашла... нашла надежу-сына! —
И снова жизнь для ней красна!
И все пытаетъ: « гдѣ-жь квартера,
Стоитъ-то гдѣ онъ?.. гдѣ живетъ?»...

— А вотъ спроси у кавалера;
Онъ и разскажетъ и сведетъ...
Ступай на выгонъ: вонъ, на поле,
Гдѣ барабанъ-то все трещитъ, —
Ну, тамъ и сынъ...... живетъ на волѣ;
Въ зеленой улицѣ стоитъ!

И вдругъ пустилась, что есть духу,
Калика въ поле, вся дрожа. —
Сразило радостью старуху,
Да пуще остраго ножа!...
Бѣжитъ, крестяся и рыдая,
Раскрыта грудь, нога боса,
И вѣтеръ хлещетъ, развѣвая,
Ея сѣдыя волоса,..

И вотъ ужь близко до поляны....
Глядитъ: народъ стоитъ гурьбой,
И заглушаетъ барабаны
Какой-то долгій, дикій вой;
А вдоль шеренга фронтовая
Зеленой улицей стоитъ —

И что-то, вѣтеръ разсѣкая,
Въ морозномъ воздухѣ свиститъ...

В. В. Крестовскій.

Свекровь.

I.

Жила когда-то въ нашемъ селѣ вдова Орлиха. Я еще невеличка была тогда, не очень-то ее помню, а слышала отъ покойной моей матушки — царство ей небесное! Матушка съ Орлихой сосѣдки были, — жили заборъ о заборъ. Мерещится мнѣ эта Орлиха, словно въ туманѣ: высокая, въ красномъ очипку, и все черныя брови хмуритъ.

Мужъ ея давно померъ, старшаго сына въ Туречинѣ убили, а меньшой съ матерью жилъ, хозяйничалъ. Паробокъ онъ былъ,—хоть куда, красивый, хоть съ лица воду пей, проворный, веселый и работящій. Мать онъ уважалъ, старуха его берегла, какъ зѣницу ока.

Задумала Орлиха своего Василя женить, стала невѣсту ему отыскивать, Соберутся ли дѣвушки на улицѣ, на курганѣ ли играютъ, Орлиха тутъ какъ тутъ, прислушивается да вглядывается.

«Не бери», говоритъ, «сынъ мой, богатую: мы и сами не богаты; а ищи себѣ жену послушную да смиренную».

«Хорошо, матушка», говоритъ, «вы сыщите мнѣ жену, какую нужно,—я и женюсь».

Пока мать искала, онъ самъ себѣ невѣсту нашелъ. Съѣздилъ на ярмарку въ Вишенькахъ, да и повадился каждый ве-

черъ туда ходить. Мать смекнула дѣло прежде всѣхъ и дозналась: ходитъ Василь къ Ганнѣ Короливнѣ.

«Сынъ мой, сынъ», говоритъ она ему, «не бери ты этой богачки: будетъ она больно чваниться. Это вѣдь отцовская дочка, привередливая, гордая; откажись отъ нея».

А Василь ей до самой земли кланяется, согласія проситъ.

Нечего дѣлать, послали сватовъ, справили свадьбу, привезли молодую къ свекрови.

А что приданаго за ней было, Боже мой! На девяти возахъ везли, и въ каждомъ возѣ шли четыре вола сивыхъ. Запаски шелковыя, пояса, какъ жаръ, кожухи шелкомъ вышиты, а сама молодая въ золотомъ очипкѣ. Намитка на ней тонкая да легкая, какъ дымъ; красные коралы висятъ до самого пояса.

Всѣ заглядѣлись на нее. Точно розанъ, она въ полномъ цвѣту! Только старая Орлиха, встрѣчая молодую невѣстку хлѣбомъ-солью, какъ-то неласково глянула ей въ глаза.

II

Прошелъ годъ. Спачала молодая Орлиха часто на улицу выходила. Бывало, заговоритъ она, или засмѣется, такъ даже старику веселѣй на сердцѣ станетъ; а потомъ и полно; никто ее не видѣлъ: все у себя въ хатѣ сидитъ. (Они, видите ли, поставили себѣ двойную хату; въ одной молодые жили, въ другой—мать).

Бывало, кто спроситъ старую Орлиху: «А что ваши дѣтки? Славную вамъ невѣсточку Богъ далъ!»

«Извѣстно, отцовская дочка», отвѣтитъ она; а случится—и слова не промолвитъ, точно не слыхала.

Разъ, какъ-то матушка у себя въ хатѣ перебирала,—вошла Ганна. Мать видитъ, что очень она печальна—сѣла подлѣ нея и говоритъ:

«Что съ тобой, моя голубушка? отчего у тебя глазки впали? отчего ты запечалилась?»

Ганна всплеснула руками, и слезы у ней покатились, какъ жемчужныя зерна.

«Не любитъ меня свекровь, обноситъ меня, съ Божьяго свѣта сгоняетъ: упрекаетъ, что я, молъ, отцовская дочка. Батюшка мой! еслибы ты зналъ, какая судьба моя несчастная будетъ, утопилъ бы ты меня въ глубокомъ колодцѣ еще въ пеленкахъ.»

Матушка разспрашиваетъ, что, какъ у нихъ, за что ссора вышла.

«Она съ перваго взгляду меня не полюбила. Запаски мои лучшія шелковыя попортила. Какую ни возьму, она у меня въ рукахъ такъ и тлѣетъ. Это она, это она,—я знаю! чего-то насыпала въ мой сундукъ—и золотыя очипки мои потемнѣли, и красные пояса полиняли. Она все добро мое переводитъ. Все къ Василю пристаетъ: продай да продай тѣхъ воловъ! (что отъ моего батюшки). А я говорю: «Не хочу: на что продавать?» Василь, правда, и не повелъ ихъ на ярмарку. Она какъ накинется на меня: «А, вражья дочка! отъ тебя я сиротою стала: мой Василь отъ меня отрекся! Да погоди, погоди: я тебя славно отблагодарю!»

«Покорись, Галю», говоритъ моя матушка. «Что жъ дѣлать?»

«За что я ей буду покоряться?» крикнула Галя. «Не хочу! Какъ аукнется, такъ и откликнется.»

III.

Вотъ, однажды ночью, не спится моей матери; слышитъ она—у сосѣдей кто-то шепчется. Отворила она окошечко да и прислушивается.

«Галя, сердце мое», говоритъ Василь, «отчего у тебя опять глаза заплаканы?»

«Не оставляй меня одну, Василь: я и не придумаю, какъ безъ тебя день пережить: тяжело мнѣ, тошно!»

«Что съ тобой, моя рыбочка? Неужто опять мать? Я, какъ уѣзжалъ, просилъ, чтобъ она тебя не огорчала.»

«Она со мной словечка не проговорила, Василь; цѣлый Божій денечекъ и въ глаза не взглянула. Скучно, грустно было въ хатѣ!»

«Что это Орлиха дѣлаетъ?» говоритъ на другой день моя матушка. «А, кажется, разсудительная женщина!»

IV.

Настала жнитва, созрѣла Василева пшеница, такая славная,—колосъ въ колосъ! Наша нива подлѣ ихней была, такъ матушка вмѣстѣ съ Ганной въ поле хаживала. Однимъ утромъ пождала ее матушка, пождала, да и пошла одна. Галя пришла уже послѣ обѣда, да такая блѣдная, шатается. Матушка даже испугалась: что съ ней сталось!

«Печетъ мнѣ что-то около сердца, словно огнемъ», говоритъ Ганна; «и на ногахъ стоять не могу; черезъ силу до нивы доплелась».

«А что свекровь?» спрашиваетъ мать.

«Ой, тетушка моя милая! сегодня я ее видѣла въ нашей коморѣ. Проснулась я, а она стоитъ прямо противъ мѣсяца, бѣлая такая, растрепанная... Я вскрикнула, а она вонъ изъ коморы.»

«Это тебѣ такъ почудилось, дитя мое.»

«Нѣтъ, нѣтъ! видѣла я ее хорошо.»

«И Василь видѣлъ?»

«Василь дома не ночевалъ: онъ въ отъѣздѣ. И онъ мнѣ

не вѣритъ. Не сожну я сегодня ни снопка; нѣту силы руку поднять. Подожду я Василя: онъ сказалъ мнѣ, что къ вечеру вернется; такъ онъ уже меня доведетъ домой.»

V.

Матушка пошла жать. Стало вечерѣть. Она присматривается—не видать что-то Ганны. «Ужъ не домой ли она пошла?» Спрашиваетъ она другихъ жницъ—и тѣ не видали, чтобы шла куда. Кличетъ—не откликается. Къ тому мѣсту вернулась, гдѣ она была,—и тамъ нѣтъ. Что за диво? Вотъ стала матушка проходить между копнами, и нашла ее мертвую. Лежитъ она, словно спитъ; хороша и свѣжа, какъ цвѣточекъ; въ головахъ у ней снопикъ пшеницы; руки крестъ накрестъ сложила. Вечеръ Господь далъ такой ясный, тихій, и лежитъ она, какъ живая, въ пшеницѣ, и колосья надъ нею нагнулись

Побѣжала за Василемъ. Онъ не далеко и былъ, косилъ. Встрѣтила его,—идетъ такой веселый къ ней.. Какъ увидалъ онъ ее неживую, поднялъ косу да и черкъ себя!... никто не успѣлъ глазомъ мигнуть... Тутъ подлѣ нея и упалъ.

VI.

Бросились къ старой Орлихѣ. Встрѣтила она мою матушку еще въ воротахъ, точно ждала ее, матушка и говоритъ ей: «Невѣстка ваша умерла »

Старуха стиснула зубы и ударила объ полы руками.

«Что-жъ дѣлать? видно, такая судьба!» говоритъ, а не заплакала, ничего, только стоитъ бѣлая, какъ полотно

Мать испугалась, да и не знаетъ, какъ ей про сына сказать. А тутъ ихъ и несутъ.

«Вотъ обоихъ несутъ!» говоритъ мать

Старуха какъ крикнетъ: «Какъ обоихъ?»

«Бабушка, вѣдь и Василя вашего нѣту въ живыхъ.»

Какъ она кинется, какъ побѣжитъ! чуть не вышибла мертвеца изъ рукъ у людей. Схватила его за голову и кричитъ надъ нимъ... Страшна она тогда была; безъ платка, сѣдыя косы по плечамъ треплются, вся растерзанная, вся въ крови, ходитъ, ходитъ вокругъ сына да все кричитъ, словно Господь ее разума лишилъ.

Одѣли молодыхъ, положили рядомъ на столъ. Кто пошелъ домой, кто остался на ночь. Смотрятъ — нѣтъ старой Орлихи, словно въ землю провалилась. Ужъ на другой день нашли ее подъ заборомъ мертвую. Лежитъ, вся синяя, какъ бузина.

Молодыхъ вмѣстѣ похоронили, старуху поодаль. Хата ихъ запустѣла, развалилась: никто и купить не хотѣлъ. Слухи ходятъ, что каждый вечеръ, какъ только взойдетъ мѣсяцъ, бродитъ по тому двору молодая Орлиха; сядетъ въ глухую полночь противъ мѣсяца, сложитъ бѣлыя руки, поджидаетъ свекровь да все упрекаетъ ее: «Ты меня, молодую, съ бѣлаго свѣта согнала, старая Орлиха!»

Марко Вовчокъ.

Пѣсня о хорошей женщинѣ.

(изъ Іог. Шерра).

Она родилася крестьянкой простой...
Не злобива сердцемъ, прекрасна собой,

Всегда весела за работой,
По нраву проста и скромна;
Въ нуждѣ помогала она
И словомъ и дѣломъ съ охотой.

Хоть библіи, прозы и даже стиховъ
Она не читала въ тиши вечеровъ

И вовсе читать не умѣла, —
Но дѣтямъ всегда и во всемъ,
Какъ честная мать, образцомъ
Служила для каждаго дѣла.

Батрачку взяла она въ домъ для подмогъ,
А мужъ-то пошелъ—разсуди его Богъ! —

Дорогой грѣха на несчастье:
У дѣвушки стали чрезъ нѣсколько дней
И юбки короче, и платья тѣснѣй —
И все отъ любовнаго счастья.

Замѣтивъ, что горе надъ домомъ стряслось,
Хозяйка не тратила вздоховъ и слезъ,

На брань у ней силъ не хватило, —
Она въ свою спальню ушла
И тамъ, какъ спастися отъ зла,
У Бога совѣта просила.

И планъ былъ составленъ. Кротка и тверда,
Она объяснилася съ мужемъ тогда

Объ дѣлѣ обдуманномъ строго,
И мужъ передъ честной женой
Безмолвно поникъ головой,
Какъ грѣшникъ предъ образомъ Бога.

Когда же настал ожидаемый мигъ,
То слышенъ былъ первый младенческій крикъ

Въ дому на хозяйской постели;
Хозяйка ласкала дитя
И думали всѣ, не шутя,
Что сынъ былъ ея въ самомъ дѣлѣ.

Бѣдняга, не знавшая лжи никогда,
Лгала предъ всѣми теперь безъ стыда

И нянчась съ батрачкой больною,
Лелѣя ее словно дочь,
Умѣла ей скоро помочь
Стать добраго парня женою.

А мальчикъ, хотъ стоилъ ей горя и слезъ,
Какъ сынъ, нарукахъ ея ласковыхъ взросъ...

О томъ же, что грудь истерзало,
Что жизнь ей смутило,—она,
Безмолвная, знала одна,—
Разсказывать людямъ не стала.

А. Михайловъ.

Покинутый домъ.

Домъ стоитъ близь Мойки,—вензеля въ коронкахъ
Скрасили балконъ.
Въ домѣ роскошь—мраморъ,—хоры на колонкахъ—
Расписной плафонъ.

Шумно было въ домѣ гости пріѣзжали—
Вечера,—балы,—

Вдругъ все стало тихо—даже перестали
Натирать полы.

Няня въ кухнѣ плачетъ, поваръ снялъ передникъ,
Перевязь—швейцаръ:
Заболѣлъ внезапно маленькій наслѣдникъ —
Судороги, жаръ...

Вотъ, передъ кіотой огонекъ лампадки...
И хозяйка-мать
Приложила ухо къ пологу кроватки —
Стоновъ не слыхать.

— «Боже мой! ужели?!.. Кажется, что дышетъ....»
Но, на этотъ разъ,
Мнимое дыханье только сердце слышитъ —
Сынъ ея погасъ.

— «Боже милосердый! Я ли не молилась
«За родную кровь!
«Я ли не любила! Чѣмъ же отплатилась
«Мнѣ моя любовь?

«Боже страшный Боже! Гдѣ-жъ твои щедроты?
«Коли отнялъ ты
«У отца—надежду, у моей заботы
«Лучшія мечты!»

И отъ взрыва горя въ ней изсякли слезы, —
Жалобы напѣвъ
Перешелъ въ упреки, въ дикіе угрозы,
Въ богохульный гнѣвъ.

Вдругъ остановилась, дрогнула отъ страха,
Крестится, глядитъ:
Видитъ—промелькнула бѣлая рубаха,
Что-то шелеститъ.

И мужикъ косматый, точно изъ берлоги
Вылѣзъ на просторъ,
Сѣлъ на табуретѣ и босыя ноги
Свѣсилъ на коверъ.

И вздохнулъ, и молвилъ:« Ты ужъ за ребенка
«Лучше помолись;
«Это я, голубка, глупый мужиченко —
«На меня гнѣвись...»

Въ ужасѣ хозяйка—жмурится, читаетъ:
«Да воскреснетъ Богъ!»
«Няня, няня! Люди!—Кто ты? вопрошаетъ:
«Какъ войти ты могъ?«

—«А сквозь щель, голубка! вѣдь твое жилище
«На моихъ костяхъ,
«Новый домъ твой давитъ старое кладбище—
«Нашъ отпѣтый прахъ.

«Помнишь—это было при Петрѣ Великомъ—
«Къ нашъ пришелъ указъ.
«Взвыли наши бабы и ребята крикомъ
«Проводили насъ—

«И, крестясь, мы вышли. Съ родиной проститься
«Жалко было тожь—
«Подростали дѣтки, да и колоситься
«Начинала рожь...

«За спиной-то пилы, топоры несли мы:
«Шелъ не я одинъ—
«Къ Петрову, голубка, подъ Москву пришли мы,
«А сюда въ Ильинъ.

«Истопталъ я лапти, началась работа,
«Почали спѣшить:
«Лѣсъ валить дремучій; засыпать болота,
«Сваи колотить—

«Годикъ былъ тяжелый. За Невою, въ лѣто,
«Выросъ городокъ!
«Прихватила осень,—я шубенку гдѣ-то
«Заложилъ въ шинокъ.

«Къ зимѣ-то пригнали новыхъ на подмогу;
«А я слегъ въ шалашъ;
«Къ утру, подъ рогожей, отморозилъ ногу,
«Умеръ и—шабашъ!

«Вотъ, на этомъ самомъ мѣстѣ и зарыли,—
«Барыня, повѣрь,
«Въ тѣ поры тутъ ночью только волки выли—
«То ли, что теперь!

«Поглазѣть на Питеръ долго на свободу
Выйдти я немогъ:
«Изъ подвальной ямы выкачали воду—
«И—прошелъ мой вздохъ.

«Ты меня не бойся—что я? мужиченко!
«Грязенъ, бѣденъ, сгнилъ,
«Только вздохъ мой тяжкій твоего ребенка
«Словно придушилъ....»

Онъ исчезъ—хозяйку около кроватки
На полу нашли;
Появленье духа къ нервной лихорадкѣ,
Къ бреду отнесли.

Но съ тѣхъ поръ хозяйка въ сѣверной столицѣ
Что-то не живетъ;
Вѣчно то въ деревнѣ, то на югѣ, въ Ниццѣ...
Домъ свой продаетъ—

И пустой стоитъ онъ,—только дождь стучится
Въ запертой подъѣздъ.
Да въ окошкахъ темныхъ по ночамъ слезится
Отраженье звѣздъ.

Я. П. Полонскій.

Демократка.

По землѣ, путемъ-дорогою,
Неприступно-холодна,
Мѣрнымъ шагомъ, съ миной строгою,
Вся закрыта черной тогою,
Ходитъ странница одна.
Въ ея красотѣ скрыто что-то ужасное:
Черты молодыя...
Лишь кудри сѣдыя
Чело обрамляютъ безстрастное.
Идетъ она—жизни дыханія
Найти можно болѣе въ мраморѣ...
На сушѣ и на морѣ

Не дрогнетъ лица изваяніе.
Идетъ...
Но куда не придетъ она въ гости —
Тамъ въ страшныхъ мученіяхъ гибнетъ народъ,
И не кому мертвыхъ отпѣть на погостѣ:
Царитъ въ каждомъ бѣдномъ жилищѣ—
Кладбище.
Мимо пышныхъ чертоговъ, палатъ,
Мимо оргій, гдѣ пляски гремятъ,
Гдѣ пиры возмутительно сладки,
Эта гостья идетъ безъ оглядки:
Ихъ не видитъ презрительный взглядъ—
Демократки.
Нѣтъ, чуждаясь мірской суеты,
Шумныхъ пиршествъ, вакхическихъ арій,
Ищетъ странница жалкихъ дѣтей нищеты,
Ищетъ всюду тебя, пролетарій....
Только въ темныхъ подвалахъ столицъ,
На палатяхъ мужицкой артели,
Въ дымныхъ избахъ, подъ сводомъ больницъ,
Передъ нищимъ на жесткой постели,
У подушки несчастныхъ блудницъ,
Въ чудной странницѣ жизнь просыпается,
И, бѣднякъ, къ твоему изголовью
Съ лихорадочно-дикой любовью
Склоняется
Въ серебристыхъ кудряхъ голова,
И ты слышишь—слова:
—«Отъ позора, отъ нищенства вѣчнаго,
Отъ побой, отъ труда безконечнаго,

Будь покоенъ, тебя я спасу....
Прокляни свою долю голодную,
Эту жизнь, только въ пѣсняхъ свободную...
Какъ любовница, въ землю холодную
Я съ собою тебя унесу...
Мы забвенье въ могилѣ отыщемъ...»
И надъ нищимъ,
Вѣя чарами вѣчнаго сна,
Раскрываетъ объятья она.
Въ его щеки впивается смѣло
Ледяными лобзаньями губъ—
И сейчасъ еще теплое тѣло
Обращаетъ въ безжизненный трупъ.
И дальше походкой своей неизмѣнною
Идетъ она въ міръ, какъ гетэра...
И въ трепетъ и въ ужасъ приводитъ вселенную
Зловѣщее слово—*холера*.

Д. Д. Минаевъ.

Тяжкое обязательство.

... Дождь только что миновался; по небу безпрерывно неслись толпы обезсилѣвшихъ жидкихъ тучъ, которыя изрѣдка, на быстромъ бѣгу своемъ, роняли нѣсколько капель на землю, на гнилой подоконникъ моей каморки и проносились мимо. Въ открытое окно иногда врывались волны сыраго, вечерняго вѣтра, шевелили какую-то бумажку на столѣ и поталкивали тоже гнилую, съ выболтавшимся замкомъ, дверь. Дѣло происходило на бѣднѣйшемъ постояломъ дворѣ, бѣднѣйшаго уѣзд-

наго города; я сидѣлъ на жосткомъ неудобномъ диванѣ, слушалъ, какъ замираетъ ворчанье кособокаго самовара, пошатывавшагося отъ вѣтру на кособокомъ желѣзномъ подносѣ, курилъ и, кажется, ни о чемъ не думалъ. Въ окно виднѣлся плетень, за колья котораго хватается какой-то солдатъ, намѣревающійся пробраться сухой тропинкой и не влетѣть въ грязь... За заборомъ, въ дали, какая-то мокрая соломенная крыша, двѣ промокшія вороны съ глухимъ карканьемъ поднялись было надъ нею, но тотчасъ же и возвратились въ свои норы... За мокрой соломенной крышей тучи и тучи... Тяжесть какая-то, которую испытываешь именно только подъ вліяніемъ этихъ крышь, воронъ, грязи и разоренья, вѣющаго отъ всякой русской глуши, — наваливалась на меня вмѣстѣ съ темнотою, сумракомъ дождливаго лѣтняго вечера... Безконечнымъ какимъ то одиночествомъ вѣялъ и этотъ сырой, молчаливый вѣтеръ, и полузаглохшая комната постоялаго двора...

— Откушали чай, батюшка? съ кашлемъ спросила меня ветхая и грязная старуха, входя въ комнату...

— Бери, бери! сказалъ я.

Старуха стала осторожно подходить къ самовару, стараясь какъ можно осторожнѣе ступать своими большими, мужичьими сапогами. Покашливая и тяжело дыша, причемъ въ груди ея что-то хрипѣло, напоминая испорченные деревенскіе часы,—стала она убирать чашки, собирать съ окна и со стола передъ диваномъ ложечки и блюдцы въ одно мѣсто,—и въ это время я замѣтилъ, что она какъ будто плачетъ: нѣсколько разъ она касалась концомъ грязнаго фартука своихъ глазъ, и, какъ будто бы слегка всхлипывала. Сначала мнѣ показалось, что это съ холоду, но когда старуха утерла фартукомъ носъ, то я уже не сомнѣвался, что она плачетъ, ибо она

такъ обошлась съ своимъ носомъ, какъ это дѣлаютъ только горько плачущіе люди.

Слезы старухи, благодаря грустному расположенію духа, навѣянному вечеромъ, погодой и обстановкой комнаты,—тотчасъ же отдались во мнѣ.

— Ты о чемъ плачешь! спросилъ я...

Старуха всхлипывала и, не отвѣчая мнѣ, перебирала блюдцы и ложечки... Я думалъ, что это сердитая должно быть старуха, что она не отвѣтитъ мнѣ, — и не повторилъ моего вопроса; но она, помолчавши нѣсколько секундъ, какъ-то отрывисто, захлебнувшись слезами, сказала:

— Да вѣдь жалко!..

И тотчасъ же опять утерла носъ.

— Кого же тебѣ жалко? спросилъ я.

— Ды барыню свою очень жаль!...

Корявые пальцы старухи не позволяли ей сразу справиться съ чайнымъ приборомъ: она попробовала было взять и чашки, и подносъ, и самоваръ—всѣ вмѣстѣ, но съ подноса и блюдечка вдругъ полилась на полъ и столъ вода; старуха принуждена была снова поставить все на прежнее мѣсто и стараться принять посуду какъ нибудь на другой маперъ, по удобнѣе...

— Поглядикось, бормотала она, — какъ заливается-то, головушка!... Глянешь, глянешь на нее, да и сама въ слезы... Головушка бѣдная... Чать видѣлъ, недавнишь повозка тутотько проѣхала?...

— Видѣлъ!

— Ну—барыня это... Я ея крѣпостная бывшая, сорокъ пять годовъ у ее выжила... мнѣ это извѣстно, какая у нее ангельская душа... Какъ увижу — кажется бы въ гробъ мнѣ

легче лечь, нежели чѣмъ муку ее безпокойную видѣть... Вонъ теперче въ городъ ѣдитъ—подико-сь, полюбуйся, каково сладко причитаетъ...

— Да что такое съ ней случилось...

— Да вотъ то, вотъ, что погубили ее... Разбойникъ одинъ, мошенникъ! Больше ему и званія нѣту — душегубъ. Чтобъ ему и съ чугуномъ-то со своимъ, — чугунную вишь дорогу велъ, черезъ барыню, черезъ землю... Кто жъ его зналъ кровопійцу? Ему въ душу не влезешь, тоже чиновникъ прозывается... — «Кто вы такіе будете?» — «Я, говоритъ, путей сообщенія...»

— Кто?

— Путей, говоритъ, сообщенія... — «Какое ваше будетъ званіе?» тоже какъ у добраго человѣка спрашиваемъ... А какое его званіе? Чортъ! Вотъ ему и чинъ его весь... прости Господи.

Старуха видимо была разсержена. Она нѣсколько разъ обхватывала рукой самоваръ, чтобы унести, но негодованіе до того было сильно, что его требовалось разрѣшить не исполненіемъ своихъ обязанностей,—а чѣмъ нибудь постороннимъ,—обстоятельнымъ разговоромъ, чьимъ нибудь участіемъ...

— Что такое? обманулъ онъ или ограбилъ ее?... спросилъ я.

Старуха какъ будто бы не слышала моего вопроса и съ сердцемъ сказала:

— Кабы на васъ, на мущинъ, — управа была, а то нѣту управы-то на васъ... Вотъ изъ-за чего!.. Съ нами съ женщинами—такъ нельзя! У насъ отъ покойника отъ барынинаго мужа,—бумага была особенная, гербовая... чтобы не боже мой—замужъ не выходить... «Хоша я и умираю, отхожу, ну, что-

бы супруга моя была зачислена за мной, за упокойникомъ, но нежели, когда ежели она замужъ посмѣетъ... Чтобы вдовѣла безпримѣнно по честности своей... А то всего имущества, которое, напримѣръ, имѣніе,—то я ее всего лишу...» Видишь вотъ? Такъ намъ нельзя было себя допущать... Намъ это невозможно какъ нибудь... У насъ первое дѣло контрактъ бариновъ, а второе дѣло стыдъ, — такъ мы съ барыней то ровно на цѣпяхъ были привязаны, какъ собаки какія... И мой-то мужъ въ отлучкѣ въ Бисарабіи былъ... Такъ-то родной..., Такъ ужъ мы какъ старались!... Барыня молодая, я женщина въ ту пору молодая была,—какъ безпокоились-то!... Какъ намъ честность нашу въ святомъ вѣнцѣ сохранить?... У насъ, бывало, всѣ окны занавѣшены; всѣ двери на запорахъ, на крюкахъ желѣзныхъ, заборы эво какими гвоздищами оковали... Намъ нельзя какъ нибудь себя допускать, мы женщины... И чтожъ? Слава Богу было!... Запремся на крюки, на запоры, всего у насъ довольно, сидимъ мы чаекъ попиваемъ, сердце у насъ веселое, потому думаемъ:—«Вотъ мы, слава Богу, по честности живемъ, контрактъ супруговъ соблюдаемъ», и таково намъ чудесно — легко... А чуть ежели... Сейчасъ мы панихиду по покойнику... Часто у насъ служеніе было... Жили мы честно, благородно, и вѣкъ бы свѣковали, коли бы этого путей собщенія не принесло... Охъ, ужъ и накажетъ его Богъ! ужъ онъ его...

— Что же такое онъ сдѣлалъ?

— Тьфу! вотъ что!.. Ну, позвольте васъ спросить, ну, вотъ вы проѣзжающій господинъ,—ну, что же хорошо это,— ежели придти къ человѣку въ домъ, къ женщинѣ—да прямо эдакъ-то вотъ и завалиться гдѣ ни попадя?.. Ну, что это порядокъ? Какъ же: сидимъ мы, — осенью было дѣло; заперлись,

заколотились наглухо; пьемъ чай, думаемъ о своей чести. о благородствѣ, — вдругъ въ сѣнцахъ — «стукъ, стукъ, грохъ-грохъ»... Господи-батюшка, кому быть объ эту пору, — время позднее, жили мы въ деревни, — ну-ко да лихой человѣкъ, безсовѣстный воръ-разбойникъ? «Какъ намъ быть?» Дрожимъ, молитвы творимъ, мало-маля погодя—«грохъ-грохъ-грохъ!» Что ты будешь дѣлать? Какъ намъ мужчину впустить?

— Почему ты узнала, что это мужчина стучится?

Старуха на минуту остановилась, но тотчасъ же съ особенной явственностію проговорила.

— Потому мы кажиную минуту за свое женское благолѣпіе опасались... Вотъ отъ чего, другъ ты мой! Какъ началъ онъ громыхать,—громыхалъ-громыхалъ,—вижу я надыть пойдти узнать... Пошла я, спрашиваю: «Кто вы такіе? Что вы насъ женщинъ смущаете?»—«Я путей сообщенія! Христа ради пустите ночевать...» «Какъ намъ можно мужчину къ себѣ къ женщинамъ допущать, коли у насъ контрактъ, говорю... Намъ это невозможно».—«Сдѣлайте милость, Христа ради! Гдѣ угодно, хоть въ сѣнцы, хоть въ кухню...» Такъ упрашивалъ, такъ упрашивалъ,—Христомъ Богомъ молилъ,—дрожали мы дрожали, думали, думали — «сѣмъ пустимъ?» Положили мы съ барыней такъ, что запремъ его на пять замковъ въ кухню,—пустили... Тутъ и спокою конецъ!

Разскащица только руками развела и замолкла!

— Что же онъ буянъ, пьяница?

— Ни-ни-ни! Этаго нѣтъ, что грѣха таить, — не было этого... Человѣкъ смирный, сырой, тихій—дитя малое... Какъ пришелъ, — сюртукъ узенькой, пуговицы свѣтлые (въ одномъ сертучишкѣ пришелъ), руки длинные, полный, настоящій медвѣдь, и голова-то у него курчавая... Пришелъ онъ и осматри-

вается: куда, молъ, меня?» — «Въ кухню, говорю, пожалуйте, потому мы женщины, намъ нельзя себя допущать...» Ни слова не сказалъ, пришелъ въ кухню, прямо на лавку—тамъ во всемъ облаченіи и легъ; и шапка въ рукахъ. Заперла я его здѣсь на два замка, всѣ углы крестами осѣнила, окрестила,— пошла къ барынѣ, говорю: «на глухо заперла сообщенія.» Вотъ хорошо. Сидимъ мы съ барыней, о своей честности—совѣсти сумнѣваемся,—думаемъ, что это сѣрый волкъ голосу намъ не подаетъ? Стало намъ въ голову все нечистое приходить!— кабы не поджогъ, да не воръ ли?.. Все такое. — «Вотъ что, Арина, говоритъ барыня; мы женщины, намъ нельзя мужчину такъ оставлять... Богъ его знаетъ, что у него на умѣ? Надо намъ его караулить. Лучше же мы его въ горницѣ положимъ, покрайности онъ на глазахъ...» Пошла я къ нему, разбудила, говорю: «Мы женщины, намъ невозможно васъ безъ призору оставить, Богъ васъ знаетъ, что у васъ на умѣ... Пожалуйте въ горницу... Всталъ пришелъ; молчитъ. Послали мы ему на диванѣ, сами цѣлую ночь глазъ сомкнуть немогли,—одна, у однихъ дверей легла, другая, у другихъ. Потому самъ ты посуди! Хорошо это? Цѣлехонькую ночь мы все опасались... На утро, сударикъ ты мой, иду я къ нему, говорю: извольте вставать. Кто придетъ—увидитъ мужчину, — намъ это невозможно, мы женщины... У насъ контрактъ съ покойникомъ. Лежитъ, съ головой въ одѣяло завернулся, — молчитъ... Молчалъ, молчалъ, высунулъ одинъ глазъ—шепчетъ: «довольно я на своемъ вѣку, на вѣтру, да на морозѣ назябся, дозвольте мнѣ кости мои успокоить... Я не молоденькій... У меня кости ноютъ, нѣту мнѣ пріюта, назябся я... Я говорю: — «Нѣтъ ужъ вы, говорю,—сдѣлайте милость; вы насъ увольте... Мы женщины... Назябся, назябся, говорю; ну, что же, ну пойду

я да назябнусь, чтожь, такъ мнѣ и идти къ мужчинѣ въ домъ? Ну? Нечто хорошо это?» Молчалъ, молчалъ, высунулъ одинъ глазъ изъ подъ одѣяла, говоритъ: «довольно я на своемъ вѣку земли ногами моими вымѣрилъ; довольно я съ шестомъ по полямъ исходилъ. Дозвольте отдыху...»—«Ахъ, мои батюшки, говорю, съ шестомъ, съ шестомъ! Ну, пойду я, да возьму шестъ,—ну, что же, хорошо это будетъ?» Такъ и такъ стараюсь его урезонить,—моченьки моей нѣту!... А онъ то, голубчикъ ты мой, все эдакими же самыми словами; я бѣдный, несчастный, до старости дожилъ, утѣхи не видалъ... видѣть я не могу мою должность.. сжальтесь вы надо мной, я васъ не обопью, не объѣмъ. Нѣту у меня угла, пріюта...» Смотрю на него—страсть мнѣ его жалко стало. Пошла къ барынѣ, а ужь она вся въ слезахъ... «Погубилъ онъ меня. Сжалось мое сердце отъ него!.. На, отнеси ему халатъ мужнинъ. Ахъ, какой стыдъ черезъ это!» — «Матушка, говорю, сѣмъ мы мужиковъ позовемъ—уволимъ его отъ насъ!...»—«Нѣтъ, говоритъ,—стыдъ пойдетъ, срамъ, мужчина былъ у вдовы...»—«Ну сѣмъ онъ у насъ жильцемъ будетъ, въ родѣ жильца?..»—«Н—нѣтъ, говоритъ,—контрактъ покойниковъ... безъ куска хлѣба останусь...»—«Чтожь намъ дѣлать съ нимъ, красавица ты моя?..»—«Мучится намъ осталось... въ слѣзахъ въ печаляхъ...» Ахъ, тяжело намъ было .. Ровно, какъ пожаръ надъ нами горѣлъ. Помутились мы въ умахъ своихъ... Пошла я къ сообщенію, говорю:—«Что ты съ нами, съ женщинами, дѣлаешь?.. За что ты насъ мучаешь?» Высунулъ глазъ—шепчетъ: — «Нѣтъ ли покурить?» Я было ему хочу отвѣтъ дать—анъ слышу барыня зоветъ:—«На, говоритъ, отнеси ему трубку!» Сама горькими слезами заливается. — «Ахъ жалко, жалко мнѣ его, жалко!..» Принесла трубку, говорю: — «Какъ вы можете, госпо-

динъ, женщинъ утруждать? Путей вы сообщенія, а завалилисъ въ чужія хоромы»?—«Нѣтъ ли водочки, шепчетъ...» Я было опять хотѣла, слышу барыня.—«На отнеси!» вся въ слезахъ.. Несу я водку—сама рыдаю... выпилъ онъ водки, и самъ зарыдалъ. «Не гоните меня... Я Бога за васъ буду молить... Дайте мнѣ уголокъ...» И мы обливаемся: —«Стыдъ... Срамъ... Контрактъ у насъ... Мы женщины...» Ахъ, большое рыданіе у насъ въ ту пору было... Вотъ онъ чѣмъ насъ погубилъ!...

— Чѣмъ же?

— Тѣмъ вотъ, что... Зачѣмъ онъ насъ смутилъ?... Зачѣмъ онъ легъ, завалился...

— Чѣмъ же онъ смутилъ то?

— Чудакъ ты, купецъ! сказала мнѣ старуха. — Кажется можемъ мы женщины человѣка полюбить? Вѣдь полюбили мы его, злодѣя! Зачѣмъ онъ, жалкій, пришолъ къ намъ?... Сколько мы изъ за него муки вынесли!.. Перво на перво, какъ наплакались, стали мы за нимъ ходить; трубки ему набиваемъ, подаемъ чай, обѣдъ—ужинъ... Услуживаемъ, стараемся... Тихій, смирный: «покорно благодарю, дай Богъ вамъ.» это у него кажинное слово. Ну, сударикъ ты мой, помаленьку да помаленьку—привыкли къ нему. Все молчитъ. Какъ мы къ нему привыкли, въ то время стало намъ опять въ голову этакое нечистое вступать. Стали намъ сны сниться. Ночью къ барынѣ приходитъ покойникъ мужъ и говорилъ: «Ты намѣреваешься противу контракта поступить? Такъ я тебя голубушку...» Опять страхъ беретъ: нуко народъ узнаетъ, — живетъ мужчина у вдовы.. Страсть Господня! Первое дѣло, сударикъ ты мой, контрактъ, второе дѣло—стыдъ... Что намъ дѣлать? Мучились, мучились мы, вотъ барыня разъ и говоритъ: «Нѣтъ, говоритъ, Арина,—я свою совѣсть должна сохранить! Жалко,

жалко мнѣ его голубчика,—путей сообщенія, ну, мы должны его уволить...» Тепериче какъ намъ его уволить? Народъ позвать,—стыдъ. Самъ нейдетъ. Какъ быть? Думали, думали мы и надумали, другъ ты мой такъ: возмемъ мы свяжемъ ему руки ноги, да снесемъ мы его ночью въ лѣсъ дремучій... Пусть его Богъ хранитъ... Мы неможемъ его сохранять,—у насъ контрактъ, и стыдъ тоже намъ большой... Вотъ взяла я веревку и подходимъ мы вмѣстѣ съ барыней къ нему. Вижу я его тихій ликъ, кротость его, немогу слова сказать: плачу. —«Господинъ! говорю. Мы васъ просили... вы не уважали..: Мы женщины... Намъ нельзя... Мы вамъ руки, ноги свяжемъ, въ лѣсъ васъ дремучій отнесемъ...» Хоть бы словечушко промолвилъ! Стали мы его вязать, съ боку на бокъ перевертываемъ, ровно вотъ ребенокъ малый! Ахъ тошно сердцу было. Понесли его въ лѣсъ, положили, простились, закидали травой, листомъ,—и побѣгли домой... Время ночное, темное. Рыдаемъ, себя не помнимъ: такъ намъ его жалко, такъ намъ жалко мужчину! Пришли домой—пусто у насъ; словно бы покойника вынесли. Тоска, печаль... Изъ головы у насъ не выходитъ: И что то теперь путей сообщенія?... И кто у насъ трубочки покуритъ? Кто у насъ забота и сокруха и кому наша услуга?—И кто то ему чаю-кофію даетъ? И стало намъ представляться какъ его волки на части рвутъ...»—«Аринушка! говоритъ барыня... Силъ моихъ нѣту!.. Поди, развяжи его!... Я женщина... Мнѣ невозможно мужчину въ лѣсъ швырять... Душа моя не на мѣстѣ...» Побѣжала я,—лежитъ, плачетъ... Развязала его говорю: «Пожалуйте въ горницу... къ барынѣ. Извольте вставать... сами. Мы женщины; намъ, говорю, невозможно мужчину на своихъ рукахъ носить... Вы не ребенокъ... Это стыдно вамъ, что вы путей сообщенія, а довели себя, что

таскать женщины должны... Стыдно это съ вашей стороны.» Пришелъ домой, прямо въ ноги барынѣ... Та ему на шею... Тьфу!... Ну, и мучаемся съ тѣхъ поръ...

— Чего жъ мучиться то?...

— А стыдъ то? Ты думаешь стыдъ то ничего не стоитъ?..

— Такъ замужъ выходила бы.

— Да ты, купецъ—чудакъ! Ей Богу! За мужъ!... А пить-ѣсть надо по твоему, али даромъ?.. Чтожъ я тебѣ говорила то,—бумагу упокойникъ оставилъ—гербовую. «Всего рѣшу!..» Ахъ ты какой купецъ!.. Да развѣ что можетъ женщина обязанная? Онъ мужъ то въ гробу лежитъ, а намъ все одно, что онъ живъ-живехонекъ... Мы ужъ и то къ царю хотѣли просьбу подавать...

— О чемъ?...

— Чтобъ насъ отъ стыда избавили... Чтобъ запретили надсмѣшку... да опять жаловаться хотѣли...

— На кого жаловаться?

— На путей сообшенія:—Зачѣмъ онъ насъ помутилъ... Зачѣмъ онъ пришолъ, какъ боровъ растянулся, мы женщины. Ну—разсовѣтовали. И ежели объ эфтакой срамотѣ, да въ Петербургъ посылать — такъ это другъ ты мой тогда и необерешься стыду-то... Еще пуще стыдъ-то намъ поношеніе—зашутятъ... Такъ и оставили...

— Гдѣ-же этотъ?...

— Путей-то?

— Да...

— Съ ней; все съ ней... Подикось, глянь на нее, какъ заливается-то... Полюбила, горькая.. Э-хъ упрравы нѣту на

васъ!... На мучителей женскихъ!... Вотъ судъ будетъ новый, тогда его каркадилу упечатать-бы... Эхъ нѣтъ управы-ы...

Старуха ноговорила еще что-то въ томъ-же родѣ, и наконецъ ушла.

Въ комнатѣ было совсѣмъ темно. Я закрылъ окошко и, не зажигая свѣчи, улегся спать, но въ воображеніи моемъ долго еще стоялъ странный образъ мужа старухиной барыни, который, сходя въ могилу, приготовляясь сдѣлаться перстью земною, даже сдѣлавшись уже этою перстью, всетаки имѣлъ дѣла съ гражданской палатой, оставилъ на землѣ доселѣ дѣйствующія контракты и счелъ необходимымъ привязать къ своему бренному праху несчастную, къ великому горю—живую супругу свою...

На слѣдующее утро, стоя на крыльцѣ постоялаго двора и утирая плачущія глаза фартукомъ, старуха провожала въ дорогу свою барыню. Къ маленькому, старомодному тарантасику дворникъ подводилъ какую-то приземистую и широкую женщину, въ куцемъ старенькомъ салопикѣ; дворникъ былъ безъ шапки и оказывалъ этой женщинѣ почтеніе, ибо это и была несчастная жертва путей сообщенія. Широкое, слегка рябоватое лицо ея было орошено слезами; голова, украшенная большимъ чепцомъ съ крупными и шевелившимися оборками,—падала то на одно то на другое плечо, какъ это бываетъ у женщинъ, идущихъ за покойникомъ; и немудрено — барыня влезала въ тарантасъ. гдѣ уже сидѣлъ ея губитель и хищникъ «Путей Сообщенія.» Это была массивная фигура, плотно закутавшаяся въ довольно подержанную шинель. Воротникъ совершенно закрывалъ его лицо, обнаруживая только вершину его староватаго картуза и часть козырька. По этимъ, судорожною рукою натянутымъ, складкамъ шинели у воротника, по

его полуобороту къ публикѣ, стоявшей на крыльцѣ, и вообще по всей его фигурѣ, видимо жавшейся въ уголъ тарантаса,— можно было видѣть, что этотъ, по всей вѣроятности больной тронувшійся человѣкъ, хочетъ спрятаться отъ взоровъ, отъ словъ,—не только публики постоялаго двора, но и вообще людей...

Коротенькія ноги несчастной барыни, ослабленныя, кромѣ того, трогательностію минуты, долго путались и немогли попасть на подножку, такъ, что на помощь къ дворнику должна была тронуться и старуха. Наконецъ дѣло уладилось при общей мертвой тишинѣ зрителей и дѣйствующихъ лицъ, нарушаемой легкимъ затаеннымъ всхлипываніямъ. Едва барыня помѣстилась рядомъ съ любимымъ злодѣемъ, какъ онъ еще болѣе подался въ уголъ, вытянулся такъ, что весьма напоминалъ собою длинный ящикъ, какіе обыкновенно возятъ землемѣры съ астрелябіей.

— Вся въ стыду! Вся-то, вся то въ стыду! плакалась баба вслѣдъ уѣзжавшей барынѣ.

— Как-кая дама! съ соболѣзнованіемъ говорилъ дворникъ, качая головой и возвращаясь изъ-за воротъ. — Погубилъ разбойникъ, ни за что ни про что.

Долго сыпались проклятія на несчастнаго путейца, но проклинающіе не позаботились помянуть тѣмъ же добрымъ словцомъ хитроумнаго супруга несчастной вдовы.

Глѣбъ Успенскій.

Лордъ Грегори.

(изъ Р. Борнса.)

О, темна эта ночь, непроглядно темна,
Вѣтеръ воетъ, какъ бѣшеный звѣрь...

Путникъ бродитъ въ слезахъ передъ замкомъ твоимъ,—
Лордъ Грегори, открой свою дверь!

Прогнана я отцомъ,—прогнана я за то,
Что любила такъ сильно тебя...
Пріюти же меня хоть изъ жалости ты,
Если сдѣлать не можешь любя.

Лордъ Грегори, ужли ты забылъ тотъ лѣсокъ
На цвѣтущемъ лѣсномъ берегу,
Гдѣ въ первые тебѣ я открылась въ любви,
О которой забыть не могу?

Сколько разъ ты клялся, сколько разъ обѣщалъ,
Что на вѣки, на вѣки ты мой!
И тебѣ безгранично ввѣрялася я
Неизмѣнной и нѣжной душой...

Лордъ Грегори, черство твое сердце, черство,
Изъ желѣза всѣ чувства твои...
Ты, огонь, бороздящій теперь небеса,
Успокой ты страданья мои!

Громъ небесный! тебѣ отдаю я себя
Добровольною жертвой ночной,—
Но измѣнника ты пощади, не карай
За грѣхи, передъ небомъ и мной!

П. И. Вейнбергъ.

Съ натуры.

— Какъ вы думаете, что заставило ее рѣшиться на это?
— Голодъ-съ!
(Изъ разговора со стан. прист.)

Ее нашли у насъ въ рѣкѣ,
Въ *Кряжновскомъ плесѣ*... И нѣмая,
Вся посинѣлая, нагая,
Она, кака статуя, лежала на пескѣ.
У ногъ утопленной, на ближнемъ бугоркѣ,
Былъ сбитъ нарядъ ея, поношенный и бѣдный:
Сермяжный нищенскій кафтанъ,
Небрежно сброшенный, холщевый сарафанъ,
Сорочка, поясокъ и крестъ въ оправѣ мѣдной—
Символъ, теперь на вѣкъ нажавшаго уста,
Другаго, снятаго ей съ плечъ своихъ, креста ..

Надъ ней, смущенные, съ тревогой невеселой,
Не въ силахъ превозмочь испуга и тоски,
Угрюмо скучившись, стояли мужики.
Я видѣлъ, какъ на трупъ безжизненный и голый
Упала крупная слеза...

Не странно! Всѣ они, всѣ сознавали смутно
Съ ней что-то общее.... Всѣ ждали поминутно,
Смотря ей въ тусклые, стеклянные глаза.
Что, вотъ, и къ нимъ придетъ такая же гроза,
Что, вотъ, нужда и ихъ научитъ сдѣлать то же
Имъ всѣмъ мерещился *голодный пятый* годъ...

И пробѣгалъ морозъ у каждаго по кожѣ,
И выступалъ на лбу холодный потъ...

А я стоялъ вдали, смотрѣлъ на ихъ тревогу,
Смотрѣлъ на трупъ ея... И, точно ангелъ зла,
Шепталъ: «Ты умерла... Ну, что жь? И, слава Богу,
Что умерла!»...

Н. Пушкаревъ.

На праздникѣ.

Сцены изъ народнаго быта.

ЛИЦА:

Кондратій Ильичъ, достаточный крестьянинъ.
Слезкинъ, Васька Роговъ, Степка — фабричные.
Дѣвушки и парни.
Трофимъ, крестьянинъ.
Мавра, его жена.

Дѣйствіе происходитъ въ селѣ, въ день храмоваго праздника. Слобода; направо отъ зрителей кабакъ; въ глубинѣ раскинуты палатки.

ЯВЛЕНІЕ I.

Кондратій Ильичъ идетъ слѣва, Слезкинъ выходитъ изъ кабака.

Слезкинъ.

Кондратій Ильичъ! Теперича я всѣ порядки справилъ, какъ должно Какъ, значитъ, отъ обѣдни пришелъ, въ радос-

ти дождамшись, разговѣлся—спать легъ, а теперича я гулять вышелъ. Все, какъ слѣдоваетъ!...

Кондратій Ильичъ.

У обѣдни-то ты былъ: а слышалъ-ли, какъ батюшка проповѣдь сказывалъ?

Слезкинъ.

Слышалъ, братецъ мой! Великій нонѣ праздникъ, и нѣтъ его больше!.. Очепно мнѣ это чувствительно!

Кондратій Ильичъ.

Великій праздникъ!...

Слезкинъ.

Великій! *(Молчаніе).* Какъ, братецъ мой, тамъ теперича на небѣ... что, напримѣръ?... Премудрость это, Кондратій Ильичъ! Странникъ это у насъ съ книжкой ходилъ, сказывалъ: «Всякая, говоритъ, теперича, звѣзда означаетъ... и все, говоритъ, я это понимать могу.»

Кондратій Ильичъ.

Не понять намъ грѣшнымъ этого.

Слезкинъ.

Потому всѣ мы грѣшники и всѣ мы помремъ. Вѣрно твое слово!

Кондратій Ильичъ.

Странникъ твой, може, и такъ болталъ, зря. Много ихъ даромъ по бѣлу свѣту ходятъ, насъ темныхъ людей обманываютъ.

Слезкинъ.

Много, братецъ мой! Потому нашего брата обмануть очепно способно, а особливо ежели выпимши.

Кондратій Ильичъ.

Другой прельщеніемъ наровитъ тебя...

Слезкинъ.

Всякаго народу бываетъ. А странникъ этотъ теперича, за свои дѣла за хорошія, въ острогѣ сидитъ.

Кондратій Ильичъ.

Ишь ты!

Слезкинъ.

Въ острогѣ, братецъ мой, потому больно плутъ. Не плошь Васьки... такой-же разбойникъ. Они съ Васькой благопріятели были.

Кондратій Ильичъ.

Богъ съ ними, другъ сердечный!

Слезкинъ.

Главная причина, не осуди человѣка. Такъ-ли я говорю? Ежели человѣкъ супроти тебя что сдѣлалъ — обидѣлъ, значитъ... ну, и кончено! Что намъ дѣлить? Намъ дѣлить нечего! Ты мнѣ теперича скажи... Кондратій Ильичь, скажи ты мнѣ: Слезкинъ! наслѣжу я слѣдовъ—ходи по нимъ... а я ходить буду. Такъ я это и понимаю. Ежели теперича я выпимши...

Кондратій Ильичъ.

Пей, да ума не пропей.

Слезкинъ.

Зачѣмъ, братецъ мой! Я самую малость. . . . шкаликъ ткнулъ... И слава те Господи, съ меня и будетъ.

Кондратій Ильичъ.

Знаемъ мы вашу малость-то! Съ утра до вечера въ кабакѣ сидите.

Слезкинъ.

Для Петрова-дни! Безъ этого ужъ невозможно. Земляки пришли... фабричные... ну и, значитъ, съ праздникомъ честь имѣемъ поздравить! Порядокъ! Вишь, народъ идетъ хороводы водить.

Кондратій Ильичъ.

Ко дворамъ пора *(идетъ)*.

Слезкинъ.

Кондратій Ильичъ, не побрезгуй, пойдемъ—поднесу.

Кондратій Ильичъ.

Ну-те къ Богу!

Слезкинъ.

Одинъ стаканчикъ!... За премудрость за твою.

Кондратій Ильичъ.

Нѣту, другъ сердечный, не стану.

Слезкинъ.

Для праздника! *(Кондратій Ильичъ уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

Слезкинъ *(одинъ)*.

Ну, я, значитъ, самъ по себѣ пойду. *(Запѣваетъ)*.

Несчастная наша доля!
Никто, никто не любитъ!
Полюбила молодчика...

Васька *(подхватываетъ)*.
Съ полянки дворянка!

ЯВЛЕНІЕ III.

Васька Роговъ, Степка, дѣвушки и парни.

Васька.

Становись, дѣвки, давай хороводы водить.

Слезкинъ.

Господамъ фабричнымъ... почтеніе!

Васька.

Съ пальцемъ девять! Ты что-жъ оттеда ушелъ?

Слезкинъ.

Такъ, братецъ мой, грустно! Съ Кондратьемъ Ильичемъ, хошь-бы насчетъ дѣловъ, говорили... Ты говоритъ...

Васька.

Надо полагать, ребята, этотъ Кондратій Ильинъ мужикъ фальшивый.

Степка.

Подхалимъ!

Слезкинъ.

Нѣтъ, братцы, мужикъ важный Кондратій Ильичъ! Ежели теперича, когда придешь къ ему, сейчасъ тебѣ житіе прочитаетъ, али такъ что отъ божества скажетъ. Мужикъ онъ оченно умный.

Васька.

Сказываютъ, у его денегъ залежныхъ много. Вотъ, ребята ка-бы нашему брату теперича деньги, — не стали-бы мы такъ-то трепаться, задали-бы форсу! Я-бы сей трактиръ снялъ, али-бы...

Степка.

Привычку надо по этой части.

Васька.

Я, братъ, всѣ степени произошелъ! Въ какихъ я мастерствахъ не находился, въ какой я должности не жилъ! Это намъ ничего!... Женился-бы на купчихѣ.

Степка.

На купчихѣ жениться важно!

Васька.

На что лучше!

Слезкинъ.

А намъ хошь-бы на мѣщаночкѣ, когда Богъ привелъ Есть въ Москвѣ эдакія, которыя, значитъ, по мастерству по какому. .

Васька.

Хошь, я тебѣ твою фортуну сдѣлаю—женю тебя? Ундерову дочь возьмешь? *(Всѣ смѣются).* Вотъ, братцы, сказывалъ я вамъ, аль нѣтъ? Чудно ужъ оченно! Такъ, голова, какъ вздумается мнѣ это когда, просто, сейчасъ умереть, смѣхъ!.. Жилъ насупротивъ нашей фабрики ундеръ. Только разъ, въ воскресенье, вышелъ я за ворота, гляжу — у его подъ окош-

комъ сидитъ дамочка и смотритъ на меня. Я у воротъ-то и сѣлъ. Часу такъ въ десятомъ, гляжу, эта самая дамочка машетъ мнѣ платочкомъ. Такъ меня по сердцу-то ровно варомъ! Вотъ я къ окошку-то и подшелъ. Погода, говоритъ очень прекрасная... гулять вышли? — Такъ точно, говорю, потому теперича гулять очень вальготно.—Вышла-бы говоритъ, и я, да компанію мнѣ водить не съ кѣмъ.—Пожалуйте, говорю, съ нами; мы вамъ обиды никакой не сдѣлаемъ.—Нельзя, говоритъ, этого, потому, тятенька увидитъ. Вы по какой части?—Такъ и такъ, говорю: у своего хозяина по конторской части. Слышь?... *(Всѣ смѣются)*.

Слезкинъ.

Ужъ такова проходимца, какъ Васька Роговъ не найдешь.

Васька.

А вы, говорю, по какой?—Я, говоритъ, при своемъ тятенькѣ живу, потому, какъ мой тятенька ундеръ. А коли вы желаете, чтобы промежду насъ знакомство было—завсегда къ намъ пожалуйте. Завели мы съ ей это знакомство.

Степка.

Пондравилась!

Васька.

Какое къ чорту пондравилась! Блажь одна! Только я разъ къ окошку-то къ ей подошелъ, а ундеръ-то оттеда—пожалуйте, говоритъ, въ горницу.

Слезкинъ.

Значитъ, бока наминать!

Васька.

Никто Васькѣ Рогову боковъ не намнетъ.

Слезкинъ.

Смирный, должно, ундеръ-то. А то есть, попадаютъ изъ ихняго брата... бѣда!... замучаетъ!...

Степка.

Бывалъ, знать, ты у ихъ въ передѣлѣ то?

Слезкинъ.

Трафилось! За мѣщанку за одну.

Васька.

Вошелъ я къ имъ. Краля-то моя сидитъ, на гитарѣ разыгрываетъ. Ундеръ сейчасъ сладкой водки поставилъ. Намъ, говоритъ, очепно пріятно, ежели вы съ нами компанію имѣете. Наслышанъ, говоритъ, я отъ дочки, такъ какъ собственно вы по конторской части.—Такъ точно, говорю.—Коли ежели, говоритъ, вамъ моя дочка не противна, я съ ея воли не сымаю. Приданое, извѣстно, какое по нашимъ достаткамъ, мы дадимъ. Вы какого роду?—У хозяина, говорю, въ племянникахъ живу.

Одна изъ дѣвушекъ.

Ахъ ты песъ экой!

Васька.

Вы погоди, постой, что было. Вотъ, сейчасъ, нарядилась она въ шолковое платье, шляпку надѣла, въ правую ручку зонтикъ взяла, — гулять мы съ ней пошли. Оченно ужъ она мнѣ въ тѣ поры попдравилась, хоть сейчасъ жениться.

Пожалуйте, говорю, въ трактиръ. — Вы, говоритъ, какъ обо мнѣ понимаете? Я, говоритъ, не то что, къ примѣру какая... Я, говоритъ, со всякимъ могу разговоръ имѣть, никого не острамлю.—Намъ, говорю, это оченно лестно, по той причинѣ, что намъ такую и требуется. — Я, говоритъ, съ любымъ офицеромъ потрафлю, какъ что должно, потому я всему этому обучена; я-бы, говоритъ, можетъ, давно на разные языки умѣла, да тятенька не пожелалъ. — Такъ въ трактиръ и не пошла. Ну, вотъ, голова, цѣлое лѣто я къ имъ ходилъ; опричь жениха мнѣ и званья не было: женихъ да женихъ; рублевъ сорокъ денегъ я у ундера-то забралъ; поддевку онъ мнѣ новую сшилъ, да она мнѣ кошелекъ бисерный подарила; а ужъ, что мы съ этимъ ундеромъ сладкой водки выпили!... Она, бывало, романцы поетъ, а мы пьемъ, да про войну разговариваемъ. Пошелъ я тогда на Покровъ въ деревню—всю эту канитель-то и бросилъ.

Одна дѣвушка.

А какъ-же краля-то твоя?

Васька.

Чортъ ея возьми, много ихъ! Плакала послѣ, сказывали...

Дѣвушка.

Плакала! Самъ, гляди, около ее коровой ревѣлъ. Плакала! Должно, и въ правду тебѣ ундеръ бока-то намялъ.

Васька.

Сказалъ-бы я тебѣ одно словечко, да ужъ такъ... для праздника.

Дѣвушка.

Пришелъ съ Москвы-то, думаетъ, ни вѣсть онъ кто! Бохвалъ! Становись, дѣвки. Запѣвайте. *(Дѣвушки запѣваютъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же и Мавра.

Мавра *(съ плачемъ).*

Чтой-то, батюшка!... дѣвыньки, не видали-ли хозяина?

Дѣвушки.

Нѣтъ, тетка Мавра, не видали.

Слезкинъ.

Какова хозяина?

Мавра.

Моего хозяина, Трофима Иваныча?

Слезкинъ,

Видѣли.

Мавра.

Гдѣ онъ батюшка?

Слезкинъ.

Давай два двугривенныхъ — скажу, а то такъ ты и помрешь безъ его.

Мавра.

Неколи мнѣ тутъ съ тобой...

Дѣвушка.

Да говори, дьяволъ!

Слезкинъ.

Скажи сама—можетъ ты лучше...

Дѣвушка.

Да я не знаю; я-бы сказала.

Слезкинъ.

Хозяинъ твой теперича—такъ будемъ говорить... *(указывая на кабакъ).* Окромя энтаго мѣста, ему не гдѣ быть *(Трофимъ выходитъ изъ кабака).* Вишь ты? Значитъ, такъ точно.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же и Трофимъ.

Мавра.

Что прохлаждаешься-то? Мало тебѣ что-ли?

Слезкинъ.

Нѣтъ, я много доволенъ... Очення я доволенъ... Огни у меня теперича... Разные огни ходятъ... Душеньку мнѣ всю распалило... Православные! Дай вамъ Господи *(плачетъ).* Пошли вамъ Царь милостивый на вашу долю...

Мавра.

Что домой-то не йдешь?

Трофимъ.

Будемъ дома, объ этомъ ты не сумлѣвайся... дома мы будемъ. А вотъ что на миру намъ скажутъ. *(Къ Васькѣ).* Ты фабричный?

Васька.

Фабричный.

Трофимъ.

Можешь по писанію?

Васька.

Могу.

Трофимъ.

Значитъ, не къ намъ дуракамъ тебя приравнять. Былъ ты въ Старомъ Ерусалимѣ?

Васька,

Далече больно, не былъ.

Трофимъ.

А есть попѣ разрѣшеніе.

Васька.

Есть.

Трофимъ *(Къ женѣ)*.

Слышь, что онъ говоритъ! Ну я и разрѣшилъ... А теперича ты мнѣ вотъ что скажи: дьявольское это навожденіе, али такъ дурь человѣческая?

Васька.

Насчетъ чего говоришь то?

Трофимъ.

Все насчетъ того-же: давеча я былъ человѣкъ, а теперича, видишь, я не въ своемъ разумѣ. Для чего это я? Мнѣ это очень стыдно!

Мавра.

Да пойдемъ домой, батюшка.

Трофимъ.

Погоди!... Да, мнѣ оченно стыдно. Дѣвки веселятся, радуются, а я домой пойду, спать лягу, а тамъ твори Богъ волю свою. Такъ-то!... По закону мнѣ положено и шабашъ! Дай Богъ всякому человѣку, чужаго намъ не надо. Я много доволенъ! Прощенья просимъ! Простите меня окаяннаго. Согрѣшилъ я грѣшный... (*Уходитъ*).

Слезкинъ.

Всѣ мы, должно, для праздника-то согрѣшили. (*Запѣваетъ*).

Графъ Башкевичъ ариванскій
Подъ Аршавой состоялъ...
(*Всѣ смѣются*).

И. Ѳ. Горбуновъ.

Вампиръ.

I.

Въ Большомъ театрѣ шумный маскарадъ.
Бѣснуются наемные танцоры,
Одѣтые въ истасканный нарядъ,
Которымъ ихъ снабжаютъ куаферы.
Изъ свѣтлыхъ ложъ завистливо глядятъ,
Съ злословьемъ разсыпая приговоры,

Ряды надменныхъ сплетницъ и ханжей,
Грѣшившихъ въ тихомолку отъ мужей.

II.

Толпа усталой скучной молодежи
Межъ розовыхъ и черныхъ домино,
Межъ масокъ попзящнѣй и моложе
Обычный вздоръ болтаетъ—и давно
Въ таинственныя, литерныя ложи,
Гдѣ такъ всегда расчитанно-темно,
Попрятались отъ общаго движенья
Охотники искать уединенья.

III.

Картина маскарадная блѣдна;
Тамъ пѣсню всѣ поютъ одну и туже.
Тамъ интригуетъ ловкая жена
Начальника прокравшагося мужа,
Здѣсь за бокаломъ пѣннаго вина,
Подъ маской рядъ жемчужинъ обнаружа,
Француженка безъ всякаго труда
Плѣняетъ плотояднаго жида.

IV.

Съ Ефремовской камеліей продажной
Опрысканный духами жалкій фатъ
Мелькаетъ въ залѣ съ миной очень важной
И каждому потомъ дать клятву очень радъ,
Чтобъ щегольнуть побѣдою отважной,

Что онъ пріѣхалъ нынче въ москарадъ
Съ княгинею, извѣстной въ высшемъ свѣтѣ,
Въ ея гербовой, княжеской каретѣ.

V.

Тамъ, какъ сатиръ между лѣсныхъ дріадъ,
Межъ содержанокъ, спутникъ ихъ завзятый
Хохочетъ сладострастный бюрократъ;
Здѣсь отъ безпутства блѣдный и измятый
Нашъ отставной, столичный меценатъ,
Наслѣдствами нежданными богатый,
Собравъ льстецовъ и женщинъ въ бенуаръ,
Ломается предъ ними, какъ фигляръ.

VI.

Идемъ теперь, гдѣ больше шляпъ и касокъ,
Гдѣ гуще нашъ чухонскій карнавалъ
Волнуется въ смѣшеньи разныхъ красокъ,
Гдѣ разодѣты, словно какъ на балъ,
Красавицы, безъ черныхъ полу-масокъ,
При грохотѣ оркестра, цѣлый залъ
Къ себѣ влекутъ, какъ праздничныя феи,
И раздаютъ билеты лотереи.

VII.

Но привлекаетъ больше всѣхъ одна
Къ своей, въ цвѣты увѣнчанной, эстрадѣ,
Прекрасна, граціозна и стройна,

Какъ статуя въ классической Элладѣ.
Съ лукавою насмѣшкою во взглядѣ,
Умѣла помирить въ себѣ она
И прелесть формъ Венеры для приманки
И грацію вертлявой парижанки.

VIII.

Не польза Кандіотовъ къ ней влечетъ
Бездѣльниковъ довольныхъ и счастливыхъ
И искрившихъ старческій свой ротъ
Отцвѣтшихъ львовъ и старцевъ похотливыхъ,
Но каждый скряга, каждый пошлый мотъ
Ей сторублевую бумажку подаетъ,
Чтобъ хоть за эту щедрую ошибку
Въ ея лицѣ поймать одну улыбку.

IX.

О, Гурія!... Видали мы не разъ
Тебя-то въ соблазнительной туникѣ,
То куртизанкой бѣшеныхъ проказъ
И вдругъ неслись неистовые крики.
Когда облечена въ прозрачный газъ,
Прекраснѣе султанской одалыки
И какъ вакханка вся обнажена,
На блюдѣ ты была принесена—

X.

На оргію мальчишекъ изступленыхъ
И, разбивая въ дребезги бокалъ,

Дремала на подушкахъ благовонныхъ....
Вотъ нашъ кумиръ, вотъ лучшій идеалъ
Баши-бузуковъ нашихъ современныхъ!..
Имъ милъ одинъ цинизмъ безъ покрывалъ,
Имъ дорога, какъ римлянамъ когда-то,
Искуственная грація разврата.

XI.

Грызи же ихъ, плѣнительный вампиръ,
Грабь, раззоряй, пока въ тебѣ есть силы,
Ихъ золотомъ диви тщеславный міръ
И нищими пускай ихъ до могилы,
Чтобы червямъ скорѣй доставить пиръ.
Пускай въ когтяхъ чарующей сивиллы,
Утративъ стыдъ, здоровье и кредитъ,
За паразитомъ гибнетъ паразитъ.

XII.

Вотъ почему честна твоя арена....
Ихъ не убьютъ сатирами пѣвцы:
Для мертвецовъ страшна одна гіена,
А всѣ они—живые мертвецы.
Ты ихъ одна задушишь, какъ сирена,
И гнусные моральные скопцы,
Попавъ въ твои губительныя сѣти,
Дадутъ другимъ дорогу въ этомъ свѣтѣ.

Д. Д. Минаевъ.

На желѣзной дорогѣ.

Сцена представляетъ вагонъ третьяго класса. Два часа пополудни. Свистокъ. Поѣздъ двинулся. Всѣ спящіе въ вагонѣ слегка покачнулись—одни впередъ, другіе назадъ; нѣкоторые перекрестились. Публика въ вагонѣ обыкновенная: офицеры, купцы, дамы средней руки, помѣщики, дѣти, солдаты, мужики, четыре бабы, три межевыхъ помошника, одинъ сельскій священникъ съ молоденькой дочерью и одинъ нѣсколько пьяный кучеръ. Въ окнахъ ландшафты мѣняются безпрестанно. Вправо видно пасмурное небо съ бѣгущими облаками и крутой косогоръ поросшій дерномъ. На этомъ косогорѣ мелькаютъ попеременно: корова, безстрастно глядящая на поѣздъ, бабы въ пестрыхъ платкахъ, рельсы, сваленные въ кучу, будка... У самой дороги показалась голова сторожа. Чрезъ нѣсколько минутъ косогоръ превращается въ оврагъ, съ кирпичнымъ сараемъ, вдали виднѣется жидкій осинникъ и опять будка. Предъ будкой на мгновеніе явилась баба съ значкомъ въ рукахъ, дѣлающая во-фронтъ; мостъ съ оцѣпенѣвшимъ на немъ пѣшеходомъ, шумно пролетѣлъ надъ вагономъ. Налѣво видно довольно большое изкрасна зеленоватое болото, кое гдѣ заросшее кустарникомъ; за болотомъ—село.

Пассажиры не успѣли еще оглядѣться и все еще находятся подъ вліяніемъ только что происходившихъ сценъ, неизбѣжныхъ при отъѣздѣ; всѣ о чемъ-то думаютъ и молча глядятъ другъ на друга; развѣ только кто нибудь попроситъ своего сосѣда посторониться; другой устраиваетъ свои вещи; кто начинаетъ ужь дремать, а кто просто смотритъ въ окно. Но это не надолго. Чрезъ четверть часа по немногу начинается движеніе. Одинъ почтенный, въ русскомъ платьѣ, купецъ при-

ладился къ окну, вынулъ изъ картуза платокъ, отеръ себѣ съ лысины потъ, и тотчасъ же принялся за печоныя яйца.

Двѣ женщины, обѣ съ маленькими дѣтьми на рукахъ, первыя стали въ полголоса освѣдомляться другъ у друга: кто что везетъ, мальчика или дѣвочку? Какая-то барыня очень удобно устроила на перекладинѣ свою шляпку, и успѣла выжить сидѣвшаго рядомъ съ нею мальчишку мастероваго, отъ котораго сильно пахло скипидаромъ; два молодые человѣка въ охотничьихъ сапогахъ, закурили папиросы; кто-то полѣзъ подъ лавку спать.

У одного окна завязывается разговоръ въ родѣ слѣдующаго:

— «Славная это выдумка—желѣзная дорога. И скоро и дешево... въ одни сутки. Что?»

— «Да,» отвѣчаетъ другой, «хорошо.»

— «А то бывало прежде, ѣдешь, ѣдешь.»

— «Это правда.»

— «Вы далеко изволите ѣхать?»

— «Нѣтъ, недалеко—до Волховской станціи. А вы?»

— «Я до Питера. Что?»

— «Нѣтъ, я только спросилъ.»

Оба сосѣда умолкаютъ и принимаются очень внимательно смотрѣть въ окно.

— «Ты, бабушка, убери свои ноги, а то маіоръ придетъ — онъ тебя тогда... Видишь, офицерскія вещи лежатъ. Уйди лучше отъ грѣха!» уговариваетъ деньщикъ какую-то старушонку.

— «Куда жъ я, родимый, пойду? Ишь, тѣснота какая!»

— «А ты вотъ что: гляди сюда! Вонъ видишь, мѣсто порожнее. Поди, сядь на край!»

— «Охъ, не пустятъ, голубчикъ ты мой! Право слово не пустятъ меня, старуху. Кабы я молоденькая—нешто бы..»

— «Говорятъ, уйди! Тебя же вѣдь, дуру, жалѣю. Вотъ онъ тебя маіоръ... Дай срокъ!»

— «Охъ, и сама бы рада, ушла, болѣзный ты мой! да идти-то, самъ видишь, некуда.»

— «А, старая право! Грѣхъ только съ тобой! Полѣзай подъ лавку!»

— «Ну, ну, не гнѣвайся! Лѣзу, лѣзу.»

Въ другомъ мѣстѣ идутъ тоже увѣщанія и почти въ такомъ родѣ. Вышневолоцкая чиновница уговариваетъ сидящаго съ нею рядомъ мѣщанина.

— «Мужичекъ! а мужичекъ! Пошелъ бы ты сѣлъ вонъ туда, къ окошечку. Какъ бы хорошо: покойно и продуваетъ.»

Мѣщанинъ, не отвѣчая, глядитъ куда-то въ сторону, держа на колѣняхъ лукошко съ курами. Немного погодя, чиновница опять начинаетъ приставать.

— «Послушай, голубчикъ, видишь, тѣснота какая! А ты будь довольно вѣжливъ: видишь, здѣсь дамы сидятъ.»

Мѣщанинъ все не отвѣчаетъ.

— «Тебѣ я кажется говорю; пересядь къ окошку!»

— «А ты поди сама сядь, коли взопрѣла. Что ты меня посылаешь?»

— «Невѣжа мужикъ! Вотъ свяжись съ ними, только себѣ непріятность получишь,» говоритъ негодующимъ голосомъ вышневолоцкая чиновница.

— «Что жъ ты не уважишь, въ самомъ дѣлѣ? Видишь проситъ...» вступился сидящій наискось другой мѣщанинъ.

— «И чудакъ ты, погляжу я на тебя, право!» вдругъ начинаетъ горячиться курятникъ. «Кажется можешь понимать,

не маленькій. Пойду я къ окошку! Видишь, духота—курица потная, даже духъ отъ себя пущать зачала, а я ее къ окну посажу. Сейчасъ вѣтромъ ее хватило — ну, и аминь. Постыдился бы и говорить-то что не дѣло, а не то что. Она, положимъ, баба, ей простительно,» говоритъ онъ, указывая на чиновницу, «а вѣдь ты кажется тоже не дуракъ.»

Мѣщанинъ съ негодованіемъ отворачивается.

Станція. Пассажиры подкрѣпляются водкой, пирожками и бутербродами. Торговки съ молокомъ, квасомъ и драченами, стоя въ отдаленіи, стараются перекричать другъ друга, и чуть не дерутся изъ-за покупателей. Мужики накинулись на какую-то лужу, и наполняютъ бутылки водой. Барыни съ разными мѣшечками прогуливаются по платформѣ.

— «Вотъ горячи, горячи, горячи, чикъ, чикъ, чикъ! Ахъ, были горячи!» скороговоркой, бочкомъ, бочкомъ пробѣгая мимо вагоновъ, съ подносомъ въ рукѣ, приговариваетъ станціонной поваръ.

— «Пильцины первый сортъ, мимонадъ газе...»

— «Квасу, квасу! Кому квасу? молодцы! Квасу молодаго, квасу—у!» предлагаетъ баба, шагая съ ведромъ черезъ чьи-то протянутыя поперегъ вагона ноги.

Мужикъ съ полотенцемъ на шеѣ заглядываетъ въ окна и вездѣ спрашиваетъ:

— «Василей! ты здѣсь, что ли? а Василей! Да ты хошь откликнись! Василей!..» и т. д.

Между мужиками слышится ропотъ на дороговизну харчей.

— «Ишь вѣдь, жидъ-то тя ѣшь, что ломитъ! а? За пирогъ десятку! Вотъ и кормись. А, грабители!»

Одинъ мужикъ держитъ въ рукахъ кусокъ севрюжины, и ворочаетъ его со стороны на сторону, говоря:

— «Поди вотъ, какъ хошь, такъ и думай. Хошь ѣшь, хошь назадъ клади.»

Въ воздухѣ пахнетъ дымомъ и сыростію. Накрапываетъ мелкій дождь.

Поѣздъ опять двинулся.

— «Напоили лошадку — повезла.» Замѣчаетъ кто-то. Въ сотый разъ слышатся похвалы желѣзной дорогѣ.

Опять пошли различные виды по сторонамъ.

Въ вагонѣ, и безъ того биткомъ набитомъ пассажирами, вдругъ очутилось еще человѣкъ двѣнадцать пильщиковъ, въ зипунахъ и полушубкахъ, съ обветрившимися лицами и потрескавшимися губами. Сѣли они молча, гдѣ попало, куда разсовалъ ихъ кондукторъ, и нѣсколько времени не трогались съ мѣста, какъ будто ожидая чего нибудь. И дѣйствительно минутъ черезъ десять пассажиры стали жаться и сторониться, выказывая болѣе или менѣе явно неудовольствіе, которое они испытывали отъ сосѣдства мужиковъ. Пильщики же въ свою очередь начали понемногу отодвигаться на край, подбирая свои мѣшки и пилы. Потомъ пассажиры, одинъ за другимъ, стали совѣтовать имъ пересѣсть на другія мѣста; но какъ свободныхъ мѣстъ не оказалось, то мужики, посмотрѣвъ посторонамъ, продолжали сидѣть, уныло глядя на пассажировъ. Одинъ кто-то убѣдилъ таки двухъ мужиковъ поискать другаго помѣщенія, они пошли бродить съ своимъ добромъ по вагону, но никто не хотѣлъ ихъ пустить. Барыни, еще издали завидя приближеніе ихъ, растопыривали платья, какъ можно шире, клали ноги на скамьи, притворяясь спящими, и всѣми неправдами старались занять какъ можно больше мѣста. Одинъ мужикъ

впрочемъ присѣлъ гдѣ-то на краешкѣ, а другой такъ и остался среди вагона, и простоялъ вплоть до слѣдующей станціи, вопросительно поглядывая по сторонамъ.

А между тѣмъ пассажиры успѣли уже достаточно обсидѣться и даже ознакомиться другъ съ другомъ. Въ разныхъ мѣстахъ слышны разговоры. Старуха-баба разспрашиваетъ сидящаго рядомъ съ нею, крестьянскаго мальчика лѣтъ двѣнадцати, равнодушно болтающаго ногами, на которыхъ надѣты большіе мужичьи сапоги.

— «Что жъ тѣ мать рубашекъ дала?»

— «Дала,» глядя себѣ на сапоги, шопотомъ отвѣчаетъ мальчикъ, и принимается еще больше болтать ногами.

— «И лепешекъ напекла на дорогу?»

— «Напекла.»

— «Небось плакала—прощалась?»

— «Плакала.»

— «Ахъ, касатикъ ты мой! Какъ же она тебя, малаго ребенка, одного на фабрику отпустила?»

Мальчикъ, вмѣсто отвѣта, проводитъ себѣ подъ носомъ рукою, и очень усердно начинаетъ отвертывать уголъ платка, лежащаго у него на колѣняхъ.

— Что жъ ты, глупенькій, платокъ-то рвешь?» унимаетъ его старуха. «Небось мать дала?»

— «Мать».

— «О-о-охъ-хо-хо! То-то, вотъ не нужно бы тебя пускать—малъ, еще глупъ. Что это у тѣ на лбу-то? аль родинка?

— «Тятька хворостиной,» равнодушно отвѣчаетъ мальчикъ потрогавъ это мѣсто пальцемъ.

— «Какъ же это онъ тебя?»

— «Я въ лѣсъ убегъ.»

— «Зачѣмъ же ты убегъ?»

— «Атъ фабрики.»

— «Ну, а онъ тебя и пымалъ?..»

— «И пымалъ.»

— «Ахъ, голубчикъ ты мой! Ну, что жъ? Тутъ онъ тебя въ лѣсу хворостиной-то и попужалъ?»

— «Впередъ хворостиной, а послѣ домой привезъ, лошадь отпрягъ, и началъ возжами пужать: все пужалъ, все пужалъ; мать отняла—онъ матери дугой глазъ вышибъ.»

— «Ахъ, ахъ, ахъ! Что жъ онъ у васъ такой? Аль горячъ?»

— «Нѣтъ, не горячъ—онъ купцу долженъ.»

Позади мальчика и старухи идетъ горячій споръ между кучеромъ и отставнымъ унтеръ-офицеромъ. Оба они нѣсколько выпивши. Кучеръ съ чѣмъ-то пристаетъ къ своему сосѣду, а тотъ его не слушаетъ и твердитъ свое.

— «Въ которомъ году корнованіе принимали?» спрашиваетъ унтеръ-офицеръ.

— «Это я все довольно хорошо понимаю, а вы не можете отвѣчать, что я у васъ спрашиваю.»

— «Нѣтъ, постойте! Вы мнѣ впередъ скажите въ которомъ году корнованіе принимали?»

Кучеръ задумывается и начинаетъ вздыхать, припоминая годъ.

— «Въ 22-мъ.»

— «Котораго числа?»

— «Осьмаго.»

— «А-а-а! Вотъ и попались. Нешто осьмаго?»

— «Что жъ такое? Извѣстно я оченно знаю, потому какъ я у его сіятельства, графа Сиверцева... Свитлѣйшій графъ! упокойникъ... У его сіятельства, у родителя...»

— «Нѣтъ, вы не забѣгайте впередъ! Что васъ спрашиваютъ, то вы, безъ сомнѣнія должны отвѣчать. Когда покойный Государь Ампираторъ на вторительную службу присягу принималъ, то наша брихада вся тутъ въ сборѣ была. Теперича я...»

— «Нѣтъ, вы погодите!» перебиваетъ кучеръ.» Я все это оченно аккуратно знаю, и довольно могу понимать почему что, какъ я, значитъ, еще малымъ младенцомъ ѣзжалъ на лошадѣ по этой по чугункѣ.»

— «Хорошо,» останавливаетъ унтеръ-офицеръ, «теперь отвѣчайте: какая третья станція? а?»

Кучеръ опять на минуту задумывается, сопя и наморщивая брови.

— «Тутъ такая деревня есть. Ахъ, дѣвки знатныя! Такъ пустая деревня... Какъ ее? Да, бишь, Лисафетина.»

— «Вотъ и пымалъ. Это по чугункѣ-то Лисафетина?.

— «Что жъ такое—по чугункѣ? Чугунка сама собой... вотъ онъ, билетъ! А то, выходитъ, шисе.»

— «Нѣтъ, опять все разница. А я вамъ скажу... Теперича я пятнадцатый годъ билейторомъ состою, и какъ ежели начальство ..»

— «Какого полку?» вдругъ перебиваетъ кучеръ.

— «Мы-то?»

— «Нѣтъ, я спрашиваю, вы и должны отвѣчать.»

— «Мы какъ сейчасъ, значитъ, съ его сіятельствомъ, съ графомъ Дибичъ-Забалканскимъ въ 28-мъ году Шумлу брали... Да вы про что спрашиваете?»

— «Я спрашиваю...» кучеръ самъ забылъ, о чемъ спрашивалъ.

— «Я васъ спрашивалъ, а вы совершенно не можете по-

трафитъ на мой разговоръ. А я знаю, твердо знаю. Нѣтъ, я вижу, вамъ супротивъ меня трудно; нѣтъ, трудно... На словахъ-то вѣдь тоже нескоро кто и справитъ. Я вижу... гдѣ?.. Меня обмануть никакъ невозможно... потому, первое: свитлѣйшій графъ еще тридцати годочковъ на службу поступалъ... Это разъ, А второе, теперь будемъ говорить, который урожденный графъ, его свѣтлость... можетъ я его вутэтакаго пальчика не стою, каковъ есть палецъ. А когда мы въ Москву въѣзжали, покойникъ графъ говоритъ: Иванъ! — Чего извольте, ваше сіятельство?»

— «Это я все знаю, а вы не забѣгайте...»

— «Котораго числа?»

— «Что котораго числа?

— «Нѣтъ, что я васъ спросилъ?»

— «Что вы спросили?»

— «Съ самаго съ первоначала я васъ спросилъ: теперече которые дворовые люди совершенно при господахъ своихъ находятся, какъ объ нихъ надо понимать? Э! вотъ и не можете. А я сейчасъ могу все это дѣло разсудить, потому мнѣ нельзя не знать. Что жъ-такое? хучь бы меня къ примѣру взять. Ну, пьяница... Мнѣ что? Съ меня будетъ. А можетъ я и того не стою. Я доволенъ. Ваше сіятельство! Свитлѣйшій графъ! Много доволенъ! Отецъ! отецъ!.. Свитлѣйшій графъ! Семи годочковъ на службу поступалъ... Должонъ я это чувствовать, или нѣтъ?»

— «Вы про корнацію отвѣчайте!»

— «Нѣтъ, вы скажите: должонъ я это чувствовать? Нешто я свинья?..»

Унтеръ-офицеръ махнулъ рукой.

Является кондукторъ.

— Господа, билеты приготовить! Не курить, господа! Мужикъ, сядь на мѣсто!»

— «Куда жъ я сяду?»

— «Ну, стой!»

В. А. Слѣпцовъ.

Эй, Иванъ!

(Типъ недавняго прошлаго).

Вотъ онъ весь какъ намалеванъ
Вѣрный твой Иванъ:
Не умытъ, угрюмъ, оплеванъ,
Вѣчно полупьянъ;
На желудкѣ мало пищи,
Чуть живой на взглядъ.
Не прикрыты, голенищи
Рыжія торчатъ;
Вѣчно теплая шапчонка
Вся въ пуху на немъ,
Туго стянутъ сертучонко
Узкимъ ремешкомъ;
Изъ кармана кончикъ трубки
Видѣнъ, да кисетъ.
Развѣ новенькіе зубки
Выдутъ—старыхъ нѣтъ...

—

Родъ его тысячелѣтній
Не имѣлъ угла —
На запяткахъ и въ передней
Жизнь вѣками шла.
Ремесла Иванъ не знаетъ,
Дѣлай, что даютъ:
Шьетъ, куетъ, варитъ, строгаетъ,
Не потрафилъ—бьютъ!
«Заживетъ!» Грубитъ, воруетъ,
Божится и вретъ
И за рюмочку цалуетъ
Ручки у господъ.
Выпить можетъ сто стакановъ—
Только подноси...
Мало ли такихъ Ивановъ
На святой Руси?...

—

— Эй, Иванъ! иди-ка стряпать!
Эй, Иванъ! чеши собакъ!
Удалось Ивану сцапать
Гдѣ-то четвертакъ.
Поминай теперь какъ звали!
Шапку на бекрень
И пропалъ! Напрасно ждали
Ваньку цѣлый день:
Гитаристъ и соблазнитель
Деревенскихъ дуръ
(Онъ же тайный похититель
Индюковъ и куръ)

У корчемника Игнатки
Пріютился плутъ,
Двѣ пригожія солдатки
Такъ къ нему и льнутъ.
«Эй вы павы, павы, павы!
Шевелись живѣй!»
Въ Ванькѣ пляшутъ всѣ суставы
Съ ногъ и до ушей,
Пляшутъ ноздри, пляшетъ въ ухѣ
Бѣлая серьга.
Ванька веселъ, Ванька въ духѣ —
Жизнь не дорога!

—

Утромъ съ бариномъ расправа:
«Гдѣ ты пропадалъ?»
— Я... нигдѣ—съ... ей-богу... право...
У воротъ стоялъ! —
«Весь-то день?»... Отвѣты грубы,
Ложь глупа, нагла;
Были зубы—били въ зубы,
Нѣтъ—трещитъ скула.
— Виноватъ! порядкомъ струся
Говоритъ Иванъ.
«Жарь къ обѣду съ кашей гуся,
Щи вари, болванъ!»

—

Ванька снова лямку тянетъ,
А потомъ опять

Что-нибудь у дворни стянетъ....
«Неужли плошать?
«Коли плохо положили,
«Стало, не запретъ!»
Господа давно рѣшили,
Что души въ немъ нѣтъ.
Не извѣстно—есть-ли, нѣтъ ли,
Но съ нимъ случай былъ:
Чуть живаго сняли съ петли,
Передъ тѣмъ грустилъ.
Господамъ конфузно было:
— Что съ тобой, Иванъ?—
«Такъ, подъ сердце подступило»,
И глядятъ: не пьянъ!
Говоритъ: «Вы потеряли
Вѣрнаго слугу,
Все ровно—помру съ печали,
Жить я не могу!
А всего бы лучше съ глотки
Петли не снимать»...
Самъ помѣщикъ выслалъ водки
Скуку разогнать.
Пилъ дѣтина ероѳеичъ,
Плакалъ да кричалъ:
«Хоть бы разъ Иванъ Мосеичъ
Кто меня назвалъ!»...

Какъ мертвецки накатили,
Въ городъ тѣмъ же днемъ:
«Лишь бы лобъ ему забрили—
Вѣшайся потомъ!»

Понадѣялись на дружбу,
Да не та пора:
Сдать беззубаго на службу
Не пришлось. «Ура!»
Ванька снова водворился
У своихъ господъ,
И совсѣмъ отъ рукъ отбился,
Безъ просыпу пьетъ.
Хоть бы въ каторгу урода—
Лишь бы съ рукъ долой!
Къ счастью, тутъ пришла свобода:
«Съ Богомъ, милой мой!»

И, затерянный въ народѣ,
Вдругъ исчезъ Иванъ...
Какъ живешь ты на свободѣ?
Гдѣ ты?... Эй, Иванъ!

Н. А. Некрасовъ.

Жалоба Ирландскаго выходца.

(съ англійскаго).

Иду я тропинкой заглохшей,
Поникнувъ на грудь головой.
Здѣсь утромъ весеннимъ, однажды,
Мы встрѣтились, Мери, съ тобой.

Зеленая рожь колыхалась,
И звонко пѣлъ зябликъ въ кустахъ,
Свѣтилась любовь въ твоемъ взорѣ,
И розы цвѣли на устахъ.

Немногое здѣсь измѣнилось:
Все также прекрасна весна,
По прежнему рожь зеленѣетъ,
И зяблика пѣсня слышна.
Но руки твои, дорогая,
Моихъ не сжимаютъ ужь рукъ
И тщетно хочу я услышать
Любимаго голоса звукъ!

Знакомая взорамъ ограда
Бѣлѣетъ опять предо мной,
Ограда той маленькой церкви,
Гдѣ назвалъ тебя я женой.
А вотъ и погостъ... Нарушаютъ
Шаги мои часто твой сонъ...
Сюда отнесли тебя, Мери;
И здѣсь же твой сынъ схороненъ...

Теперь я одинъ, моя Мери,—
Не нуженъ бѣднякъ никому;
Но тѣмъ дорожитъ онъ сильнѣе
Могилами близкихъ ему.
Была моя жизнь трудовая
Тобой лишь одною свѣтла,
И некого больше любить мнѣ,
Съ тѣхъ поръ какъ ты въ землю сошла.

Слабѣли не разъ мои силы
Подъ гнетомъ нужды и труда,
И къ небу и къ людямъ кипѣла
Въ измученномъ сердцѣ вражда!
Но ты,—ты не падала духомъ,
Ясна оставалась въ борьбѣ,
И вотъ почему я взываю—
Хоть ты и не слышишь—къ тебѣ:

Спасибо тебѣ, дорогая!
Вѣдь голодъ томилъ и тебя...
И ты настрадалась не мало;
Но только молчала—любя.
Спасибо тебѣ—за улыбку,
За каждый сердечный привѣтъ...
Спасибо за то, что ушла ты
Въ тотъ край—гдѣ страданія нѣтъ!

На долго съ тобой я прощаюсь...
Пройдутъ на чужбинѣ года;
И старость настанетъ;—но помнить
О Мери я буду всегда.
Они говорятъ, что работы
Тамъ больше, и солнце яснѣй...
Но все буду сердцемъ стремиться
Я къ родинѣ бѣдной своей!

Закрою ль глаза я порою,
Бродя въ первобытныхъ лѣсахъ,—

Туда унесутъ меня мысли,
Гдѣ милый покоится прахъ...
Мнѣ будетъ казаться, что Мери
Ко мнѣ, улыбаясь, идетъ,
И рожь зеленѣетъ, и зябликъ
Въ кустахъ свою—пѣсню поетъ.

А. Н. Плещеевъ.

Онъ.

Дневникъ уѣздной барышни.

Языкъ любви первоначальной...
Огаревъ.

10 мая.

Мы условились съ Анетой Куропаткиной вести ежедневный журналъ... Какъ это должно быть весело! Будемъ перечитывать каждый мѣсяцъ вмѣстѣ... Сегодня и она начинаетъ Я начну свой стишками:

«Кого-то нѣтъ, кого-то жаль,
Къ кому-то сердце мчится вдаль!»

Какъ Пушкинъ чувствительно писалъ!

11 мая.

Папенька сегодня былъ пьянъ... Сердитый такой! Маменьку заперъ въ чуланъ.

Пришелъ въ гостиную. Я была тамъ съ сестрой Енечкой и читала ей книжку: *Два призрака*, французскаго сочинителя Фанъ-Дима... Пришелъ и книжку вырвалъ, и говоритъ: дура!

Впрочемъ книжка такая странная; ничего не поймешь хорошенько. Должно-быть дурной переводъ.

Мы съ Еней цѣлый день и не одѣвались... Мимо прошелъ *онъ*. Я спряталась за геранью, *онъ* меня и не видалъ... А смотрѣлъ на окна...

18 мая.

Сегодня мое рожденье: мнѣ исполнилось семнадцать лѣтъ.

Вечеромъ у насъ были гости; былъ и *онъ*.

Я сѣла у окна въ залѣ, и гляжу на звѣзды. *Онъ* подошелъ и говоритъ:

— Которая ваша звѣзда?

— Вонъ та.

— А моя вонъ та.

Какой *онъ* душка!.. Ахъ, какъ хотѣлось бы расцаловать *его!*

Я сказала, что вышью *ему* сувенирчикъ — закладку въ книгу, съ *его* вензелемъ.

20 мая.

Скука смертельная!... Маменька все на кухню гоняетъ.

1 іюня.

Папенька сегодня опять заперъ маменьку въ чуланъ; а я ушла съ Енечкой въ садъ. Онъ насъ искалъ, да не нашелъ.

Я говорила тамъ съ ней объ *немъ*. Она влюблена въ Пьера Мошкина, и все говоритъ: Ахъ, Катя, Катя! какой онъ душка!»

5 іюня.

Онъ написалъ мнѣ стишки въ альбомъ—акростихъ. Когда читаешь начальныя буквы каждой строчки, выходитъ мое имя.

«Какъ душа моя страдаетъ!
Адъ въ груди моей кипитъ!
Та, кого люблю, молчитъ!
Ядъ мнѣ въ сердце проливаетъ!

Ахъ, какъ хорошо *онъ* сочиняетъ! А страдаетъ, душка! Что же онъ не признается? Вѣдь и я люблю *его!..* Правда, маменька вѣчно тутъ торчитъ.

6 іюня.

Маменька все бранится, что я дѣломъ не занимаюсь, рѣдко на кухню хожу. У нея одна пѣсня!

10 іюня.

Къ папенькѣ пріѣзжалъ знакомый, Коврижкинъ; онъ здѣсь, служить будетъ... Старый и такой странный: безпрестанно табакъ нюхаетъ и пришепетываетъ, и ко всякому слову говоритъ «таперича.»

Папенька послѣ разсказывалъ, что онъ очень богатый, а по виду нельзя этого сказать: фракъ старый, брюки въ пятнахъ, и жилетка потертая.

Папенька его ужасно хвалитъ.

— Вотъ, говоритъ: — человѣкъ! И уменъ, и богатъ; а ужь какъ заговоритъ—просто любо-дорого; заслушаешься.

Что онъ хорошаго въ немъ нашелъ? Только и слышишь, что «таперича.»

— Женишкомъ больше! сказала маменька.

Ужь не знаю, кому этакое пугало въ женихи годится.

12 іюня.

Я была цѣлый день у Коропаткиныхъ; тамъ и обѣдала.— Вечеромъ пришелъ *онъ* и Мошкинъ.

Мы всѣ пошли въ садъ. Мошкинъ все увивался около Саши Куропаткиной... Противный! Хорошо, что Ени не было.

Я отстала отъ другихъ, зашла въ темную алею, сѣла на скамейку и стала мечтать... Вдругъ слышу:

— Что это вы однѣ, мамзель Катринъ?

Я такъ и обмерла. *Онъ* сѣлъ около меня, началъ говорить о томъ, какъ хорошо мечтать въ уединеніи, потомъ о Пушкинѣ, о Бенедиктовѣ... И вдругъ взялъ меня за руку. Я вспыхнула, хотѣла отнять; но мнѣ стало жаль *его*.

— Что вы, говорю:—дѣлаете, мосье Мишель?

А *онъ* мнѣ:

— Какъ я счастливъ! говоритъ:—такъ вы не презираете меня?

Я не знала, что дѣлать, что говорить; а онъ наклонился и поцаловалъ меня въ щеку. Мнѣ хотѣлось сказать ему: «душка!» но я вскочила и ушла поскорѣе, чтобы насъ не застали.

Пишу, а свѣчка сейчасъ догоритъ. Маменька никогда

изъ экономіи, не даетъ цѣльной: вѣчно огарокъ, и то весь оплывшій.

Голова у меня въ огнѣ, а руки холодныя какъ ледъ. Я, кажется, не усну сегодня. И волненіе — да и клопы развелись.

17 іюня.

Вчера папенька былъ гдѣ-то въ гостяхъ. — Сегодня онъ не здоровъ; цѣлое утро его тошнило. Онъ чаю напился: думалъ, что пройдетъ—опять стошнило; водки выпилъ—опять. Даже слегъ.

18 іюня.

Онъ далъ мнѣ прочесть тетрадку своихъ стишковъ. Я хочу всѣ списать.

20 іюня.

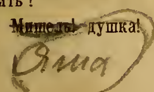
Вчера вечеромъ стала я списывать *его* стихи, а маменькѣ пришла фантазія придти къ намъ въ комнату. Увидала, что я стихи переписываю, и раскричалась.

— Тебѣ, говоритъ: — умнѣе ничего въ голову нейдетъ! Отчего Еня вонъ ужь спитъ давно?

И свѣчку погасила.

Скорѣе ложится спать, а то какъ бы опять крику не нажить!

~~Мишель!~~ душка!

27 іюня.

Я ужь почти всю тетрадку списала, да насъ маменька изъ комнаты выгнала, изъ кроватей вывариваетъ клоповъ и всѣ стѣны мыломъ вымазала.

2 іюля.

Онъ былъ у насъ вечеромъ; все сидѣлъ со мной въ залѣ, и за руку держалъ, и еще одно... этого не напишу. Какъ я счастлива!

6 іюля.

Онъ былъ эти дни у насъ каждый вечеръ, и какъ-разъ у маменьки на ту пору гости. Я такъ рада была. О чемъ только мы не говорили!

— Прочли вы мою тетрадку? спросилъ *онъ*.

— Не только прочла, даже списала, говорю.

— Неужели всю?

— Всю.

Онъ ко мнѣ наклонился, поцаловалъ меня въ шею (а я была декольте) и говоритъ:

— Такъ бы тутъ и замеръ!

8 іюля.

У папеньки что-то растетъ животъ. Съ каждымъ днемъ все больше. Маменька говоритъ: водяная отъ пьянства.

9 іюля.

Не знаю, куда спрятать мнѣ *его* стишки. Только что возьму ихъ въ руки, маменька тутъ какъ тутъ, и пойдетъ бранить: чего-чего не приговариваетъ!

11 іюля.

Вчера рѣшилась я спрятать тетрадку въ саду. Насилу придумала какъ.

Сама вырыла ямку въ землѣ, и прикрыла ее дерномъ, и дернъ въ видѣ креста. Только не во что тетрадку положить; такой коробочки нѣтъ. Впрочемъ въ ящикѣ отъ цигаръ можно.

12 іюля.

Спрятала,—и очень довольна! А то маменька все сжечь хотѣла. Даже вчера по всѣмъ ящикамъ искала.

Мишель! душка! на что я не рѣшусь для тебя?

17 іюля.

Повадился къ намъ Коврижкинъ. Почти каждый день бываетъ. Мнѣ ужасно надоѣлъ.

Какъ только стану я чай наливать, онъ и подсядетъ съ своими «таперича».

Такой гадкій!

19 іюля.

Былъ *онъ*, и въ сумеркахъ, когда мы были одни, взялъ меня за руку и подалъ записочку. Вотъ она:

«Любовь выше силъ моихъ. Вы не отвергаете меня, ангелъ души моей! Приходите завтра въ садъ въ десять часовъ, когда всѣ лягутъ, и отоприте калитку на пустырь!»

Скороли придетъ завтра?

20 іюля.

Руки у меня дрожатъ; я насилу пишу.

Послѣ ужина пошла въ садъ, отперла калитку и жду.

Онъ скоро пришелъ. Сначала всталъ передо мною на колѣни... Ахъ, я не могу всего этого описать!.. А потомъ всталъ и сказалъ:

— Сядемте въ бесѣдкѣ!

Мы пошли туда и сѣли. *Онъ* началъ меня обнимать и цѣловать...

Ахъ! эта тайна со мной умретъ!

21 іюля.

Цѣлый день читала господина Бенедиктова сочиненія. Какъ тамъ хорошо про любовь описано!

27 іюля.

Пріѣхали сюда какіе-то Груздевы. Двѣ барышни есть невѣсты. *Онъ* съ ними познакомился.

29 іюля.

Пришелъ *онъ* вечеромъ. Свѣчей еще не подавали. Маменька ходила смотрѣть, какъ огурцы солятъ. Я стояла съ

нимъ въ залѣ, за плющемъ. *Онъ* меня все обнималъ. Какъ обниметъ, я вся горю.

Вдругъ вошла маменька, а мы и не видали. Начала кричать и бранится... Папенька услыхалъ, выскочилъ изъ кабинета и выругалъ *его* гадкимъ словомъ.

Его выгналъ, и сказалъ, чтобъ не смѣлъ къ намъ ни ногой.

Ахъ, какая я несчастная!

30 іюля.

Я все плакала. Папенька разсердился и заперъ меня въ чуланъ.

12 августа.

Сколько времени не писала я ничего въ своемъ дневникѣ! Я все плакала и тосковала.

Говорятъ, *онъ* женится на младшей Груздевой. О мужчины, мужчины! вотъ какова ваша любовь!

14 августа.

У насъ былъ Коврижкинъ. Весь вечеръ со мной сидѣлъ. Мнѣ на него смотрѣть тошно.

16 августа.

Папенька за обѣдомъ разсказывалъ, что *его* выгнали отъ Груздевыхъ: будто *онъ* ложку серебряную у нихъ укралъ.

Чего здѣсь не сплетутъ!

20 августа.

Я хочу бросить дневникъ. Когда не видишь его, такъ и писать рѣшительно не объ чемъ.

23 августа.

Сегодня маменька позвала меня въ кабинетъ къ папенькѣ. Тамъ сидѣлъ Коврижкинъ.

Папенька сказалъ мнѣ:

— Вотъ, Катя, Матвѣй Спиридонычъ дѣлаетъ намъ честь— проситъ руки твоей.

Я залилась слезами. Меня выслали.

24 августа.

Весь день плакала. Маменька все меня бранила.

Енечка тоже плакала: Мошкинъ на Сашѣ Куропаткиной женится.

28 августа.

Онъ помнитъ и любитъ меня. Я часто вижу, какъ *онъ* проходитъ мимо нашихъ оконъ.

Вчера зашла къ намъ кривая торговка Ѳоминишна (шляпку она чью-то продаетъ), и какъ вышла я къ ней въ дѣвичью, она потихоньку сказала мнѣ. что *онъ* велѣлъ мнѣ кланяться

и сказать, чтобы я съ ней *ему* записочку написала. *Онъ* и не думаетъ жениться.

Душка! Мнѣ кажется, я еще больше прежняго люблю его.

1 сентября.

Я все плакала всѣ эти дни, а маменька меня все уговаривала. Вчера я согласилась.

2 сентября.

Прощай, моя радость!

Этимъ оканчивается тетрадка дневника.

Для полноты не мѣшаетъ присовокупить записочку, посланную къ *нему* съ кривой Ѳоминишной. Вотъ она:

«Душка! если бъ ты зналъ, какъ я люблю тебя! Я на все согласна, что ты мнѣ написалъ. Меня отдаютъ замужъ насильно, такъ я же имъ отомщу. Приходи, какъ ты хотѣлъ, къ калиткѣ. Ночи теперь темныя: никто не увидитъ, какъ я пройду къ тебѣ...»

Л. М. Михайловъ.

Мигъ.

Чудный былъ вечеръ весенній. Ужъ солнце въ волнахъ потонуло,
Искрились тихія волны, и западъ въ послѣднемъ сіяньи
Медленно гаснулъ надъ ними, и Гесперъ уже теплился ярко.
Робкой стопой среброногая дѣва—Селена изъ тучки
Въ темнолазурное поле небесъ выходила.

Все было тихо, прохладно, темно и прозрачно подъ небомъ;
Небо съ землей и съ душой человѣка дышало одною
Сладкой гармоніей, будто-бы звучною грудью одною...
Счастливы мы, что живемъ, что родились, друзья—человѣки!..
Горе нежившимъ и горе отжившимъ!

Н. Ѳ. Щербина.

Женщинѣ.

Какъ надъ тобою посмѣялась
Твоя жестокая судьба!
Какая жизнь въ удѣлъ досталась
Тебѣ, царица и раба!

Ты стала, средь мгновенной власти.
Мишурнымъ блескомъ облитой,
Игрушкою нужды и страсти,
Не человѣкомъ, не женой...

И, на колѣняхъ предъ тобою,
Страдая, плача и любя,
Мужчина съ жаркою мольбою
Цѣпями путаетъ тебя.

Твое призванье ты забыла
Для грезъ дремоты вѣковой,
И новая, живая сила
У міра отнята съ тобой?.

Предъ всякой ложью и тщетою,
Какъ предъ кумиромъ пала ты
И пустоцвѣтною красою
Взросла на почвѣ суеты.

Твое святое назначенье —
Нашъ геній изъ пеленъ пріять,
Направить душу поколѣнья,
Отчизнѣ гражданъ воспитать....

И струнъ въ тебѣ сокрыто мною:
Подъ райской музыкою ихъ
Намъ облегчилась бы дорога
Въ тяжелыхъ странствіяхъ земныхъ

Ты сердца чуткаго прозрѣньемъ
Тѣ правды можешь угадать,
Которыхъ намъ не размышленьемъ,
Ни долгой жизнью не дознать...

Я вѣрю, что настанетъ время
Тебѣ вознестся межъ людей,
И сбросить вѣковое бремя
Съ судьбы таинственной своей,—

И новой мыслью, новой страстью,
Огнемъ, любовью, красотой
Подвинуть міръ въ путяхъ ко счастью,
И взволновать его застой.

Н. Ѳ. Щербина.

Русская боксировка.

При отъѣздѣ за-границу я былъ въ конторѣ квартальнаго надзирателя, за полицейскимъ свидѣтельствомъ для предъявленія въ канцелярію генералъ-губернатора. Пока писарь готовилъ мнѣ эту бумагу, надзиратель, сидя передъ буро-зеленымъ столомъ, разбиралъ ссору двухъ мастеровыхъ, изъ которыхъ одинъ былъ нѣмецъ, а другой русскій. Ихъ позвали въ кварталъ, какъ я узналъ, потому, что нѣмецъ приходилъ накануне жаловаться.

— Кто ты такой? спросилъ надзиратель.

— И я слесарь изъ Мекленбурхъ. живу въ Глухомъ-Переулокъ.

—А ты? продолжалъ надзиратель, обращаясь къ русскому.

— Обойщикъ, ваше благородіе, изъ одного дома.

— За-что ты его прибилъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе: онъ самъ этого пожелалъ.

— Какъ самъ!

— Ай, нѣтъ, господинъ надзирателъ! возразилъ слесарь. Я буду говорить, какъ все дѣло покончиль. Онъ получалъ деньги за работа и просилъ меня въ гости. Мы давно знакомъ, и я ходилъ. Онъ покупаль шнапсъ; мы вмѣстѣ выпиль и сакусиль. Вы знаетъ, господинъ надзирателъ, когда рабочій человѣкъ пиль, онъ будетъ веселъ. И мы говориль, и я ему разсказывалъ о нѣмецкихъ земель.....

— Ну скорѣе: что дальше? возразилъ квартальный.

— Сейчасъ, господинъ надзирателъ. я буду сказывать, какъ дѣло шоль. Когда я выпиль, я хотѣлъ изъ этотъ вечеръ удовольствіе дѣлать и говориль: будемъ боксировайть. И онъ сначала не хотѣль со мной боксировайть...

— Я ему, ваше благородіе, говорилъ, что не умѣю поихнему драться, возразилъ обойщикъ; а онъ присталъ, чтобы трепку значитъ дать..

— Ай, нѣтъ, нѣтъ, господинъ надзирателъ: я ему сказываль, какъ и должно боксировайть. Я все показаль ему, и онъ понималь—потому, господинъ надзирателъ, русскій мастеровой не можетъ чистая работа дѣлать, какъ нѣмецкій мастеръ, но онъ все хорошо понимаетъ. Я просилъ его боксировайть со мной, и онъ соглашаль. И мы послѣ того становильсся одинъ впереди другой. И что-жь онъ дѣлаль сомной, господинъ надзирателъ?

— Да вѣдь я ему толковалъ русскимъ языкомъ, ваше благородіе, что со всѣмъ не умѣю драться по-таковски.

— И это очень-вѣрно, господинъ надзиратель — только я сейчасъ буду разсказать, какъ и все дѣло происходиль. Мы еще выпиль и становилься на позиція, и я ему переясняль какъ боксироваіть. Ну, и начиналь, я съ руками вертѣть, чтобы ему дѣлать боксъ, а онъ не ждаль ударъ и даваль мнѣ оплеуха. Я спрашиваетъ, господинъ надзиратель, кто такъ въ настоящій боксъ дѣлаетъ? И я его останавливаль въ тотчасъ и опять растолковалъ, какъ дѣлаетъ боксъ въ Германія, и мы опять выпиль, и сакусиль, и становилься на позиція. Я начиналь опять съ руками приготовлятъ ударъ дать, и онъ не дожидаль опять мой ударъ и даваль мнѣ еще одна очень большой оплеуха. Это не можно такъ дѣлать, господинъ надзиратель.

— Да какъ-же мнѣ быть, ваше благородіе, возразилъ обойщикъ: вѣдь я этихъ манеровъ не знаю. Не дожидаться-же мнѣ, покамѣстъ онъ зубы разнесъ-бы.

— Ай нѣтъ, господинъ надзиратель: я буду вамъ все пересказывать. И послѣ этого другаго его оплеуха я очень сердилься, и опять ему толковаль и все перeяcниль — и онъ понимаетъ, совсѣмъ понимаетъ. И тогда мы еще одинъ разъ сталь въ боксъ-позиція, и онъ тогда охмѣлѣль — и я ему одинъ ударъ даваль, какъ въ правила боксъ говоритъ, какъ во всей Германія и у насъ въ Мекленбурхь боксируютъ...

— Онъ, ваше благородіе, такъ хватилъ меня въ животъ— перебилъ обойщикъ—что инда подъ сердце подкатило.

— Сейчасъ, господинъ надзиратель, я буду объяснять, какъ опять дѣло съ начала выходиль. Когда я ударъ ему боксомъ даваль, онъ его не отпарироваль, какъ по правиламъ по-

лагаетъ. Онъ, какъ грубый мужикъ, послѣ этотъ ударъ, съ руками захваталь меня за волосъ и трепаль съ обѣихъ рукъ. И я ему сакричаль, чтобъ переставаль трепать, а онъ мене еще одинъ разъ трепаль. Я къ этому не привыкаль, господинъ надзиратель, потому-что я не русскій мастеровой... я изъ Мекленбурхь. Я вамъ все спокончиль, какъ дѣло шоль, а вы, господинъ надзирателъ, будетъ разсудить насъ, какъ законъ показываль.

— А вотъ я васъ разсужу, сказалъ квартальный, вставая изъ-за стола. Ты пьяный у меня не буянь, а хочешь драться, такъ и буксируй въ своемъ Мекленбургѣ. Намъ нечего учиться вашимъ дракамъ, здѣсь и своихъ довольно. Если-бы онъ первый началъ, я бы ему задалъ; а то самъ ты лѣзешь на побои да идешь потомъ жаловаться. Мирись у меня сейчасъ-же!

— Это очень можно, господинъ надзирателъ, сказалъ нѣмецъ: я на нихъ не сердитъ, я могу всю эту грубость ихъ забывать.

— И я, ваше благородіе, ничего — прибавилъ обойщикъ: я ему прощаю, пускай идетъ; хоша и обидно за такіе наговоры, да Богъ съ нимъ—коли онъ прощенья проситъ, я могу ему въ этомъ уваженіе оказать.

— Такъ что-же вы, дьяволы этакіе, по пустякамъ начальство тревожите? Ступайте вонъ!

Почтенные ремесленники вышли; тѣмъ этотъ судъ соломоновъ и кончился.

А. П. Милюковъ.

Изъ Фрейлиграта.

Люби, пока любить ты можешь.
Иль часъ ударитъ роковой,
И станешь съ позднимъ сожалѣньемъ,
Ты надъ могилой дорогой.

О сторожи, чтобъ сердце свято
Любовь хранило, берегло,—
Пока его другое любитъ
И неизмѣнно и тепло.

Тѣмъ, чья душа тебѣ открыта,
О дай имъ больше, больше дай!
Чтобъ каждый мигъ дарилъ имъ счастье—
Ни одного не отравляй!

И сторожи, чтобъ словъ обидныхъ—
Порой языкъ не произнесъ;
О Боже! онъ сказалъ безъ злобы—
А друга взоръ ужь полонъ слезъ!

Люби—пока любить ты можешь —
Иль часъ ударитъ роковой,

И станешь съ позднимъ сожалѣньемъ,
Ты надъ могилой дорогой!

Вотъ ты стоишь надъ ней уныло;
На грудь поникла голова.
Все что любилъ—навѣкъ сокрыла,
Густая, влажная трава.

Ты говоришь, хоть на мгновенье
Взгляни: изныла грудь моя!
Прости язвительное слово,
Его сказалъ безъ злобы я!

Но другъ не видитъ, и не слышитъ,
Въ твои объятья не спѣшитъ.—
Съ улыбкой кроткою, какъ прежде,
«Прощаю все» не говоритъ!

Да! ты прощенъ... но много, много
Твоя язвительная рѣчь—
Мгновеній другъ отравила,
Пока успѣлъ онъ въ землю лечь.

Люби—пока любить ты можешь,
Иль часъ ударитъ роковой,
И станешь съ позднимъ сожалѣньемъ
Ты надъ могилой дорогой!

А. Н. Плещеевъ

* * *

Ты невѣдомое, незнаемое,
Безъ виду, безъ образа,
Безъ имени-прозвища,
Полно гнуть меня ко сырой землѣ,
Донимать меня, добра молодца!
Какъ съ утра-то встану здоровешенекъ,
Здоровешенекъ, кажись, гору сдвинулъ-бы;
А къ полудню уже руки опущаются,
Ноги словно ко землѣ приросли.
А подходитъ оно безъ оклика,
Межъ хотѣнья и дѣла втирается,
Говоритъ: Не спѣши, добрый молодецъ.
«Еще много впереди времени!»
И субботу называетъ пятницей,
Ѳомину недѣлю свѣтлымъ праздникомъ.
Я пущуся-ли въ путь дороженьку,
Анъ оно повело проселками,
На полъ-пути корчмой выросло.
Я за дѣло примусь, анъ оно мухою
Передъ носомъ снуетъ, извивается.
А потомъ тебѣ-же насмѣхается:
«Ой удалъ-силенъ добрый молодецъ,»
«Еще много-ли на боку полежано,
«Силы-удали понакоплено,
«Отговорокъ-то понахожено?

«А и много-ли богатырскихъ дѣлъ
«На печи сидючи, понадумано,
«Вахлаками другихъ поругано,
«Себѣ спину почесано?»

Гр. А. К. Толстой.

Изъ романа „Война и миръ.“ *)

Кутузовъ, сопутствуемый своими адъютантами, поѣхалъ шагомъ за карабинерами.

Проѣхавъ съ полверсты въ хвостѣ колонны, онъ остановился у одинокаго, заброшеннаго дома (вѣроятно бывшаго трактира) подлѣ развѣтвленія двухъ дорогъ. Обѣ дороги спускались подъ гору, и по обѣимъ шли войска.

Туманъ начиналъ расходиться, и неопредѣленно, верстахъ въ двухъ разстоянія, виднѣлись уже непріятельскія войска на противоположныхъ возвышенностяхъ. Налѣво внизу стрѣльба становилась слышнѣе. Кутузовъ остановился, разговаривая съ австрійскимъ генераломъ. Князь Андрей, стоя нѣсколько позади, вглядывался въ нихъ и, желая попросить зрительную трубу у адъютанта, обратился къ нему:

— Посмотрите, посмотрите, говорилъ этотъ адъютантъ, глядя не на дальнее войско, а внизъ по горѣ передъ собой.— Это Французы.

---

*) Изъ описанія Аустерлицкой битвы.

Два генерала и адъютанты стали хвататься за трубу, вырывая ее одинъ у другаго. Всѣ лица вдругъ измѣнились, и на всѣхъ выразился ужасъ. Французовъ предполагали за двѣ версты отъ насъ, а они явились вдругъ, неожиданно, передъ нами.

— Это непріятель?... Нѣтъ!... Да смотрите, онъ... навѣрное... Чтожь это? послышались голоса.

Князь Андрей простымъ глазомъ увидалъ внизу на право поднимавшуюся на встрѣчу Апшеронцамъ густую колонну Французовъ, не дальше пятисотъ шаговъ отъ того мѣста, гдѣ стоялъ Кутузовъ.

«Вотъ она, наступила рѣшительная минута! Дошло до меня дѣло», подумалъ князь Андрей и, ударивъ лошадь, подъѣхалъ къ Кутузову. «Надо остановить Апшеронцевъ», закричалъ онъ, «ваше высокопревосходительство!» Но въ тотъ же мигъ все застлалось дымомъ, раздалась близкая стрѣльба, и наивно испуганный голосъ въ двухъ шагахъ отъ князя Андрея закричалъ: «ну, братцы, шабашъ!» И какъ будто голосъ этотъ былъ команда. По этому голосу все бросилось бѣжать.

Смѣшанныя, все увеличивающіяся, толпы бѣжали назадъ къ тому мѣсту, гдѣ пять минутъ тому назадъ войска проходили мимо императоровъ. Не только трудно было остановить эту толпу, но невозможно было самимъ не податься назадъ вмѣстѣ съ толпой. Болконскій только старался не отставать отъ нея и оглядывался, недоумѣвая и не въ силахъ понять того, что дѣлалось передъ нимъ. Несвицкій, съ озлобленнымъ видомъ, красный и на себя не похожій, кричалъ Кутузову, что ежели онъ не уѣдетъ сейчасъ, онъ будетъ взятъ въ плѣнъ навѣрное. Кутузовъ стоялъ на томъ же мѣстѣ и не отвѣчая доставалъ платокъ. Изъ щеки его текла кровь. Князь Андрей протѣснился до него.

— Вы ранены? спросилъ онъ, едва удерживая дрожаніе нижней челюсти.

— Рана не здѣсь, а вотъ гдѣ! сказалъ Кутузовъ, прижимая платокъ къ раненой щекѣ и указывая на бѣгущихъ.

— Остановите ихъ! крикнулъ онъ и въ то же время, вѣроятно убѣдясь, что невозможно было ихъ остановить, ударилъ лошадь и поѣхалъ вправо. Вновь нахлынувшая толпа бѣгущихъ захватила его съ собой и повлекла назадъ.

Войска бѣжали такой густой толпой, что, разъ попавши въ середину толпы, трудно было изъ нея выбраться. Кто кричалъ: «Пошелъ! что замѣшался?»... Кто тутъ же оборачиваясь, стрѣлялъ въ воздухъ; кто билъ лошадь на которой ѣхалъ самъ Кутузовъ. Съ величайшимъ усиліемъ выбравшись изъ потока толпы влѣво, Кутузовъ со свитой, уменьшеной болѣе, чѣмъ вдвое, поѣхалъ на звуки близкихъ орудійныхъ выстрѣловъ. Выбравшись изъ толпы бѣгущихъ, князь Андрей, стараясь не отставать отъ Кутузова, увидалъ на спускѣ горы, въ дыму, еще стрѣлявшую Русскую батарею и подбѣгающихъ къ ней Французовъ. Повыше стояла Русская пѣхота, не двигаясь ни впередъ на помощь батареѣ, ни назадъ, по одному направленію съ бѣгущими. Генералъ верхомъ отдѣлился отъ этой пѣхоты и подъѣхалъ къ Кутузову. Изъ свиты Кутузова осталось только четыре человѣка. Всѣ были блѣдны и молча переглядывались.

— Остановите этихъ мерзавцевъ!—задыхаясь проговорилъ Кутузовъ полковому командиру, указывая на бѣгущихъ; но въ то же мгновеніе, какъ будто въ наказаніе за эти слова, какъ рой птичекъ, со свистомъ пролетѣли пули по полку и свитѣ Кутузова. Французы атаковали батарею и, увидавъ Кутузова, выстрѣлили по немъ. Съ этимъ залпомъ полковой командиръ схватился за ногу; упало нѣсколько солдатъ, и подпрапорщикъ, стоявшій съ знаменемъ, выпустилъ

его изъ рукъ: знамя зашаталось и упало, задержавшись на ружьяхъ сосѣднихъ солдатъ. Солдаты безъ команды стали стрѣлять.

— О-о-охъ! съ выраженіемъ отчаянія промычалъ Кутузовъ и оглянулся.

— Болконскій, прошепталъ онъ дрожащимъ отъ сознанія своего старческаго безсилія голосомъ. — Болконскій, прошепталъ онъ, указывая на разстроенный батальонъ и на непріятеля,—чтожъ это?

Но прежде чѣмъ онъ договорилъ это слово, князь Андрей, чувствуя слезы стыда и злобы, подступавшія ему къ горлу, уже соскакивалъ съ лошади и бѣжалъ къ знамени.

— Ребята, впередъ! крикнулъ онъ дѣтски-пронзительно. «Вотъ оно!» думалъ князь Андрей, схвативъ древко знамени и съ наслажденіемъ слыша свистъ пуль, очевидно направленныхъ именно противъ него. Нѣсколько солдатъ упало.

— Ура! закричалъ князь Андрей, едва удерживая въ рукахъ тяжелое знамя, и побѣжалъ впередъ съ несомнѣнной увѣренностью, что весь батальонъ побѣжитъ за нимъ. Дѣйствительно, онъ пробѣжалъ одинъ только нѣсколько шаговъ. Тронулся одинъ, другой солдатъ, и весь батальонъ съ крикомъ ура! побѣжалъ впередъ и обогналъ его. Унтеръ-офицеръ батальона, подбѣжавъ, взялъ колебавшееся отъ тяжести въ рукахъ князя Андрея знамя, но тотчасъ же былъ убитъ. Князь Андрей опять схватилъ знамя и, волоча его за древко, бѣжалъ съ батальономъ. Впереди себя онъ видѣлъ нашихъ артиллеристовъ, изъ которыхъ одни дрались, другіе бросали пушки и бѣжали къ нему на встрѣчу; онъ видѣлъ и французскихъ пѣхотныхъ солдатъ, которые хватали артиллерійскихъ лошадей и поворачивали пушки Князь Андрей съ батальономъ уже

былъ въ 20-ти шагахъ отъ орудій. Онъ слышалъ надъ собою непереstававшій свистъ пуль, и безпрестанно справа и слѣва отъ него охали и падали солдаты. Но онъ не смотрѣлъ на нихъ: онъ вглядывался только въ то, что происходило впереди его — на батареѣ. Онъ ясно видѣлъ уже одну фигуру рыжаго артиллериста съ сбитымъ на бокъ киверомъ, тянущаго съ одной стороны банникъ, тогда какъ Французскій солдатъ тянулъ банникъ къ себѣ въ другую сторону. Князь Андрей видѣлъ уже ясно растерянное и вмѣстѣ озлобленное выраженіе лицъ этихъ двухъ людей, видимо не понимавшихъ того, что они дѣлали.

«Что они дѣлаютъ?» думалъ князь Андрей, глядя на нихъ, зачѣмъ не бѣжитъ рыжій артиллеристъ, когда у него нѣтъ оружія? Зачѣмъ не колетъ его Французъ? Не успѣетъ добѣжать, какъ француз вспомнитъ о ружьѣ и заколетъ его.» Дѣйствительно другой Французъ, съ ружьемъ на перевѣсъ, подбѣжалъ къ борющимся, и участь рыжаго артиллериста, все еще не понимавшаго того, что ожидаетъ его, и съ торжествомъ выдернувшаго банникъ, должна была рѣшиться. Но князь Андрей не видалъ, чѣмъ это кончилось. Какъ бы со всего размаха крѣпкой палкой кто-то изъ ближайшихъ солдатъ, какъ ему показалось, ударилъ его въ голову. Немного это больно было, а главное непріятно потому, что боль эта развлекала его и мѣшала ему видѣть то, на что онъ смотрѣлъ.

«Что это? я падаю? у меня ноги подкашиваются», подумалъ онъ и упалъ на спину. Онъ раскрылъ глаза, надѣясь увидать, чѣмъ кончилась борьба Французовъ съ артиллеристами, и желая знать, убитъ или нѣтъ рыжій артиллеристъ, взяты или спасены пушки. Но онъ ничего не видалъ. Надъ нимъ ничего, кромѣ неба—высокаго неба, неяснаго, но все-таки не

измѣримо высокаго, съ тихо ползущими по немъ сѣрыми облаками. «Какъ тихо, спокойно и торжественно, совсѣмъ не такъ, какъ я бѣжалъ, подумалъ князь Андрей,—не такъ, какъ мы бѣжали, кричали и дрались; совсѣмъ не такъ, какъ съ озлобленными и испуганными лицами тащили другъ у друга банникъ Французъ и артиллеристъ, совсѣмъ не такъ ползутъ облака по этому высокому, безконечному небу. Какъ же я не видалъ прежде этого высокаго неба? И какъ я счастливъ, что узналъ его наконецъ. Да! Все пустое, все обманъ, кромѣ этого безконечнаго неба. Ничего, ничего нѣтъ кромѣ его. Но и того даже нѣтъ, ничего нѣтъ, кромѣ тишины, успокоенія. И слава Богу!...»

Гр. Л. Н. Толстой.

Смѣшная фигура.

Улицей шумной, въ толпѣ экипажей,
Быстро летящихъ и взадъ, и впередъ,
Тащутся роспуски съ странною кладжей:
Гробъ на кладбище кляченка везетъ.
Гробъ не нарядѣнъ: онъ просто сосновый,
Даже не крашенъ, не дорого сталъ;
Къ роспускамъ грязнымъ веревкою новой
Крѣпко его гробовщикъ привязалъ.
Даромъ веревку онъ далъ,—въ уваженье.
Съ тѣмъ, что извощикъ назадъ привезетъ;
Ну, вѣдь извѣстно, на счетъ одолженья
Жалостливъ къ ближнему русскій народъ.
Тихо по грязи ползетъ колесница;
Сверху дырявымъ прикрытъ армякомъ,
Плотно на гробѣ усѣлся возница.

Съ бранью кляченку валяя кнутомъ.
Слѣдомъ за гробомъ, нетвердой стопою,
Шелъ, спотыкаясь, одинъ человѣкъ,
Шелъ безсознательно, только порою
Капали слезы съ напухнувшихъ вѣкъ.
Шелъ онъ, какъ-будто какая-то сила
Съ гробомъ невольно влекла и его;
Шелъ, какъ лунатикъ, онъ поступью хилой,
Шелъ онъ не видя кругомъ ничего.
Мужъ-ли, отецъ-ли? Господь его знаетъ!
Лѣтъ не досмотришь на этомъ лицѣ.
Дочь-ли, жену-ли бѣднякъ провожаетъ?...
Сына-ль хоронитъ онъ въ томъ мертвецѣ?...
Старый фрачишко, короткія брюки,
Все это узко, въ обтяжку на немъ,
Тощее тѣло, да голыя руки; —
Видно, что нужда заѣла живьемъ.
Сдвинулась на бокъ шляпенка дряпная,
Съ просѣдью космы висятъ надо лбомъ....
Съ перваго взгляда, фигура смѣшная,
Кажется, будто бредетъ подъ хмѣлькомъ.
Только лице-то у ней не хмѣльное;
Взглянешь, и душу невольно сожметъ.
Смертнымъ безстрастьемъ глядитъ испитое,
Видишь, что съ жизнью здѣсь конченъ разчетъ.
Видишь, что точно испилъ онъ, бѣдняга,
Только не зелена выпилъ вина, —
Выпита горя имъ жгучая брага,
Полною чашей, до капли, до дна.
Въ этомъ созданьи убитомъ и бѣдномъ

Даже заботы слѣда не прочесть;
Все безразлично въ обличіи блѣдномъ....
Смотришь, и мнится, что самъ онъ и есть
Этого гроба жилецъ горемычный.
Вѣкъ свой обыкъ онъ пѣшечкомъ ходить,
Ѣхать-то стало ему непривычно,
Вотъ онъ и вылѣзъ свой гробъ проводить.
Если-бы люди узнали искусство
Ближняго душу читать хоть на лбу,—
Въ этой открыли-бъ одно только чувство:—
Смутную зависть къ тому, кто въ гробу.
Если-бъ сказали ему, что возможно
Мертваго къ жизни земной воротить,—
Съ дикой боязнью онъ вамъ вамъ-бы тревожно
Молвилъ: «Не надо, не надо будить!
Снова на муку! За что-жь?.. Пощадите!
Силъ-то, вѣдь силъ-то не хватитъ у ней,
Богъ съ вами. Лучше меня научите,
Какъ-бы и мнѣ-то, вотъ также, скорѣй....

М. П. Розенгеймъ.

У Элизія

На лодочкѣ своей, всему извѣстной краю,
Однажды перевезъ Харонъ двухъ мертвыхъ къ раю.

Подъ деревомъ густымъ, сокрывшись отъ лучей,
Смотритель отдыхалъ со связкою ключей.

Заслышавъ шумъ весла почти у самой двери,
Вскочилъ со сна Эакъ, воскликнулъ: «что за звѣри?»

— Я съ скифскихъ береговъ —«Подай свой аттестатъ.
Чинъ,—имя,—прозвище;—а холостъ иль женатъ?»

— Женатый. «Проходи. Безъ споровъ и протеста,
У насъ отведено для всѣхъ скорбящихъ мѣсто.»

Тамъ что за человѣкъ? Откуда онъ, Харонъ?
И желтый и сухой, какъ выжатый лимонъ?

Какой онъ націи, идей какого сорта?»
— Я сынъ Британіи,—и ѣзжу безъ паспорта.—

«Прекрасно. Холостой?»—Два раза былъ женатъ.—
«Два разъ!.. Милый мой, повертывай назадъ:

Хоть ты безъ паспорта могъ быть въ числѣ вошедшихъ,
Да только дома нѣтъ у насъ для сумасшедшихъ».

Н. И. Кроль.

Идеалъ.

Я не французъ, не англичанинъ,
Я не полякъ, не шведъ, не грекъ,
Не нѣмецъ я, не бусурманинъ:
Я чисто русскій человѣкъ!

Душой люблю обычьи наши,
Привыкъ я къ водкѣ, къ пирогу;
Мнѣ не обѣдъ безъ щей и каши,
Я жить безъ квасу не могу.
Лечусь а рѣдькой и розсоломъ,
Курю я жуковскій табакъ,
Люблю гульнуть съ прекраснымъ поломъ,
И всякихъ книгъ заклятый врагъ.
Служебнымъ долгъ отдавъ заботамъ,
Сажусь поѣмъ, потомъ всхрапну,
И въ банѣ парюсь по субботамъ,
И въ праздникъ съ нѣвчими тяну.
Большой удѣлъ судьбой мнѣ не данъ,
И я впередъ не выдаюсь:
Какъ сынъ, отечеству я преданъ,
И страхъ начальниковъ боюсь.
Имѣю чинъ, жену, ребятокъ,
Казенный уголъ и дрова...

Но что касается до взятокъ —
То ужь сорву, какъ дважды два!

Я не французъ, не англичанинъ,
Я не полякъ, не шведъ, не грекъ,
Не нѣмецъ я, не бусурманинъ:
Я чисто русскій человѣкъ!

П. Шумахеръ.

Благоразуміе.

Поразмысливъ акуратно,
Я избралъ себѣ дорожку
И иду по ней безъ шуму,
По немножку, по немножку!

Впрочемъ я вѣдь не безстрастенъ,
Я не холоденъ душою,
И во мнѣ вѣдь закипаетъ
Ретивое, ретивое!

Если кто меня обидитъ,
Не спущу я, какъ-же можно!
Изъ себя какъ разъ я выйду,
Осторожно, осторожно!

Безъ ума могу любить я,
Но любить конечно съ толкомъ;
Я готовъ и правду рѣзать,
Тихомолкомъ, тихомолкомъ!

Если-бъ братъ мой захлебнулся,
Я бъ несталъ махать руками,
Тотчасъ кинулся-бы въ воду,
Съ пузырями, съ пузырями!

Радъ за родину сразиться!
Пусть услышу лишь картечь я—
Грудью лягу въ чистомъ полѣ,
Безъ увѣчья, безъ увѣчья!

Послужу я и въ синклитѣ
Такъ чтобъ вѣдали потомки,
Но ужь если пасть придется—
Такъ соломки, такъ соломки!

Кто мнѣ другъ, тотъ другъ мнѣ вѣчно,
Всѣ родные сердцу близки.
Всѣмъ союзникамъ служу я,
По австрійски, по австрійски!

Гр. А. К. Толстой.

Изъ „Дворянскихъ выборовъ“.

Внутренность провинціальнаго театра, зала освѣщена маленькою люстрою, которая даетъ столько же копоти, сколько и свѣта. Ложи оклеены бумажками, на занавѣсѣ нарисованы какія-то колонны, за которыми протянутъ занавѣсъ съ золотомъ, обшитый горностаевымъ мѣхомъ, одного цвѣта съ колоннами. Нѣсколько человѣкъ растрепанныхъ, небритыхъ музыкантовъ копошится въ грязной загородкѣ, изъ-за которой несется нестройный звукъ настроиваемыхъ инструментовъ и запахъ водки и луку. Въ ложахъ сидятъ преимущественно помѣщики, въ томъ числѣ въ бенуарѣ Розоновы. Въ креслахъ кавалеры лорнируютъ дамъ и разговариваютъ. Раекъ пыхтитъ отъ тѣсноты и жара. Кукарикинъ и князь Зацѣпинъ стоятъ прислонившись задомъ къ загородкѣ музыкантовъ.

Князь *(зѣваетъ)*.

Какая тоска!—Смерть!

Кукарикинъ.

Да, скучно!

Князь.

Тебѣ, mon cher, что!.. Ты здѣсь родился, выросъ и жилъ постоянно. Tu n'as pas vu другой жизни, другаго свѣта, другихъ людей!

Кукарикинъ.

Я непремѣнно собираюсь въ Москву съѣздить.

Князь

Въ Москву?

Кукарикинъ.

Да.

Князь.

Это зачѣмъ?

Кукарикинъ.

Какъ же!... Посмотрѣть людей! Свѣтъ!

Князь.

Ну, не стоитъ труда!

Кукарикинъ.

Отчего же?

Князь.

Фи! Помилуй! Развѣ въ Москвѣ свѣтъ! Кто это въ бельэтажѣ?

Кукарикинъ.

Гдѣ?

Князь.

Вотъ третья ложа отъ губернаторской.

Кукарикинъ.

А-а-а! Это мадамъ Селянова!

Князь.

Elle est trés gentille!

Кукарикинъ.

Oui!

Князь.

Я не думалъ чтобъ здѣсь были такія лица.

Кукарикинъ.

У насъ много хорошенькихъ!

Князь.

Да! Пожалуй! Но все это лица обыкновенныя, деревенскія, русскія.

Кукарикинъ.

Да, эта правда!

Князь.

А вѣдь это евпропейское лицо! О чемъ мы говорили-то?

Кукарикинъ.

Когда?

Князь.

Да! вы собираетесь въ Москву! Развѣ mon cher. Москва городъ европейскій? Это Азія, татарщина! Еще Петербургъ—такъ сякъ, полуевропейскій городъ! Но если бы вы были заграницей!—Вотъ гдѣ образованность, вотъ гдѣ свѣтъ, вотъ гдѣ люди.

Кукарикинъ.

Ну ужь, я думаю!

Князь.

Вы были тогда сказали, что здѣсь варварство! Здѣсь живутъ каннибалы! я какъ сюда пріѣхалъ, то все боялся, чтобы меня не съѣли! Ma parole! Посмотрите, вотъ собралась лучшая публика! Вѣдь это людоѣды, готтентоты!

Кукарикинъ.

Это правда.

Князь.

Ахъ! за границей, что за общество! что за жизнь! Что за нравы!

Кукарикинъ.

Еще бы за границей! Особенно, я думаю, въ Парижѣ!

Князь.

Въ Парижѣ?—Да; но главное Лондонъ—вотъ городъ! Англія—вотъ страна! Я теперь убѣжденъ, что разговаривать можно только въ Парижѣ; а жить,—понимаете ли: жить!—можно только въ Лондонѣ. Повѣрьте, что мы тогда только будемъ счастливы, когда всю жизнь нашу устроимъ по англійски,—примемъ англійскіе обычаи, нравы, костюмы,—словомъ, сдѣлаемся совершенными англичанами. Безъ Англіи намъ нѣтъ спасенія. И, знаете какъ странно: находятся люди, кажется, довольно образованные, которые толкуютъ о самобытности! Вѣдь это совершенная дичь. Къ чему развивать наши силы самобытность? Вѣдь это лишнее. И какая тамъ самобытность: квасъ, лукъ, капуста, щи! И что еще выйдетъ изъ этаго развитія?—Богъ знаетъ! Развѣ мы выдумаемъ что нибудь порядочное! Наконецъ къ чему выдумывать, когда уже есть

прекрасное устройство и намъ остается только ввести его. образовать жизнь на манеръ Англіи и дѣло съ концемъ! Не

КУКАРИКИНЪ.

Да разумѣется.

КНЯЗЬ.

Я всячески проповѣдую это! Меня зовутъ англоманомъ — и я горжусь этимъ. Теперь я завожу у себя совершенно англійскую жизнь, крестьянъ устраиваю по англійски и посмотрите какъ они будутъ счастливы, когда англійскіе нравы и англійская жизнь привьется къ нимъ. Теперь они не понимаютъ, противятся, но у меня славный управляющій и я надѣюсь что онъ скоро ихъ сдѣлаетъ совершенными англичанами. Я, знаете, далъ ему полную свободу и требую одного, чтобъ онъ ихъ поставилъ на такую ногу, чтобы я каждому изъ нихъ безъ отвращенія могъ подать руку, какъ англійскому фермеру. Они пришли было ко мнѣ жаловаться, что онъ ихъ разоряетъ, я ихъ прогналъ—и съ тѣхъ поръ пошло лучше. Ахъ, теперь у меня лѣса обращены въ парки! я завелъ грумовъ, жокеевъ!

КУКАРИКИНЪ.

Это прекрасно!

КНЯЗЬ.

Пора же начинать новый порядокъ.

КУКАРИКИНЪ.

А сегодня славная пьеска идетъ.

Князь.

Ну, ужь! Помилуйте! развѣ можно на нашемъ тривіальномъ нарѣчіи выразить что нибудь, создать такое.... знаете? Наконецъ, что это за актеры! Что за труппа!

Кукарикинъ.

Нѣтъ, знаете, труппа—ничего!

Князь.

Ихъ всѣхъ бы заставить дрова таскать, а не играть. Это пародія, уродство! И что за театръ—курятникъ!

(Роговъ и Дурноумовъ).

Роговъ.

А, знаете Михайлова очень недурна!

Дурноумовъ.

Да, славная, канашка!

Роговъ.

Особенно глазки и играетъ съ такимъ жаромъ!—Должно быть, горячая женщина!

Дурноумовъ.

Представляетъ прекрасно!.. И голосокъ славный—поетъ хорошо!... Съ кѣмъ это вы кланялись?

Роговъ.

Когда? сейчасъ?

Дурноумовъ.

Да.

Роговъ.

Это князь Зацѣпинъ, недавно пріѣхалъ изъ-за границы и все устроиваетъ у себя по-англійски.

Дурноумовъ.

А! это тотъ, про котораго говорилъ Козинъ, что прививаетъ къ мужикамъ англійскую жизнь!

Розонова.

(Въ своей ложѣ). Липочка! Катенька! посмотрите, посмотрите! Это, кажется онъ?

Липочка.

Кто?

Розонова.

Тотъ молодой человѣкъ, у котораго мы торговали шали!

Липочка.

Гдѣ онъ?

Розонова.

(Указывая на прикащика изъ магазина Полуграблева. Прикащикъ этотъ, раздушенный, распомаженный до того, что съ головы чуть не капаетъ сало, сидитъ отъ ихъ ложи черезъ одно кресло, въ партерѣ. Въ это время онъ съ важностью лорнируетъ дамъ). Вотъ, вотъ стоитъ... въ трубку-то смотритъ.

Липочка.

Кажется, онъ.

Розонова.

(Перевѣшивается черезъ барьеръ ложи и громко кричитъ). Почтеннѣйшій! почтеннѣйшій! Послушайте!

(Всѣ оборачиваются къ ихъ ложѣ).

Липочка.

Что вы, маменька, помилуйте!

Катенька.

Ахъ, маменька, перестаньте, ради Бога!

Розонова.

Что жь тутъ такого? Вѣдь еще представлять не начинали! *(Кричитъ прикащику)* Послушайте, послушайте, почтеннѣйшій! Я вамъ, вамъ говорю! Хотите за тѣ шали, что, помните, мы торговали—восемьдесятъ рублей? Восемьдесятъ рублей!—ни гроша больше!... Отдавайте, почтеннѣйшій!

(Прикащикъ смотритъ на нее злобно).

Розонова.

Восемьдесятъ рублей! Отдавайте, пожалуйста! Посмотрите какъ имъ, Липочкѣ и Катенькѣ, хочется имѣть шали! Вонъ у всѣхъ есть шали, у нихъ только нѣтъ!... Отдавайте, почтеннѣйшій! Восемьдесятъ рублей! Восемьдесятъ рублей! ни гроша больше.... Знаю, что передала! Много передала! Ну, ужь нечего дѣлать! Восемьдесятъ рублей!

(Прикащикъ быстро изчезаетъ изъ театра).

Розонова.

Вѣдь ишь ушелъ! ушелъ! и говорить не хочетъ. Развѣ это мало, господа!—за двѣ шали восемьдесятъ рублей?

ГОЛОСА ВЪ ПАРТЕРѢ:

— Браво, браво!

— Фора, фора!

— Бисъ, бисъ!

— Славно!

— Отлично!

— Фора, фора!

— Не надо и комедію!

— Браво, браво, браво!

— Браввссимо!

ГОЛОСА ИЗЪ РАЯ:

— Брава, брава!

— Хвора, хвора!

— Ату его, ату его!

— Наяривай, ребята, наяривай!

— Важно, важно! Эхъ малина!

— Кому тамъ ребра ломаютъ!

— Подъ микитки его! Хорошенько!

— По сусаламъ-то, по сусаламъ! Не зѣвай!

— Эхъ, носки вмѣстѣ, пятки врозь—знай наяривай. небось!

— Кузька! глядись, что тамъ?

— Знать комедь начали!

— Не напирайте такъ!

Пронзительный женскій голосъ въ раю. Ахъ, батюшки мои! раздавили совсѣмъ!.... Тише, невѣжи! необразованное мужичье!

голоса въ раю:

— Ха, ха, ха!

— Ишь ты, дворянка!

— Барыня!

— Притисни ее!

— Пронзительный женскій голосъ изъ рая. Тише, ты, обломина, мужикъ, дуракъ этакій,—ты знай, съ кѣмъ имѣешь дѣло!

Сиплый голосъ. Не извольте гнѣваться! Мы такія же деньги заплатили!

голоса въ раю:

— Орѣшковъ не прикажете-ли?

— Не гнѣвайтесь, барышня!

— Не кричите такъ,—осипните!

— Хорошенько!

Пронзительный женскій голосъ въ раю. Отстаньте! Говорятъ—не налегайся!... Еще не заслужилъ, чтобъ я орѣхи твои ѣла! Больно востеръ!... Ай, подлецъ! что ты меня?... Ей-Богу барынѣ скажу! Вонъ она сидитъ!

голоса въ раю:

— Ау! у лю, лю, лю!

— Эй, голова! щи упустилъ, щи упустилъ!

— Заткни перстомъ! Перстомъ-то заткни!

— Ермохъ, а Ермохъ?

— Что же? коего чорта, лѣшій глотку дерешь?

— А вѣдь важно!

— Поднимай гардину!

— Разлюли малина!

Полиціймейстеръ *(входитъ въ кресла)*. Это что за шумъ? Ломовъ, усмирить у меня праведниковъ!

Ломовъ. Слушаю-съ!

Полиціймейстеръ. Какъ тебѣ не стыдно допускать этакій безпорядокъ!

Ломовъ *(квартальному)*. Подхалимовъ! вели городовымъ унять этихъ каналій,—лупить ихъ по головамъ безъ разбора!

Ѳ. А. Зиновьевъ.

Нищій.

Чрезъ село, на клюку опираясь,
По домамъ отъ воротъ до воротъ,
Христораднымъ кускомъ побираясь,
Старый нищій съ котомкою бредетъ.
По неволѣ, иль доброю волей
На дорогу онъ вышелъ съ сумой?
Съ баловства ль да по лѣпости болѣй,
Или вытолкнутъ точно судьбой?
Все въ немъ ветхо, старо и убого—
Кафтанишко и тѣло. Народъ
Пріютитъ и подастъ ради Бога,
Не пытая: куда онъ идетъ?

И кому что за дѣло, бѣдняга.
Знать откуда и кто ты такой?
Безпаспортный ли просто бродяга,
Богомолецъ ли, что ли какой,
Мѣщанинъ, инвалидъ, иль дворовый
Старикашка негодный безъ силъ,
Что за дряхлостью баринъ суровый
На свое пропитанье пустилъ?...
Ты и самъ, въ безъисходномъ скитаньи,
Одичалый среди сиротства,
Позабылъ про свое ужь названье,
Ты и самъ не упомнишь родства.
Всѣмъ чужой и бездомный бродяга,
Вся родня твоя—это клюка,
И живешь ты день за день, бѣдняга,
Словно божія птица, пока
Истощатся послѣднія силы,
По дорогамъ скитаясь какъ тѣнь,
Ты запросишь у Бога могилы;
И наступитъ когда нибудь день:
Задыхаясь въ истомѣ недуга,
Черезъ поле ты будешь брести—
И подымется на полѣ вьюга,
И захватитъ тебя на пути.
Побоишься замерзнуть ты въ полѣ—
И послѣднія силы сберешь,
Полумертвый отъ стужи и боли,
До села кое-какъ добредешь;
Костенѣя, дрожа, у окошка
Христа ради ты будешь просить,

Чтобъ пустили погрѣться немножко,
Да не пустятъ—опасно пустить!
Въ подаяньи никто не откажетъ,
Да вѣдь всякъ бережетъ и себя.
Дастъ и староста, только прикажетъ
За околицу вывесть тебя.
Видишь: дряхлость-то больно заѣла.
Ну,—храни Мати Божья,—умрешь—
За твое горемычное тѣло
На полвѣка бѣды наживешь.
Самому тебѣ вѣдомо это,
Ты и самъ бы такъ сдѣлалъ съ другимъ;
И пойдешь ты отъ нихъ безъ отвѣта,
И не бросишь проклятія имъ.
Спотыкаясь, дрожа по загонамъ
Чуть живой ты опять побредешь,
Побредешь ты, покуда со стономъ
Полумертвый на снѣгъ упадешь.
И подняться не станетъ ужь силы,
Пригвоздитъ тебя къ мѣсту недугъ
И начнетъ онъ вытягивать жилы,
Корчить тѣло, захватывать духъ;
И никто тамъ тебя не подыметъ;
Развѣ душу помилуетъ Богъ,
И умрешь, ты, бродяга, и приметъ
Буйный вѣтеръ послѣдній твой вздохъ.
На лице твое въ корчахъ недуга
Онъ накинетъ покровъ снѣговой,
И закроетъ глаза тебѣ вьюга,
И заплачетъ она надъ тобой!..

И подъ саваномъ снѣжной покрышки
Будешь долго ты, долго лежать,
Пока съищутъ поутру мальчишки
И примчатся въ деревню сказать.
И пойдетъ суматоха, ругая,
Завопятъ на тебя мужики,
И въ кабакъ, и крехтя, и вздыхая,
Поплетутся рядить старики.
И положатъ, надъ штофомъ радѣя,
Что-де, надо-ть въ охрану себя,
На сосѣднее поле скорѣе
За межу перекинуть тебя.
А сосѣди провѣдавъ о гостѣ,
Тѣмъ же самымъ порядкомъ рѣшатъ —
И твои горемычныя кости
Съ перебранкой потащутъ назадъ.
И пойдетъ между селъ передряга,
Для обоихъ ты станешь бѣдой;
Только радъ тебѣ будетъ, бродяга,
Безъ души будетъ радъ становой.
Онъ почуетъ поживное дѣло
И загонитъ коней до-бѣла,
И нагрянетъ на мертвое тѣло,
И наплачутся оба села.
А когда отчураются данью;
Тяжкій выкупъ за трупъ твой дадутъ,
Отнесутъ на погость тебя съ бранью
И съ проклятьемъ землѣ предадутъ.

М. П. Розенгеймъ.

Такъ и быть.

(изъ Гете).

Не хлопочу я ни о чемъ
И очень радъ;
Живу, и день идетъ за днемъ
Отлично, братъ!
Кому завиденъ жребій мой,
Живи какъ я, и пѣсни пой
За чашей круговой.

Я прежде денегъ и богатствъ
Искать былъ радъ,
Но жизнь средь горя и мытарствъ
Шла скверно, братъ!
Мелькаютъ деньги тамъ и сямъ,
Но жалко, что нельзя ихъ намъ
Прибрать къ своимъ рукамъ.

Потомъ въ любви искалъ утѣхъ.
Искалъ отрадъ,
Но всѣ красотки, какъ на грѣхъ,
Пріѣлись, братъ!
Одна надуть меня спѣшитъ,
Съ другой тоска меня томитъ,
А третья.... не глядитъ.

Порой объѣздить шаръ земной
Я былъ бы радъ,
Но только кину край родной,
Ужь каюсь, братъ!
Нѣтъ удовольствій ни на грошъ:
Тамъ плохо спишь, тамъ мало пьешь,
А тамъ съ тоски умрешь.

На службѣ я искалъ порой
Чиновъ, наградъ;
Другимъ везло а я съ судьбой
Не ладилъ, братъ!
Къ тому-жь, бывало, чинъ дадутъ,
Глядь,—всѣ косятся, прочь бѣгутъ,
И зависть тутъ какъ тутъ!

Искалъ я славы и побѣдъ
Въ рядахъ солдатъ,
И нашимъ подвигамъ весь свѣтъ
Дивился, братъ!
Что-жь пользы?—Кончился походъ,
А у меня,—глядико, вотъ
Ноги не достаетъ.

И плюнулъ я на цѣлый свѣтъ,
И очень радъ!
Живу—заботъ и горя нѣтъ,
Отлично, братъ!

Мой пиръ къ концу; умѣлъ пожить,
Теперь... теперь бокалъ допить
И молвить: такъ и быть!

В. Точечкинъ

Только!...

(Весенняя пѣсня.)

Нѣтъ на свѣтѣ зла!
Жить — легка наука;
Зло изобрѣла
Авторская скука.
Вотъ весна, весна!
Вся природа рада....
Только — холодна...
Согрѣваться надо.

Намъ отъ стужи данъ
Некторъ ароматный;
Вина южныхъ странъ
Теплотой пріятной
Чувства усладятъ...
Только — снова вздохи: —
Вина, говорятъ,
Дороги и плохи.

Нѣтъ — такъ все равно!
Что намъ пить чужое?
Есть у насъ вино,
Русскому родное:
Чарка водки — въ зной
И въ морозъ — находка!
Только — грѣхъ какой! —
Дорога и водка.

Пить, взамѣнъ вина,
Просто воду будемъ;
Трезвость намъ нужна,
Какъ рабочимъ людямъ:
Въ ней — успѣхъ труда...
Только — я не скрою —
Чистая вода
Дорога весною.

А весна идетъ
И, дразня свободой,
Нѣгой обдаетъ...
Поживемъ съ Природой
Хоть одинъ денекъ!
Только — вотъ забота:
Двери на замокъ
Заперла работа.

Такъ трудомъ живи,
Въ свѣтлыя мгновенья

Находя въ любви
От труда забвенье.
Съ нею, въ царствѣ грезъ,
Бѣдныхъ нѣтъ на свѣтѣ!
Только — вотъ вопросъ:
Ну, какъ будутъ дѣти?..

Такъ однимъ трудомъ,
Безъ мечты нескромной,
Какъ нибудь дойдемъ
До могилы темной.
Трудъ — надежный другъ,
Всѣхъ несчастныхъ.... только —
Сколько въ свѣтѣ рукъ,
Нѣтъ работы столько!

Жить ли безъ труда
Съ голодомъ да съ жаждой!
Только... какъ тогда
Дорогъ уголъ каждый!
А весна свѣтла
И поетъ лукаво:
«Нѣтъ въ природѣ зла!
Счастье — ваше право.»

В. С. Курочкинъ.

Помѣщикъ Урываевъ.

Прошедшей зимой случилось мнѣ быть по одному дѣлу въ одномъ уѣздномъ городкѣ В..... ой губерніи. Я пріѣхалъ туда въ ночь и остановился у знакомаго мѣщанина Ивана Филимоныча, который съ давнихъ поръ держитъ тамъ нумера для проѣзжающихъ.

Мнѣ нужно было видѣться съ уѣзднымъ предводителемъ, къ которому я и отправился на другой день, часовъ въ 11 утра. Время было чудесное: ясное небо, совершенный штиль и легонькій морозецъ. Проходя по улицѣ, въ которой находилась квартира предводителя, я встрѣтилъ большія пошевни, запряженныя тройкой бурыхъ коней, которые, гремя бубенчиками и обдавая воздухъ горячимъ паромъ, неслись какъ птицы по гладкой, пустой улицѣ. Коренникъ бѣжалъ такой великолѣпной иноходью, что ярко расписанная дуга стояла безъ движенія, словно нарисованная. Кажется, поставь на нее стаканъ съ водой, такъ не расплескалось бы ни капли. Кучеръ только пригнулъ немного голову, да наморщился, чтобъ ему не выбило глазъ снѣгомъ, комьями летѣвшимъ изъ подъ копытъ. Баринъ съ длинными рыжими усами, въ черной мохнатой папахѣ, привставъ съ своего мѣста и спустивъ съ праваго плеча медвѣжью шубу, ловко нахлестывалъ арапникомъ правую пристяжную. Я слышалъ, какъ, пролетѣвши мимо меня, онъ крикнулъ сиплымъ голосомъ: «къ Ивану Филимонову пошелъ!»

Я долженъ былъ по своему дѣлу остаться въ городѣ до слѣдующаго утра. Чтобъ убить какъ нибудь время, я отправился обѣдать къ пріятелю своему, уѣздному лѣкарю, и воротился домой уже часовъ въ девять вечера.

Господинъ, котораго я встрѣтилъ утромъ въ пошевняхъ, стоялъ въ сосѣднемъ со мной нумерѣ. Я тотчасъ узналъ его по голосу, что было очень возможно, по причинѣ тонкости досчатой перегодки, которая насъ раздѣляла.

Едва только Иванъ Филимонычь успѣлъ поставить мнѣ на столъ сальную свѣчьку, какъ дверь отворилась, и сосѣдъ мой явился ко мнѣ безъ церемоніи. Это былъ довольно видный мужчина, лѣтъ тридцати, средняго роста, съ живымъ, энергическимъ лицомъ и съ какой-то ухорской манерой въ обращеніи.

— Къ доктору во всякое время можно, сказалъ онъ, протягивая мнѣ руку. Здѣшній помѣщикъ Василій Васильичъ Урываевъ.

Мы сѣли.

— Мнѣ нужно посовѣтоваться съ вами, докторъ, объ одномъ обстоятельствѣ, которое, можетъ быть, покажется вамъ немножко и страннымъ; но вѣдь есть пословица: «что у кого болитъ, тотъ про то и говоритъ,» сказалъ Урываевъ стараясь откашляться, чтобъ прочистить себѣ горло.—У меня вотъ двѣ недѣли назадъ жена умерла... такъ мнѣ все кажется, что я ее живую схоронилъ.... Какъ вы думаете? Могло это случиться? Какъ это по вашей медицинѣ? Будьте со мной откровенны, пожалуйста!

— Такъ вѣдь она умерла? спросилъ я, совершенно озадаченный этимъ вопросомъ.

— Помилуйте, у меня на рукахъ, отвѣчалъ Урываевъ.

— Почему-жь вы думаете, что вы ее живую схоронили?

— Подите вотъ! Пришло въ голову, и самъ не знаю, — почему.... А главное мальчикъ у меня есть: Ершовъ его зовутъ. Способный, знаете, эдакій мальчикъ. Онъ въ Москвѣ, въ фершельской школѣ обучался и даже рецепты имѣетъ право прописывать. Такъ больше онъ меня напугалъ, бестія: я, говоритъ, Василій Васильичъ, головой ручаюсь, что вы Анну Павловну живую схоронили.

— Я полагаю, что Ершовъ вашъ или дуракъ, или плутъ большой руки. А чѣмъ была больна ваша супруга?

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что болѣзнь-то такого рода, отвѣчалъ Урываевъ и прищелкнувъ языкомъ, — зайцемъ подавилась.

— Какъ зайцемъ? вскрикнулъ я, невольно разсмѣявшись.

Урываевъ вспыхнулъ.

— Ахъ, батюшки мои. Ужь конечно, живой заяцъ не могъ проскочить къ ней въ горло.... понятное дѣло, что косточкой, отвѣчалъ онъ довольно рѣзко, засовывая въ карманы руки и какъ-то особенно пожимая плечами.

Я понялъ, что имѣю дѣло съ горячей натурой и рѣшился быть осторожнѣе.

— Ну, отъ чего бы тамъ ни умерла, вѣдь умерла же?

— На рукахъ, я вамъ говорю, вотъ на этомъ самомъ плечѣ, если хотите Видѣлъ, можно сказать какъ изъ нея душа вылетѣла.

— Ну, такъ, значитъ, и кончено дѣло.

— Такъ вы полагаете, что я никакъ не могъ ее живую схоронить?

— Не только полагаю, совершенно увѣренъ въ этомъ.

— Ахъ бестія Ершовъ! Постой же, — пріѣду, завтра до-

мой,—задамъ я ему копоти!.., Помилуйте, по его милости, весь уѣздъ теперь трубитъ, что Урываевъ живую жену схорониль.... Эдакое животное! Такъ вздоръ?

— Будьте увѣрены.

— Ну дай Богъ вамъ здоровья, докторъ. Точно десять пудовъ съ шеи сняли, сказалъ Урываевъ, вспышка котораго совершенно исчезла,—а то вѣдь ужь я совсѣмъ, знаете... меланхолія овладѣла... Ей Богу такъ! Ну да вѣдь какъ ни вертите,—жена, батюшка, спутница жизни... Три года душа въ душу жили. Заслужила, знаете... И ужь какая женщина была, я вамъ скажу!... Три тысячи серебромъ одно воспитаніе стоило... Убей меня Богъ, если вру! Какъ она пѣла: «ахъ, морозъ, морозецъ!» Куда къ чорту какой—нибудь Леоновой. Жаль, что мы съ вами не были прежде знакомы, а ужь желалъ бы я, чтобъ вы послушали! И точно какъ она предчувствовала, бѣдная... Какъ вѣдь она меня упрашивала, наканунѣ-то, чтобъ я на охоту не ѣздилъ... Базиль, говоритъ, ангелъ мой!... Что ни говорите, а вѣдь это предчувствіе... И надобно же вѣдь такому несчастью случиться: утромъ жена умерла, а вечеромъ—гнѣдая кобыла—чудная лошадь, звѣрь совершенный, Пантерой звали (Урываевъ вздохнулъ). Два года какъ купилъ только; восемьсотъ цѣлковыхъ вѣдь заплатилъ, батюшка! Кровная мосоловка! прошедшее лѣто на скачкѣ въ Москвѣ призъ выиграла.— Бацъ, говорятъ, Пантера издохла. Точно сговорились!... А? Вѣрите ли, какъ мнѣ объ этомъ сказали... Да вы женаты, докторъ?

— Женатъ.

— А до лошадей охотники?

— Не скажу.

— Хе! такъ чтожь я бисеръ-то передъ вами разсыпаю!.. Тьфу! зарапортовался—извините, пожалуйста....

Урываевъ вскочилъ со стула и бросился на диванъ. минутъ десять продолжалась нѣмая сцена. Урываевъ сидѣлъ въ раздумьи и съ ожесточеніемъ крутилъ свои длинные усы.

— Ну, а если бы она прошла въ желудокъ? спросил онъ неожиданно.

— Что такое?

— Косточка-то?

— Предполагаю, что въ такомъ случаѣ вы находились бы теперь въ объятіяхъ Анны Павловны.

— Эхъ, канальство!

Урываевъ опять замолчалъ. Вдругъ онъ порывисто вскочилъ въ своего мѣста и всталъ противъ меня, засунувъ руки въ карманы.

— Послушайте, докторъ, сказалъ онъ съ чувствомъ.— Я очень хорошо понимаю, что навязчивостъ моя и смѣшна, и глупа, и все, что вы хотите; но, право, вы бы поняли мое положеніе, еслибъ знали, чего я лишился... Еслибъ вы могли только вообразить себѣ, что это была за красота неописанная!... Головка какая была,—разцѣловать хотѣлось! Грудь—это вотъ что! Шейка—точно у лебедя! И вообще тутъ, тутъ... ножки.... грація какая.... Эхъ! Мой сосѣдъ Бурковскій, такъ тотъ просто былъ влюбленъ въ нее, какъ въ барышню.... Онъ хорошо пишетъ масляными красками. Вѣрите ли, портретъ съ нея снялъ, въ золотую рамку вставилъ.....

— Съ вашей супруги?

— Нѣтъ, возразилъ съ досадой Урываевъ,—я про Пантеру-то говорю.

Онъ замолчалъ и, пощипывая, по обыкновенію, усы, началъ ходить по комнатѣ. Потомъ опять остановился противъ меня.

— Потеря-то моя такого рода, докторъ, что вѣдь ужъ не воротишь, хоть тресни! сказалъ онъ, стукая себя въ грудь.

— Какъ же не воротишь? возразилъ я.—Пожертвуйте еще восемьсотъ цѣлковыхъ, да купите себѣ другую Пантеру,—вотъ и утѣшитесь.

— Эхъ, докторъ, вы меня не понимаете, отвѣчалъ опять съ досадой Урываевъ,—я говорю, что ужь жену-то, то-есть, не воротишь.... Что тутъ Пантера?...

Много еще говорилъ онъ мнѣ въ этомъ родѣ, но, ошибившись два раза, я рѣшился молчать.

Воспоминанія о двухъ невозвратимыхъ потеряхъ такъ перепутались въ головѣ Урываева, что наконецъ я рѣшительно не могъ понять, про кого онъ говоритъ: про Пантеру, или про Анну Павловну. Наконецъ онъ простился со мной и ушелъ въ свой нумеръ.

На другой день я проснулся довольно поздно. Урываева уже не было въ нумерѣ. Мнѣ сказали, что онъ ушелъ куда-то еще за часъ до моего пробужденія. Досадно, подумалъ я, что, можетъ быть, не удастся еще побесѣдовать съ чудакомъ. Но, вышедши со двора, я тотчасъ встрѣтилъ его у воротъ одного дома при поворотѣ на рынокъ. Я узналъ его еще издали по его папахѣ и медвѣжьей шубѣ, надѣтой на одинъ рукавъ. Онъ ужасно кричалъ, горячился и напиралъ грудью на человѣка съ рыжей бородкой, въ картузѣ и дубленомъ полушубкѣ. Дѣло, по видимому, шло о покупкѣ вороной лошади, которую этомъ держалъ подъ уздцы.

Я остановился, чтобъ посмотрѣть на эту сцену.

— Слушай, Пшеницынъ, ты знаешь, какъ меня зовутъ? Знаешь? кричалъ Урываевъ, покраснѣвъ отъ натуги и пѣту-

хомъ налетая на Пшеницына, который только посмѣивался, поглаживая то свою рыжую бородку, то лошадь, которую движеніе Урываева испугало.—Знаешь ты, какъ меня зовутъ, я у тебя спрашиваю? настаивалъ между тѣмъ Урываевъ, стукая себя кулакомъ въ грудь.

— Да какъ же, сударь, не знать? отвѣчалъ Пшеницынъ.—Не первый годъ съ вами знакомы. Чай все тѣмъ же Василій Васильичомъ и зовутъ.

—Хорошо. А знаешь ли ты преданіе, рыжая борода, что кто Васильича надуетъ, тотъ трехъ дней не проживетъ,—знаешь ты это преданіе? Ну, такъ сорокъ пять рублей и.... тссъ! Ну, скидавай рукавицу-то! Да ну же, братецъ! А—а! докторъ, продолжалъ онъ, увидя меня,—уморите, пожалуйста, вотъ эту рыжую бестію! Это видите ли, здѣшній мѣщанинъ Пшеницынъ, первый мошенникъ въ городѣ, а главное мой пріятель и меня же надуть хочетъ....

— Гдѣ ужь васъ надуешь, батюшка, Василій Васильичъ! Намъ бы только самимъ въ лабетъ, не попасть,—и то велика милость Господня, отвѣчалъ съ плутовской ужимкой Пшеницынъ.

— Толкуй, толкуй ты тутъ по пятницамъ, рыжая шельма, я вѣдь также тебя не со вчерашняго дня знаю! Нука, садись, да проѣзжай на ней еще разъ.

— Для чего-жь, батюшка, Василій Васильичь, извольте.

— Добрая лошадь, шепнулъ мнѣ Урываевъ, въ то время, какъ Пшеницынъ усаживался верхомъ,—да уменъ, бестія, не надуешь! сорокъ пять даю. А лошадь сейчасъ вдвое стоитъ. Тише, не затягивай, дай ей поводья! Не нужно шпоръ, канальи! обратился онъ съ крикомъ къ Пшеницыну, и вдругъ подбѣжавъ, схватилъ подъ уздцы бошадь.

Пшеницынъ положительно растерялся.

— Слушай, Пшеницынъ, ты помнишь мою покойницу—жену? спросилъ неожиданно Урываевъ.

— Да какъ же, батюшка, не помнить? отвѣчалъ съ усмѣшкой Пшеницынъ.—Давно ли? Чай у нея и ноги-то еще не остыли, какъ слѣдуетъ.

— Ну, такъ слушай же, что я тебѣ буду говорить, продолжалъ съ азартомъ, не выпуская изъ рукъ узды, Урываевъ.—Когда я былъ женихомъ и пріѣхалъ въ первый разъ смотрѣтъ невѣсту,—вотъ мнѣ и вывели ее расфуфыренную, да раскрахмаленную, въ блондахъ, въ бархатѣ, въ брилліантахъ, такой, то есть, павой что и чортъ не знаетъ, только что арапникомъ не подстегивали. Вздоръ, я говорю, назадъ! Покажите мнѣ, говорю, будущую мою жену въ черномъ тѣлѣ, какъ ее Господь Богъ создалъ, а эдакъ-то, говорю, хоть обезьяну разряди, такъ хороша будетъ. Понимаешь для чего я это говорю? Такъ вотъ и ты показывай мнѣ лошадь въ черномъ тѣлѣ, какъ она есть, а то что ты ее подстегиваешь, да заставляешь разные прыжки, курбеты, да лансады-то выдѣлывать? Понялъ ли ты меня? Ну, маршъ теперь!

Я только пожалъ плечами, простился съ Урываевымъ и пошелъ свой дорогой.

Въ этотъ день дѣло мое было кончено. Возвратившись къ Ивану Филимонычу, я еще разъ встрѣтился съ Урываевымъ. Онъ выѣзжалъ изъ воротъ на своей лихой тройкѣ. Увидя меня, онъ сдѣлалъ мнѣ ручкой, и закричалъ своимъ сиплымъ голосомъ: «прощайте, докторъ! Такъ значитъ все вздоръ, объ чемъ мы съ вами вчера разговаривали-то.»—Будьте покойны, отвѣчалъ я махнувъ рукой. Но опять таки не понялъ, господа, про кого онъ у меня спрашивалъ: про Пантеру, или про Анну Павловну.

А. П. Голицынскій.

Мельникъ.

(*посвящается А. Н. Островскому.*)

Мельникъ съ похмѣлья въ телѣгѣ заснулъ;
Мельника будитъ сынишка:
«Батька! куда ты въ дороги свернулъ?»
— Полно ты, полно, трусишка!

Глуше, все глуше становится лѣсъ....
Что тамъ! Не мѣсяцъ-ли всходитъ?
Али съ зажженой лучиною бѣсъ
Между деревьями бродитъ?
Ѣдетъ старикъ, инда сучья трещатъ...
«Батька! куда ты! Ворочай назадъ!»

— Что ты боишься! чего ты кричишь!
Этто костры зажигаютъ —
Черезъ огни дѣвки прыгаютъ, — слышь —
Наши ребята гуляютъ.

Смотритъ ребенокъ, и видитъ — огни, —
Искры летятъ, тѣни пляшутъ!

Вѣдьма за вѣдьмой сквозь дымъ, черезъ пни
Скачутъ, хохочутъ и машутъ...
Лѣшаго морда въ телѣгу глядитъ:
«Батька! мнѣ страшно!» ребенокъ кричитъ.

— Что тутъ за страсти! откуда ты взялъ!
Билъ я тебя — билъ, да мало!
Что за бѣда, что народъ загулялъ
Въ ночь подъ Ивана-купала

Пышутъ огни — вотъ, изъ лѣсу идетъ
Мельника старшая дочка;
Косы свои распустила, поетъ:
«Эхма ты, ноченька — ночка!»
Парень ее сзади ловитъ рукой...
Крикнулъ ей мельникъ: «Куда ты? постой!..»

— Батюшка, батюшка! молвила дочь:
Дай ужь ты мнѣ пагуляться. —
Такъ пагуляться, чтобъ было не въ мочь
Завтра съ постели подняться.

Пышутъ огни — вотъ, качаясь, идетъ
Мельника младшая дочка.
Вся разгорѣвшись идетъ она — льнетъ
Къ бѣлому тѣлу сорочка.
«Эхъ!» говоритъ: «загуляю, запью
Злую неволю-кручину свою!...»

«Дамъ я вамъ знать, какъ безъ спроса гулять!»
Мельникъ ворчитъ: «эко дѣло!..»
Медленно сталъ онъ съ телѣги слѣзать —
Съ лысины шапка слетѣла.

Слѣзъ онъ и видитъ — въ шубенкѣ стоитъ
Кумъ его — точно Еремка.
Зубы оскаливши, «кумъ!» говоритъ,
«Полно сердчать-то — Пойдемъ-ка,
Выпьемъ-ка съ горя.... Чего замигалъ?..
Али ты, милый, меня не узналъ!»

— «Какъ не узнать!» глухо молвилъ старикъ.
«Ну, и пойдемъ... обоприся....»
— «Батька!» раздался ребяческій крикъ:
«Это не кумъ — воротися!»

Мельникъ не слышитъ — и съ кумомъ своимъ
Сталъ за кострами теряться.
Хохотъ, какъ буря, пронесся за нимъ;
Начали тѣни сгущатся;
И красноватыми пятнами сталъ
Дымъ пропадать, пропадать — и пропалъ.

Только туманъ изъ-за низменныхъ пней
Смутно бѣлѣлъ, да во мракѣ
Дождикъ дробилъ по листамъ, да ручей
Глухо ворчалъ въ буеракѣ.

Изрѣдка воздухъ ночной доносилъ
Шорохъ проснувшихся галокъ....
«Батька!» въ лѣсу раздавалось, и былъ
Голосъ тотъ робокъ и жалокъ...
Къ утру ребята съ рогатиной шли
Въ лѣсъ по медвѣдя — телѣгу нашли....

Мельника трупъ былъ отысканъ во рву,
Въ лужѣ съ болотною тиной.
Мальчикъ дрожалъ, и весь день наяву
Бредилъ одной чертовщиной.

Слухи пошли по деревнѣ, какъ бѣсъ
Душу сгубилъ. Толковали:
Чортъ-ли понесъ къ ночи пьянаго въ лѣсъ!
Пьянъ, такъ отъ лѣсу подалѣ.
Но и донынѣ душа старика
Стонетъ въ лѣсу позади кабака....

Я. Полонскій.

Притча

Пировалъ Барышъ средь своихъ хоромъ,
Угощалъ онъ знать дорогимъ виномъ,
Не жалѣлъ рублей, не щадилъ труда...

Въ этомъ часъ къ окну подошла Нужда.
Говоритъ: «Барышъ! Не оставь меня,
Голодаю я ужь четыре дня».
— «Видно пьянствуешь»,—ей Барышъ сказалъ,
Черствый хлѣба край ей въ окошко далъ
И смѣясь, кричитъ: пиръ, такъ пиръ горой!
Эй, жена, на столъ поскорѣй накрой,
Подавай пирогъ, подавай намъ щи,
Все что есть въ печи—все на столъ мечи.
Поплелась Нужда отъ окошка прочь...
На дворѣ мятель и глухая ночь,
На дворѣ морозъ всторонѣ-жь кабакъ
И въ него Нужда доплелась кой-какъ.
Въ кабакѣ Нуждѣ уголокъ былъ данъ
За лохмотья-жь ей поднесенъ стаканъ.
Пропила зипунъ—стали гнать Нужду
И пошла Нужда, позабывъ бѣду,
Прямо въ темный лѣсъ, улеглась подъ ель,
Хлѣбъ жуетъ она.... а надъ ней мятель...
Засыпай Нужда,— и чего тутъ?—Знай,
Что «коль хлѣба край, такъ подъ елью рай».

В. Точечкинъ.

Письмо обличительнаго поэта Копернаумова о нѣкоемъ странномъ юбилеѣ и о любопытныхъ событіяхъ, съ этимъ торжествомъ сопряженныхъ.

Ну, милѣйшій мой Иванъ Александрычъ—была игра! и былъ скандалъ, достойный твоего сатирическаго ума и твоей неподражаемой кисти! Участвовалъ я на юбилеѣ, и на какомъ юбилеѣ? На юбилеѣ эконома—и какого эконома? того самаго, который, чуть не уморилъ съ голоду Юлиньку и Дашу Шенфельта, въ воспѣтомъ тобою женскомъ учебномъ заведеніи! И я говорилъ спичь, и замышлялъ побить юбиляра, и меня намѣревались отдуть его друзья и собратія, но съ Селиверстомъ Копернаумовымъ не легко справиться и потому все дѣло кончитакъ, какъ обыкновенно у насъ кончаются торжественныя собранія—то есть великимъ скандаломъ, нѣсколькими тычками, но безъ тѣни дуэли или потасовки серьозной. Въ газетномъ мірѣ уже готовится протестъ противъ моего поведенія: нашъ цензоръ нравовъ, наша непорочная литературная голубица, арендаторъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» самъ пишетъ этотъ протестъ, а два или три барда, почтительно стоя за его кресломъ, за умѣренную плату выправляютъ слогъ сочиненія. Одно бутетъ ново въ протестѣ, названномъ: «Отвратительное поведеніе обличительнаго поэта Копернаумова»: въ видѣ по-

визны, или по случаю своего разлада съ литераторами (исключая малаго числа голодныхъ газетныхъ бардовъ), редакція «Вѣдомостей» хочетъ разослать свой протестъ въ рукописи ко всѣмъ лицамъ, имѣющимъ должности по откупу. Это нѣсколько уменьшаетъ тяжесть удара: хоть у насъ и есть иные литераторы, совершенно сходные съ откупщиками,—но все-таки откупщикъ не судья моихъ дѣлъ, и гнѣвные протесты, подписанные хотя самими господами Ободраки, Ицкенштейномъ и Шмуленбергомъ, могутъ имѣть великое значеніе въ какомъ-нибудь винномъ депо, пожалуй, въ водочномъ магазинѣ, а никакъ не въ россійской словесности.

«Ухъ! дайте отдохнуть и съ силами собраться!» скажу я вмѣстѣ съ моимъ идеаломъ и учителемъ, Василіемъ Львовичемъ Пушкинымъ. До сихъ поръ голова трещитъ, кулаки сжимаются сами собою и кровь бушуетъ воинственнымъ жаромъ. Тѣмъ лучше будетъ—это придастъ моему разсказу должное одушевленіе. Тебѣ, безъ сомнѣнія, извѣстно, безпутный Иванъ, что не смотря на мое оффиціальное жительство и квартиру у...ской заставы, въ помѣщеніи нашего клуба,—твой другъ Копернаумовъ не способенъ долго киснуть на одномъ мѣстѣ. И такъ на предпрошлой недѣлѣ я покинулъ свой пріютъ и рѣшился выжить нѣсколько дней у нашего общаго друга Шайтанова. Не знаю почему, но одинъ видъ Шайтановской квартиры мнѣ сладокъ. Я чахну тамъ, гдѣ разосланы ковры, гдѣ каминъ украшенъ фарфоромъ и мраморомъ, гдѣ на дверяхъ висятъ тяжелыя шолковыя тряпицы, называемыя портьерами. У Шайтанова я дышу вольнѣе. Когда я вхожу въ его залу, меблированную двумя дырявыми стульями, года молодости ко мнѣ возвращаются. Когда я ложусь на его протертый диванъ и получаю въ бокъ уязвленіе отъ порванной и наружу

высунувшейся пружины, душа моя ликуетъ. И когда, вечеромъ, надѣвши калоши вмѣсто туфель, и обмотавъ себя пледомъ вмѣсто халата, я подсаживаюсь къ трехногому, качающемуся, крашеному письменному столику, вдохновеніе бурею входитъ въ мою голову, и на бумагу льются стихотворенія до того яростныя, что прочитавши ихъ, мои поклонницы навѣрно составятъ обо мнѣ понятіе, какъ о душегубцѣ Стенькѣ Разинѣ съ примѣсью философа Гераклита. Не будь моихъ періодическихъ поѣздокъ къ Шайтанову,—вся моя литературная слава померкла бы, и карающее перо мое сдѣлалось бы мягче мокрой мочалки.

Исторія моя съ юбилеемъ начинается въ прошлый вторникъ, въ квартирѣ Шайтанова. Я сидѣлъ утромъ на любимомъ моемъ диванѣ съ поломанными пружинами и писалъ сорокъ девятое стихотвореніе собранія «Свирѣпыхъ Ямбовъ». Мыслей было много, рифмы набѣгали сами, работа шла, какъ по маслу. Истерзавши, какъ слѣдуетъ, высшее общество, хлыщей, становыхъ приставовъ и камелій, я повелъ атаку на рыцарей литературы, но на этомъ горячемъ мѣстѣ обличительный трудъ мой былъ прерванъ стукомъ въ двери и голосомъ Шайтанова: «отвори, есть до тебя дѣло!»

По правдѣ сказать, я всегда радъ когда мнѣ мѣшаютъ работать.

— Войди, войди, очень радъ, отвѣчалъ я, и отворивъ двери увидѣлъ передъ собою хозяина, въ сопровожденіи двухъ господъ самой благообразной наружности, въ мундирныхъ фракахъ и съ бакенбардами, извивающимися отъ виска ко рту, въ видѣ запятой. Благонамѣренность и благонадежность такъ и цвѣли на ихъ нѣсколько геморроидальныхъ лицахъ.

— Вотъ, господа,—сказалъ Шайтановъ, указывая имъ на меня:—вотъ вамъ нашъ великій поэтъ и обличитель, кажется дальнѣйшихъ рекомендацій не требуется. Просите его, онъ всегда любилъ юбилеи и похоронные обѣды. Онъ и стихи напишетъ, и рѣчь отбарабанитъ на славу. А съ меня не взыщите, я человѣкъ маленькій, что вамъ во мнѣ и въ моемъ присутствіи?

Господа съ бакенбардами въ видѣ запятой подошли ко мнѣ и пригласили меня на юбилей, устраиваемый въ честь честнѣйшаго, благороднѣйшаго и близкаго ихъ сердцу дѣйствительнаго статскаго совѣтника и эконома Гальгенкнехта.

— Какъ? спросилъ я съ недоумѣніемъ:—не про то ли женское заведеніе, гдѣ онъ экономомъ, недавно писалъ мой дорогой Ч-р-н-к н-ж-н-к-въ?

Оба господина съ благонамѣреннаго вида бакенбардами выразили на лицахъ своихъ скорбь и неудовольствіе.

— Господинъ Ч-р-н-к-н-ж-н-к-въ, сказалъ одинъ изъ нихъ, жестоко оскорбилъ и г. Гальгенкнехта, и заведеніе, при которомъ онъ находится, и достойнаго сановника Сергія Юрьевича, не говоря уже о начальницѣ и классныхъ дамахъ. Ни одной дѣвицы никогда не умирало съ голоду въ этомъ заведеніи, всякій вамъ это засвидѣтельствуетъ. Пробные порціи всегда превосходны. Если дѣвицы нѣсколько хилы и блѣдны, то это не одъ дурной пищи, а отъ привычки кушать уголь и грифеля. Все начальство заведенія собиралось подать формальную жалобу на г. Ч-р-н-к-н-ж н-к-ва и его обидныя насмѣшки...

— Но разсудило, со смѣхомъ перебилъ Шайтановъ:—что жалоба на нихъ самихъ еще навлечетъ разныя непріятныя изслѣдованія. Ну, сознайтесь сами, господа,—вѣдь бездѣ-

льникъ вашъ экономъ Гальгенкнехтъ? Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, мой отецъ зналъ его совершеннымъ нищимъ.

Одинъ изъ чиновниковъ промолвилъ довольно робко:

— Всякій начинаетъ съ малаго.

— А теперь, продолжалъ мой другъ:—онъ имѣетъ два шестиэтажныхъ дома и за каждой дочерью даетъ по пятидесяти тысячь. Впрочемъ, господа, не морщите вашихъ челъ, это остается между нами Поэтъ Копернаумовъ не то, что его безпутный пріятель. Онъ будетъ въ качествѣ литератора, на юбилеѣ, и произнесетъ спичь на славу. Правда, Селиверстъ Ильичь?

— Буду, если и ты будешь,—сказалъ я, думая что все это шутка и сейчасъ кончится. Но Шайтановъ изъявилъ полное согласіе и еще подмигнулъ мнѣ глазомъ. Нечего было дѣлать, краснѣя за себя, я далъ обѣщаніе быть на юбилеѣ. Старшій изъ благообразныхъ гостей спросилъ не нуженъ ли мнѣ формулярный списокъ юбиляра, какъ матеріалъ для привѣтственнаго стихотворенія. Тутъ только я понялъ причину приглашенія и настойчивости—должно быть въ наше время прогресса и утѣшительныхъ начинаній, никакой порядочный юбилей не можетъ обойтись безъ поэта.

— Нѣтъ, нѣтъ, формулярнаго списка не надо, отвѣчалъ Шайтановъ:—формулярные списки только налагаютъ преграды на вдохновеніе. И хорошій будетъ у васъ праздникъ?

— Удивительный! отозвался старшій изъ пригласителей.— Князь Сергій Юрьевичь самъ составляетъ menu и указалъ гдѣ купить вина. Дѣвицы изъ заведенія поднесутъ юбиляру вѣнокъ и сто двадцать шолковыхъ мячиковъ своей работы. Такъ какъ пиршество будетъ въ залахъ ихъ пансіона, то послѣ обѣда онѣ протанцуютъ па съ шалями—знаете, pas de chales... все такія пышечки...

— А потомъ эти пышечки поужинаютъ сырымъ картофелемъ и тухлой рыбой? замѣтилъ Шайтановъ.

— Шутники вы, и видно что писатели, съ добродушіемъ отвѣчалъ младшій изъ чиновниковъ.

— Прощайте же, до свиданія, не забудьте дня и часа— а право, мы вамъ пришлемъ формулярный списокъ!

— Ну васъ со спискомъ!

И мы остались одни съ Шайтановымъ.

Въ первыя минуты я хотѣлъ было ругательски обругать моего друга и хозяина, но не нашолъ въ моемъ сердцѣ довольно рѣшимости. Юбилеи и похоронныя закуски—моя пассія. Когда я пирую на похоронахъ у какого-нибудь вовсе мнѣ не близкаго покойника, или ѣмъ живыхъ стерлядей въ честь того, что нѣкій вовсе не уважаемый мной, а иногда и нравственно—препоганый сановникъ пятьдесятъ лѣтъ отслужилъ Аполлону или Ѳемидѣ, духъ мой всегда находится на степени ликованія. Мнѣ отрадно бываетъ видѣть, какъ, за похоронной трапезой, постепенно разъясняются и разцвѣчиваются лица, цѣлое утро не безъ усилія носившія уксусное выраженіе,—или какъ на юбилеѣ особы, передъ закускою предававшія юбиляра всѣмъ божествамъ подземнымъ, за шампанскимъ начинаютъ нѣжно обнимать его, лить слезы и утопать въ восторженныхъ ощущеніяхъ. Да, повѣрь мнѣ, милѣйшій Иванъ,—на похоронахъ и на юбилеяхъ изучается натура человѣческая лучше, чѣмъ гдѣ либо! На юбилеяхъ и на похоронахъ мы становимся лицомъ къ лицу со всѣмъ ничтожествомъ, со всею шаткостью и со всѣми безобразіями человѣческаго племени! Эти притворныя слезы рядомъ съ набиваніемъ брюха, эти наморщенныя лица, не устаивающія противъ двухъ рюмокъ го-сотерну на голодный желудокъ, эти пошлыя спичи и юбилейныя стихо-

творенія по заказу, эти ревностныя стремленія поподличать на всякій случай, поподличать безвозмездно, какъ бы для практики... да! тутъ много матеріала и для философа, и для обличителя, и для беззаботно-шутливаго наблюдателя, тебѣ подобнаго...

Къ вечеру дня, ознаменованнаго вышеразсказаннымъ приглашеніемъ, у меня были уже заготовлены два стихотворенія въ честь юбиляра. Я прочелъ ихъ Шайтанову. Первое выходило въ родѣ пѣсни, на голосъ «Хвала тебѣ, нашъ Излеръ благородный!» Въ немъ я припоминалъ герою праздника его бывшую нищету, хвалилъ его два каменныхъ дома, объ остальномъ ужь не упомню. Знаю я одно, что пѣсня заключалась такими двумя стихами:

Иль въ руки взявъ хорошую дубину
Начать лупить тебя по головѣ?

Второе привѣтствіе было полнѣе: въ немъ я говорилъ о голодныхъ обѣдахъ дѣвицъ, о скверной провизіи и о вѣчно-великопостной репутаціи пансіона, въ которомъ юбиляръ правилъ должность эконома. Хвалебное пѣснопѣніе опять-таки кончалось вопросомъ:

Но нѣтъ! и въ спичи самой пылкой
Всего не выскажешь—ей, ей!
Или хватить тебя бутылкой
И тѣмъ твой кончить юбилей?

Шайтановъ, выслушавъ стихотворенія, неодобрительно покачалъ головою

— Ты всегда увлекаешься, нашъ неукротимый обличитель, сказалъ онъ, подумавъ немного. — Стихи твои таковы, что прослушавъ ихъ публика должна сдѣлать одно изъ двухъ, или немедленно вытолкать изъ залы самаго юбиляра, или, съ помощью нѣсколькихъ сторожей, тебя самого изъ нее вышвырнуть. Послѣднее будетъ вѣроятнѣе, судя по направленію и наклонностямъ участниковъ пиршества. Подвергаться же подобной непріятности не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ, даже для обличенія всѣхъ экономовъ вселенной.

— Согласись, однакоже, что иначе намъ не для чего и быть на этомъ безобразномъ юбилеѣ!

— Вовсе не соглашаюсь. Мой планъ совсѣмъ не таковъ и въ немъ смысла гораздо болѣе. Насъ зовутъ на пиръ, какъ представителей литературы. По правдѣ сказать, не надо было соглашаться, но ужь если мы, неисправимые школьники, согласились и будемъ на пирѣ, то уже тѣмъ самымъ обязались заявить свой взглядъ на вещи. Съ этою цѣлью надобно составить рѣчь, колкую и двусмысленную, которая и выражала бы то, что должно, и не выходила бы изъ границъ приличія...

— Такъ пиши ее самъ, сказалъ я угрюмо. Я умѣю отбрить кого нужно, могу, при случаѣ, дать подзатыльника, гдѣ придется, способенъ даже говорить чужіе спичи на обѣдахъ, но дипломатически, финтить и ломать свою голову не способенъ. Напиши рѣчь, а такъ какъ у тебя голосишка дрянной, то я готовъ отхватать ее за шампанскимъ. Только помни, яду побольше, вставь хоть что нибудь изъ моихъ стихотворныхъ привѣтствій!

— Боже меня сохрани отъ этого, смѣясь возразилъ Шайтановъ.

Къ утру рѣчь была изготовлена, и я заучилъ ее не безъ нѣкотораго усилія надъ собою. Старѣемся мы, милый Иванъ!

ужь не та у насъ память, какъ въ то время, когда мы, бывало, на школьной скамьѣ, въ четверть часа выдалбливали по страницѣ нѣмецкаго синтаксиса! Какъ бы то ни было, къ обѣденной порѣ рѣчь была вызубрена, фраки надѣты, и мы, сѣвши на первую попавшуюся гитару, помчались по направленію къ женскому заведенію, тобою воспѣтому.

При первомъ нашемъ вступленіи на театръ предстоящаго юбилея, и я, и Шайтановъ отдали дань похвалы твоему бойкому перу, достойный Иванъ Александровичъ. Твой фельетонъ о плохой пищѣ дѣвицъ въ нашихъ пансіонахъ, возбудившій такія бури въ мірѣ экономовъ, уксусныхъ классныхъ дамъ и величаваго вида начальницъ—воскресъ передъ нами во всѣхъ подробностяхъ. Все, все нашли мы совершенно такъ, какъ ты живописуешь. Швейцаръ, глубокомысленнаго вида, съ презрѣніемъ взглянувшій на насъ, пріѣхавшихъ на извощичьей гитарѣ, паркетъ, налощенный до омерзительной степени, классныя дамы наикислѣйшаго и злобнаго вида, группы пансіонерокъ съ зеленымъ цвѣтомъ лица, явнымъ слѣдомъ плохой пищи, въ атмосферѣ какой-то запахъ мастики и залежавшагося чернослива—все намъ было знакомо и хорошо знакомо. Глаза мои искали худенькой черноглазой пиголицы съ сырой картофелиной въ карманѣ, воображеніе рисовало разныя сцены, тобою описанныя. Но вотъ дѣвочекъ повыгнали прочь, зала наполнялась, около стола, выведеннаго во всю ея длину, съ боковыми, загибами стали группироваться гости, выбирая себѣ мѣста поближе къ стулу, обреченному для юбиляра. Можно было опытному человѣку подумать, что все одушевлено любовью къ виновнику торжества и жаждою лицезрѣть его вдоволь. Но, вслушавшись въ рѣчи наѣзжавшихъ гостей, легко было уразумѣть причину ихъ влеченія къ средоточію пиршества.

— Не садись на уголъ, говорилъ одинъ человѣкъ другому:—кто сидитъ на углу, тому отъ стерляди подаютъ одинъ хвостъ,—это вѣрнѣе смерти.

— На сорока юбилеяхъ я былъ и всегда подавали мнѣ холодныя блюда: на этотъ разъ попробую сѣсть около самаго урода.

— Вотъ тутъ и рѣчи будутъ слышнѣе, лицемѣрно замѣтилъ тучный господинъ со звѣздою, поворачивая стулъ около самаго средоточія.

— Ну, очень ты заботишься о рѣчахъ! шутливо перебилъ другой звѣздоносецъ съ крючковатымъ носомъ:—просто ты пронюхалъ, что тамъ на концахъ вино стоитъ похуже.

Мнѣ и Шайтанову, какъ лицамъ подозрѣваемымъ въ намѣреніи произнести спичь или стихотворную импровизацію, дали стулья противъ самаго виновника юбилея. Плохого вина и стерляжьихъ хвостиковъ мы уже не могли бояться.

Но вотъ, на хорахъ раздалась музыка, часы громко пробили пять, и самъ виновникъ торжества, краснорожій, толстенькій, плутоватаго вида старичекъ, появился въ залѣ. Подъ руку велъ его князь Сергій Юрьевичъ, рядомъ съ нимъ шла начальница заведенія, та самая величественная карга, съ которой ты чуть не подрался за дочерей друга нашаго Шенфельта. Шествіе замыкало нѣсколько сановниковъ и родственниковъ Сергія Юрьевича, потомъ собраніе благообразныхъ господъ съ бакенбардами въ видѣ запятой и кучка дѣвицъ—пансіонерокъ, очевидно выбранныхъ за свои красивыя личики. Не взирая на музыку и на Сергія Юрьевича, расточавшаго сладчайшія улыбки всѣмъ присутсвовавшимъ, первыя минуты прошли весьма холодно: во-первыхъ, по словамъ моего сосѣда, довольно ядовитаго чиновника, большая часть го-

стей и знакомства не имѣла съ господиномъ Гальгенкнехтомъ, а во-вторыхъ, всему міру извѣстно, что голодный и ждущій обѣда петербургскій житель вь тяжкія минуты передъ истребленіемъ закуски не признаетъ ни родныхъ, ни друзей, ни юбиляровъ, ни благодѣтелей человѣчества. Но вотъ, наконецъ, всѣ ринулись къ столикамъ съ закуской и водкой. Давка произошла самая почтенная, потому - что, по распоряженію Сергія Юрьевича, два столика были отдѣлены для сановниковъ и охранялись цѣпью уксусныхъ классныхъ дамъ, мы же плебеи, тискались и тѣснились около столовъ трехъ, не больше. Когда сановники поѣли и пропустили по рюмочкѣ, началось разсаживаніе, стучанье стульями, хлѣбанье супа, который оказался отличнымъ. Да и вообще обѣдъ, и въ цѣломъ, и въ частностяхъ, дѣлалъ честь распорядителю и старому обжорѣ Сергію Юрьевичу. Не знаю, былъ ли онъ изобиленъ и достались ли стерляжьи хвостики на долю компаніи, засѣдавшей въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, но у насъ, въ средоточіи пиршества, все шло на славу. Иные гости уже послѣ второго блюда превратились въ какія-то полусонныя, фіолетовыя страшилища, а за четвертымъ явствіемъ, состоявшимъ изъ великолѣпнѣйшаго омароваго соуса, мой ядовитый сосѣдъ тронулъ меня за колѣно и глазами указалъ по направленію къ юбиляру. Я взглянулъ, и хотя самъ принадлежу къ хорошимъ ѣдакамъ, но на этотъ самъ разъ почувствовалъ морозъ по кожѣ. Сергій Юрьевичь и экономъ Гальгенкнехтъ накладывали себѣ по второй тарелкѣ омаровъ, умѣренное количество которыхъ гибельно для немолодого желудка...

— Увидите, что кого-нибудь ужь стукнетъ кондрашка, съ злорадствомъ прошипѣлъ мой застольный товарищъ.

Подали шампанское—всѣ поднялись съ мѣстъ, нѣсколько сотъ мутныхъ и оловянныхъ глазъ устремились въ нашу сто-

рону. Сергій Юрьевичъ, обращаясь къ юбиляру, началъ рѣчь болѣе достойную Титира и Мелибая, нежели смертнаго съ здравымъ смысломъ Онъ говорилъ не столько о юбилярѣ, сколько о красотѣ и невинности пансіонерокъ, даже довелъ свою игривость до того, что пожелалъ быть прелестной дѣвицей и воспитываться подъ крыломъ «близь меня сидящей maman» (тутъ онъ отвѣсилъ поклонъ начальницѣ) и нашего друга Гальгенкнехта. Затѣмъ Сергій Юрьевичъ икнулъ и рѣчь его запуталась, но онъ не сконфузился и въ азартѣ кинулся цаловать эконома. Да, мы расплакались, какъ и достодолжно, а затѣмъ взоры, полные любопытства, устремились на меня и Шайтанова. Пришла пора расплачиваться за честь приглашенія.

«Милостивыя государыни и достопочтенные слушатели, началъ я твердымъ и громкимъ голосомъ: «хотя я, обращая взоры мои и направо и налѣво, впередъ и по сторонамъ, не вижу ни одного лица, сколько-нибудь мнѣ знакомаго, но я твердо вѣрю, что всякій юбилей есть торжество семейное и что лица на немъ кушающія — члены одного, тѣснаго и братскаго круга. Потому не буду утомлять васъ высокопарными хваленіями нашего юбиляра. Онъ въ хваленіяхъ не нуждается. Памятникъ ему давно воздвигнутъ въ сердцахъ нашихъ, въ желудкахъ дѣвицъ, воспитывавшихся въ семъ зданіи, — и на улицахъ Петербурга, украшенныхъ домами, ему принадлежащими. Но нѣтъ! слова мои слишкомъ слабы—онѣ меркнутъ передъ мыслью о заслугахъ виновника сего пиршества. Кто, какъ не онъ, ввелъ золотой принципъ *умѣренности* въ дѣло дѣвическаго продовольствія, кому, какъ не ему, одолжены мы за пріученіе ко всѣмъ житейскимъ случайностямъ нашихъ сестеръ и дочерей, нашихъ женъ и будущихъ невѣстъ нашихъ? Женщина есть существо невоздержное по натурѣ—ссылаюсь въ этомъ на законы древняго Рима и Лакедемона. Оча-

рователный и дорогой нашъ господинъ Гальгенкнехтъ сдѣлалъ то, до чего тяжелымъ путемъ не успѣли достигнуть законодатели Лакедемона и Рима. Благодаря ему, всякая дѣвица, воспитавшаяся въ сихъ уважаемыхъ стѣнахъ, чужда чревоугодію и сластолюбію, что крайне важно въ нашъ вѣкъ безденежья и дорогой провизіи. Я встрѣчалъ много прелестныхъ существъ, вскормленныхъ нашимъ юбиляромъ, и могу завѣрить, что онѣ чужды всякой взыскательности по части гастрономическихъ излишествъ. Онѣ довольны всѣмъ, самое подлое кушанье ихъ не возмущаетъ, онѣ кушаютъ, какъ птички, но тутъ я останавливаюсь: одно сладостно-медовое краснорѣчіе князя Сергія Юрьевича можетъ коснуться сего обворожительнаго предмета.

«У всякаго безкорыстнаго и благотворнаго дѣятеля есть враги. Есть они, вѣроятно, и у нашего юбиляра. Это рабы за тріумфальной колесницей консула, завистники его доброй славы и благопріобрѣтенныхъ домовъ въ Петербургѣ. Одинъ изъ этихъ враговъ, на—дняхъ, при мнѣ, укорялъ начальство этого прекраснаго женскаго заведеія въ томъ, что будто бы здѣшнія пансіонерки, не имѣя возможности кушать скверныхъ обѣдовъ и ужиновъ, ѣдятъ уголь, мѣлъ и грифель. Конечно, это клевета, но еслибъ она и не была клеветою, то въ здѣсь заявленомъ фактѣ я не вижу ничего, кромѣ хорошаго. Мнѣ, покрайней мѣрѣ, будетъ очень пріятно, если жена моя станетъ считать лакомствомъ соте изъ мѣла, сальми изъ грифелей и уголья a la serviette. Оно и просто, и дешево, а въ нашъ кринолинный вѣкъ, когда простое платье для выѣзда стоитъ полтораста цѣлковыхъ, а фунтъ говядины около двугривеннаго, пріятно видѣть простоту и дешевизну хоть въ какихъ-нибудь предметахъ женскаго потребленія.

«Выпьемте же, милостивые государи, за здоровье нашего честнаго и доблестнаго юбиляра! Пусть онъ живетъ и процвѣтаетъ чтобы мы, еще черезъ двадцать пять лѣтъ, могли собраться въ честь его на такомъ сытномъ обѣдѣ и произнести еще нѣсколько вдохновенныхъ рѣчей, достойныхъ «Сѣверной Пчелы» стараго времени. Господа, выпьемте еще кубокъ за здоровье Ивана Богдановича Гальгенкнехта!»

Взрывъ рукоплесканій, а со стороны самыхъ нетрезвыхъ сосѣдей сдержанныя рыданія, были наградой этой рѣчи. Какъ ни былъ я знакомъ съ юбилейными нравами, но не скрою, что заканчивая мое привѣтсвіе нѣсколько боялся за неприкосновенность моей особы. Однако публика, кончающая пышный обѣдъ и осушившая такое количество дорогого вина, не подходитъ ни подъ какія правила. Первый знакъ восторженной признательности поданъ былъ самимъ юбиляромъ—испустивъ потоки слезъ, онъ кинулся, чтобъ обнять меня, но между нами былъ широкій столъ, и мы тщетно простирали другъ къ другу наши трепещущія руки. Сосѣдъ князя Сергія Юрьевича вздумалъ было пособить Ивану Богдановичу, приподнявъ его повыше, но эта попытка кончилась лишь разбитіемъ бутылки лафита и нѣскольких бокаловъ. Впрочемъ, обѣдъ прекратился и мы съ Гальгенкнехтомъ скоро целовались, сколько хотѣли.

Не стану изображать въ подробности того, что дѣлалось послѣ обѣда—разверни какой-нибудь старый нумеръ газеты съ описаніемъ любаго юбилея, и ты увидишь все, что требуется. «Обѣдъ кончился,—но оживленная, дружеская бесѣда непрекращалась».—«Соединившись въ одинъ родственный кругъ около счастливаго юбиляра, гости и не думали разъѣзжаться».—«Отрадно было вслушиваться въ эти несмолкающіе, остроумные разговоры людей, сближенныхъ однимъ чувствомъ и одною привя-

занностью». Отрадно было и мнѣ, ибо такой дичи, такой чепухи, какую несли возлѣ меня друзья Сергія Юрьевича и нѣкоторые гости,—не всякому доведется слышать. Къ сожалѣнію, наслажденіе мое прервалась появленіемъ Шайтанова, который подкрался ко мнѣ и шепнулъ мнѣ на ухо: «надо ѣхать домой, да скорѣе».

— А что такое? спросилъ я съ неудовольствіемъ.

— А то, что тебя хотятъ или побить, или выгнать съ позоромъ, отвѣтилъ нашъ пріятель, показывая на уголъ залы.

Дѣйствительно, въ углу залы и недалеко около двери, на самомъ пути отступленія, стояла и гнѣвно сверкала глазами группа человѣкъ въ двадцать, изъ людей моложе и потрезвѣе. Двѣ или три дамы злого вида только что выпорхнули изъ этого синедріона.

Мы взяли шляпы и тихо пошли къ выходу, но группа тронулась на перерѣзъ мнѣ и Шайтанову. «Удираютъ голубчики», слышалось справа и слѣва. «А позвольте-ка, государь мой, спросить кое-какихъ объясненій на счетъ вашей рѣчи». спросилъ, положа мнѣ руку на плечо, одинъ дѣтина, имѣвшій родственное сходство съ юбиляромъ. «Хотя васъ тамъ и обнимали, однако мы оратора притянемъ къ допросу», добавилъ другой дородный гость, становясь передъ самымъ моимъ носомъ. Ясно, что меня желали окружить и помять въ толпѣ; времени терять было нечего.

Я стоялъ скрестивши руки, человѣка четыре враговъ находилось въ самомъ близкомъ со мною соприкосновеніи. Я слегка тронулся корпусомъ и сдѣлалъ то чуть замѣтное, мастерское движеніе, которому еще въ школѣ вы всѣ такъ дивились. Помнишь, Иванъ, какъ бывало васъ набросится на меня мальчишекъ десять, я сдѣлаю легкій поворотъ грудью и вы всѣ

летите куда попало, иногда черезъ двѣ комнаты? Такой поворотъ былъ выполненъ и тутъ не безъ успѣха. Вся четверка нападающихъ отпрянула отъ меня, какъ четыре резинковыхъ мячика, налетѣвшихъ на стѣну. Это произвело огромную конфузію во всей группѣ—пользуясь ею, мы почти дошли до большой лѣстницы.

Но злодѣи устыдились своей трусости и ринулись на насъ снова, съ нѣкоторымъ подкрѣпленіемъ. Пришлось обороняться имѣя въ тылу ступени лѣстницы, самый гибельный путь ретирады! Уже взоры мои искали въ толпѣ кого-либо для нанесенія ему перваго, жестокаго, устрашающаго удара, когда до ушей нашихъ достигли крики ужаса и смятенія изъ залы, ознаменованной юбилеемъ. Одна классная дама дико пронеслась мимо насъ, подобно кіевской вѣдьмѣ, ѣдущей на шабашъ. До насъ стали доходить возгласы: «воды, за докторомъ! пошлите въ госпиталь за ланцетомъ!—нѣтъ ли хоть перочиннаго ножа! дайте знать супругѣ Ивана Богданыча!»

При этихъ крикахъ вся группа нашихъ противниковъ, повидимому родственниковъ и особливыхъ друзей юбиляра, кинулась въ залу, мы за ними. Зала была пуста, но въ сосѣдней, «дежурной комнатѣ», гдѣ находилось два дивана, глаза наши увидѣли бѣдственное зрѣлище. На одномъ диванѣ, безъ движенія, съ лѣвой рукой, висящей какъ плѣть, съ перекосившимся ртомъ лежалъ самъ виновникъ юбилея. На другой суетящаяся толпа возлагала князя Серія Юрьевича. Положеніе сего достойнаго старца было не такъ ужасно, съ нимъ просто сдѣлалось жестокое удушье, иногда нападающее на объѣдалъ преклоннаго возраста—лицо его пылало какъ огонь, задержанное дыханіе излетало изъ устъ съ храпомъ и сопѣніемъ, галстухъ и фракъ были сняты, воротъ рубашки разстегнутъ. Всего смятенія, око-

ло дивановъ и въ залѣ, мое перо живописать безсильно. Одинъ мой ядовитый сосѣдъ за обѣдомъ спокойно потиралъ руки и лукаво шепталъ мнѣ на ухо: «вотъ вамъ и омары!»

Я бы остался долѣе и дождался развязки, но осторожный Шайтановъ не допустилъ до этого. Придерживая меня за фалду онъ вывелъ меня къ боковому чорному ходу, повелъ какимъ-то корридоромъ прямо къ швейцару и шинелямъ, у него хранившимся. Мы взяли свои тоги, вышли изъ пансіона и доѣхали домой по прежнему простому способу, на скверной извощичьей гитарѣ.

Весь твой С. К.

А. В. Дружининъ.

Сватъ и женихъ.

(ВЪ КАБАКѢ, ЗА ПОЛУШТОФОМЪ)

Нутко! Марья у Зиновья,
У Никитишны Прасковья,
Степанида у Петра—
Всѣ невѣсты, всѣмъ пора!
У Кондратьевны Орина,—
Что ни дѣвка, то малина!
Думай, думай! выбирай!
По любую засылай!
Марья малость рябовата,
Да смиренна, вожевата,
Марья, знаешь, мнѣ съ родни,
Будетъ съ мужемъ—ни-ни-ни!

— Ай да Марья! Марья—кладъ!
Сватай Марью, Марью, сватъ!
Намъ съ лица не воду пить
И съ корявой можно жить,
Да чтобъ мужу на порогъ
Не вставала поперегъ!
Ай да Марья! Марья кладъ!
Сватай Марью, Марью, сватъ!

2.

Нутко! Вѣра у Данилы,
Палагея у Гаврилы,
Секлетея у Фрола—
Замужъ всѣмъ пора пришла!
У Никиты—Катерина,
Что ни дѣвка, то малина!
Думай, думай—выбирай!
По любую засылай!
Марья, знаешь, щедровита,
Да работать, ухъ! сердита!
Марья костью широка,
Высока, статна, гладка!

— Ай да Марья! Марья—кладъ!
Сватай Марью, Марью, сватъ!
Намъ съ лица не воду пить
И съ корявой можно жить,
Да чтобъ мясо на костяхъ,
Чтобы силушка въ рукахъ!

Ай да Марья! Марья—кладъ!
Сватай Марью, Марью, сватъ!...

3.

Нутко! Анна у Егора,
У Антипки Митродора,
Александра у Петра—
Всѣ невѣсты, всѣмъ пора!
У Евстратья—Акулина,
Что ни дѣвка, то малина!
Думай, думай—выбирай!
По любую засылай!
Марья точно щедровита,
Да хозяйка домовита:
Все примоетъ, приберетъ,
Все до нитки сбережетъ!

— Ай да Марья! Марья—кладъ!
Сватай Марью, Марью! сватъ!
Намъ съ лица не воду пить
И съ корявой можно жить,
Да чтобъ по двору прошла
Всѣхъ бы курочекъ сочла!
Ай да Марья! Марья—кладъ!
Сватай Марью, Марью, сватъ!

(спрашиваютъ еще полуштофъ и начинаютъ снова)

Н. А. Некрасовъ.

Маннвельтова недѣля.

(изъ Морица Гартмана).

Маннвельтъ коня въ воскресенье сѣдлалъ:
Домъ его старый не милъ ему сталъ.
Ѣдетъ... Изъ церкви выходитъ народъ.
Нищихъ толпа у церковныхъ воротъ.
Мимо себѣ богомольцы прошли,
Съ деньгами кружку попы пронесли;
Нищимъ не подалъ никто,—и съ тоской,
Молча поникли они головой.
Вотъ на помостъ прилегли отдохнуть:
Можетъ, въ вечерню подастъ кто нибудь.
Маннвельтъ, унылый, вернулся домой.

Маннвельтъ коня въ понедѣльникъ сѣдлалъ:
Домъ его старый не милъ ему сталъ.
Ѣдетъ... Предъ нимъ многолюдный базаръ;
Крики и шумъ, и пестрѣетъ товаръ—
Есть изъ чего выбирать богачамъ;
Много поживы и ловкимъ ворамъ.
Съ рынка богатый богаче ушолъ;
Только бѣднякъ былъ по прежнему голъ.
Маннвельтъ, унылый, вернулся домой.

Манвельтъ во вторникъ коня осѣдлалъ:
Домъ его старый не милъ ему сталъ.
Ѣдетъ онъ: площадь народомъ кипитъ.—
Судъ тамъ правитель открыто чинитъ.
Кто пресмыкался, былъ знатенъ, богатъ,
Былъ имъ оправданъ, добился наградъ.
Плохо лишь бѣднымъ пришлось отъ него.....
А между тѣмъ, за поѣздомъ его
Съ радостнымъ крикомъ народъ весь бѣжалъ,
Милость его, доброту прославлялъ.
Полонъ восторга отъ ласковыхъ словъ,
Сыпалъ къ ногамъ его много цвѣтовъ!
Манвельтъ, унылый, вернулся домой.

Въ середу Манвельтъ коня осѣдлалъ.
Домъ его старый не милъ ему сталъ.
Видитъ онъ, шумной толпою во храмъ
Люди стремятся.... и пастырь ужъ тамъ;
Молча стоитъ въ облаченьи своемъ.
Скоро невѣста вошла съ женихомъ.
Старъ онъ и сѣдъ былъ,—прекрасна она.
Былъ онъ богатъ, а невѣста бѣдна.
Счастливъ казался женихъ; а у ней
Слезы лились и лились изъ очей.
Пастырь спросилъ у ней что то; въ отвѣтъ—
Да, прошептала она, словно *нѣтъ*.
Гости чету поздравляютъ, потомъ
Ѣдутъ на пиръ къ новобрачному въ домъ.
Мать молодой была всѣхъ веселѣй:
Дочь своимъ счастьемъ обязана ей!
Манвельтъ, унылый, вернулся домой.

Вотъ онъ коня и въ четвергъ осѣдлалъ:
Домъ его старый не милъ ему сталъ.
Видитъ огромное зданіе онъ,
Видитъ, стекаются съ разныхъ сторонъ,
Женщины въ бѣдной одеждѣ туда.
Знатные тамъ собрались господа.
Дамамъ, разряженнымъ въ шелкъ и атласъ,
Бодрыхъ кормилицъ ведутъ на показъ
Кончился смотръ; и съ довольнымъ лицомъ
Вышли иныя, звеня серебромъ.
Стонъ вылеталъ изъ груди у другихъ;
Шли онѣ, плача о дѣтяхъ своихъ,
И еще долго смотрѣли назадъ,
Имъ посылая свой любящій взглядъ.
Маннвельтъ, унылый, вернулся домой.

Въ пятницу Маннвельтъ коня осѣдлалъ:
Домъ его старый не милъ ему сталъ.
Видитъ на улицѣ—мужъ и жена
Спорятъ, кричатъ и бранятся. Она
Волосы рветъ на себѣ. «Осквернилъ
Брачный союзъ ты.. жену погубилъ!»
Онъ отвѣчаетъ, грозя кулакомъ:
«Адъ принесла ты, злодѣйка, въ мой домъ.
Самъ я обманутъ тобою, змѣя!»
Въ книгу закона взглянувши, судья
Молвилъ четѣ: «Вы разстаться должны».
И разошлись они, злобы полны.
А въ отдаленьи на камнѣ сидѣлъ
Блѣдный ребенокъ дрожа; и глядѣлъ

То на отца, то на мать онъ съ тоской.
Брошенный ими—пошелъ онъ съ сумой....
Маннвельтъ, унылый, вернулся домой.

Маннвельтъ въ субботу коня осѣдлалъ:
Домъ его старый не милъ сталъ.
Въѣхалъ онъ въ городъ: на улицахъ бой.
Кровью исходятъ и добрый и злой;
Рабъ и свободный убиты лежатъ.
Бьютъ барабаны и пули свистятъ.
Вѣятъ знамена—и много на нихъ
Словъ благородныхъ, призывовъ святыхъ!...
Падая, ихъ произносятъ бойцы....
Съ крикомъ народъ разрушаетъ дворцы.
Въ бѣгствѣ король... Обуялъ его страхъ.
Вноситъ другаго толпа на рукахъ.
Маннвельтъ, унылый, вернулся домой.

Маннвельтъ, коня въ воскресенье сѣдлалъ:
Домъ его старый не милъ ему сталъ.
Въ чистое поле онъ ранней порой
Выѣхалъ.—Міръ былъ объятъ тишиной.
Гдѣ то вился надъ деревней дымокъ,
Легкій его колыхалъ вѣтерокъ.
Жаворонокъ въ чистой лазури звенѣлъ;
Плодъ на вѣтвяхъ наливался и зрѣлъ.
Тихо—сквозь сѣть золотистыхъ лучей—
Воды катилъ, извиваясь, ручей.
Маннвельтъ задумчивъ сидѣлъ на конѣ;
Слышался топотъ копытъ въ тишинѣ.

Голосъ кукушки звалъ всадника въ лѣсъ....
Вотъ ужь онъ въ чащѣ зеленой исчезъ.
Дальше онъ все углублялся во тьму;
Тысячу звуковъ на встрѣчу ему,
Мягкихъ, ласкающихъ, чудныхъ, неслись,
Нѣжили слухъ его.... въ душу лились,—
Ей обѣщали забвенье, покой....
Манпвельтъ совсѣмъ не вернулся домой!

А. Н. Плещеевъ.

Богатырь.

По русскому славному царству,
На клячѣ разбитой верхомъ,
Одинъ богатырь разъѣзжаетъ
И взадъ и впередъ и кругомъ.

Покрытъ онъ дырявой рогожей,
Мочалы вокругъ сапоговъ,
На брови надвинута шапка,
За пазухой пѣннику штофъ.

«Ко мнѣ, горемычные люди,
«Ко мнѣ, молодицы, поскорѣй!
«Ко мнѣ, молодцы и дѣвки,—
«Отвѣдайте водки моей!»

Онъ подчуетъ всѣхъ безъ разбору,
Гроша ни съ кого не беретъ,
Встрѣчаетъ его съ хлѣбомъ-солью,
Честитъ его русскій народъ.

Красивъ-ли онъ, старъ, или молодъ —
Никто не замѣтилъ того;
Но ссоры, болѣзни и голодъ
Плетутся за клячей его.

И кто его водки отвѣдалъ,
Отъ ней не отстанетъ никакъ,
И всадникъ его провожаетъ
Услужливо въ ближній кабакъ.

Стучатъ и расходятся чарки,
Трехиробное льется вино,
Въ кабакъ, до послѣдней рубахи,
Добро мужика снесено.

Стучатъ и расходятся чарки,
Питейное дѣло растетъ,
Жиды богатѣютъ, жирѣютъ,
Бѣднѣетъ, худѣетъ народъ.

Со службы домой воротился
Въ деревню усталый солдатъ;
Его угощаютъ родные,
Вкругъ штофа горѣлки сидятъ.

Приходу его они рады,
Но вотъ ужь играетъ вино.
По жиламъ бѣжитъ и струится
И головы кружитъ оно.

«Да что,» говорятъ ему братья,
«Ужь нѣшто ты намъ и старшой?
«Вѣдь мы-то трудились, пахали,
«Не станемъ дѣлиться съ тобой!»

И ссора межъ нихъ закипѣла,
И подняли бабы содомъ!
Солдатъ ихъ ружейнымъ прикладомъ,
А братья его топоромъ!

Сидѣлъ надъ картиной художникъ,
Онъ Божію Матерь писалъ,
Любилъ какъ дитя онъ картину,
Онъ ею и жилъ и дышалъ;

Впередъ подвигалося дѣло,
Порой на него съ полотна
Съ улыбкой Святая глядѣла,
Его ободряла она.

Сгруснулося разъ живописцу,
Онъ съ горя горѣлки хватилъ—
Забылъ онъ свою мастерскую,
Свою Богоматерь забылъ.

Весь день онъ валяется, пьяный.
И въ руки кистей не беретъ.—
Межь тѣмъ, подъ рогожею, всадникъ
На клячѣ плетется впередъ.

Работаютъ въ полѣ ребята
И градомъ съ нихъ катится потъ,
И имъ, въ умиленіи, всадникъ
Орленый свой штофъ отдаетъ,

Пошла между ними потѣха!
Трехпробное льется вино.
По жиламъ бѣжитъ и струится,
И головы кружитъ оно.

Бросаютъ они свои сохи,
Готовятъ себѣ кистени,
Идутъ на большую дорогу,
Купцовъ поджидаютъ они.

Былъ сынъ у родителей бѣдныхъ;
Любовью къ наукѣ влекомъ,
Семью онъ свою оставляетъ
И въ городъ приходитъ пѣшкомъ.

Онъ трудится денно и нощно,
Покою себѣ не даетъ,
Онъ терпитъ и холодъ и голодъ,
Но движется быстро впередъ.

Однажды, въ дождливую осень,
Въ одномъ переулкѣ глухомъ,
Ему попадается всадникъ,
На клячѣ разбитой верхомъ.

«Здорово, товарищъ, дай руку!
«Никакъ ты, бѣдняга, продрогъ?
«Что-жь, выпьемъ за Русь и науку!
«Я самъ имъ служу, видитъ Богъ!»

Отъ стужи, иль отъ голодухи,
Прельстился на водку и ты—
И вотъ потонули въ сивухѣ
Родныя, святыя мечты!

За пьянство изъ судной управы
Повытчика выгнали разъ;
Теперь онъ крестьянамъ, на сходкѣ,
Читаетъ подложный указъ,—

Лукаво толкуетъ свободу
И бочками водку сулитъ;
«Нѣтъ болѣ оброковъ, ни барщинъ;
«Того-де законъ не велитъ.

«Теперь, вишь, другіе порядки.
«Знай пей, молодецъ, не тужи!
«А лучше чтобъ спорилось дѣло,
«На то топоры и ножи!»

А всадникъ на клячѣ не дремлетъ,
Онъ ѣдетъ и свищетъ въ кулакъ:
Гдѣ кляча ударитъ копытомъ,
Тамъ тотчасъ стоитъ и кабакъ.

За двѣсти мильоновъ Россія
Жидами на откупъ взята—
За тридцать серебряныхъ денегъ
Они-же купили Христа.

И много Понтійскихъ Пилатовъ,
И много лукавыхъ Іудъ
Отчизну свою распинаютъ,
Христа своего продаютъ.

Стучатъ и расходятся чарки,
Рѣкою бушуетъ вино,
Уноситъ деревни и села
И Русь затопляетъ оно.

Дерутся и рѣжутся братья,
И мать дочерей продаетъ,
Плачь, пѣсни и вой и проклятья—
Питейное дѣло ростетъ!

И гордо на клячѣ гарцуетъ
Теперь богатырь удалой;
Ужь сбросилъ съ себя онъ рогожу,
Онъ шапку сымаетъ долой:

Гарцуетъ оглоданный остовъ,
Вѣнецъ на плѣшивомъ челѣ,
Вѣнецъ изъ разбитыхъ бутылокъ
Блеститъ и сверкаетъ во мглѣ,

И черепъ безглазый смѣется:
«Призванье мое свершено!
«Не даромъ-же имъ достается
«Мое даровое вино!»

Гр. А. К. Толстой.

Обыкновенная повѣсть.

Была чудесная весна!
Они на берегу сидѣли—
Рѣка была тиха, ясна,
Вставало солнце, птички пѣли;
Тянулся за рѣкою долъ,
Спокойно, пышно зеленѣя,
Вблизи шиповникъ алый цвѣлъ,
Стояла темныхъ липъ аллея.

Была чудесная весна!
Они на берегу сидѣли—
Во цвѣтѣ лѣтъ была она,

Его усы едва чернѣли.
О, еслибъ кто увидѣлъ ихъ
Тогда, при утренней ихъ встрѣчѣ,
И лица бъ высмотрѣлъ у нихъ,
Или подслушалъ бы ихъ рѣчи—
Какъ былъ бы милъ ему языкъ,
Языкъ любви первоначальной!
Онъ вѣрно бъ самъ, на этотъ мигъ,
Разцвѣлъ на днѣ души печальной!...

Я въ свѣтѣ встрѣтилъ ихъ потомъ:
Она была женой другова,
Онъ былъ женатъ, и о быломъ
Въ поминѣ не было ни слова.
На лицахъ видѣнъ былъ покой
Ихъ жизнь текла свѣтло и ровно,
Они встрѣчаясь межъ собой,
Могли смѣяться хладнокровно....

А тамъ, на берегу рѣки,
Гдѣ цвѣлъ тогда шиповникъ алый,
Одни простые рыбаки
Ходили въ лодкѣ обветшалой
И пѣли пѣсни—и темно
Осталось, для людей закрыто
Что было тамъ говорено,
И сколько было позабыто.

Н. П. Огаревъ.

Изъ комедіи „На всякаго мудреца довольно простоты“.

ДѢЙСТВІЕ IV. СЦЕНА I.

ЛИЦА:

Крутицкій.
Глумовъ.
Мамаева.
Человѣкъ Крутицкаго.

Пріемная у Крутицкаго. Дверь выходная, дверь направо въ кабинетъ, налѣво въ гостиную. Столъ и одинъ стулъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Входитъ Глумовъ, человѣкъ у двери, потомъ Крутицкій.

Глумовъ.

Доложи!

Человѣкъ (*заглядывая въ дверь кабинета*).

Сейчасъ выйдутъ-съ (*выходитъ Крутицкій. Человѣкъ уходитъ*).

Крутицкій (*кивая головой*).

Готово?

Глумовъ.

Готово, ваше превосходительство (*подаетъ тетрадь*)

Крутицкій (*беретъ тетрадь*).

Четко, красиво, отлично. Браво, браво! Трактатъ, отчего же не прожектъ?

Глумовъ.

Прожектъ, ваше превосходительство, когда что нибудь предлагается новое; а у вашего превосходительства, напротивъ, все новое отвергается... (*съ заискивающею улыбкою*) и совершенно справедливо, ваше превосходительство.

Крутицкій.

Такъ вы думаете, трактатъ?

Глумовъ.

Трактатъ лучше-съ.

Крутицкій.

Трактатъ? Да, ну пожалуй. «Трактатъ о вредѣ реформъ вообще». «Вообще то» не лишнее ли?

Глумовъ.

Это главная мысль вашего превосходительства, что всѣ реформы вообще вредны.

Крутицкій.

Да, коренныя, рѣшительныя; но если неважное что нибудь измѣнить, улучшить, я противъ этого ничего не говорю.

Глумовъ.

Въ такомъ случаѣ это будутъ не реформы, а поправки, починки.

Крутицкій *(ударяя себя карандашемъ по лбу).*

Да, такъ, правда. Умно, умно. У васъ есть тутъ, молодой человѣкъ, есть. Очень радъ; старайтесь!

Глумовъ.

Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство.

Крутицкій *(надѣвая очки).*

Пойдемъ далѣе! Любопытствую знать, какъ вы начинаете экспликацію моей главной цѣли. «Артикулъ 1-й. Всякая реформа вредна уже по своей сущности. Что заключаетъ въ себѣ реформа? Реформа заключаетъ въ себѣ два дѣйствія: 1) отмѣну стараго и 2) постановленіе на мѣсто онаго чего либо новаго. Какое изъ сихъ дѣйствій вредно? И то и другое одинаково: 1-е) отметая старое, мы даемъ просторъ опасной пытливости ума проникать причины, почему то или другое отметается, и составлять таковыя умозаключенія: отметается нѣчто непригодное, такое то учрежденіе отметается, значитъ, оно непригодно. А сего быть не должно, ибо симъ возбуждается свободномысліе и дѣлается какъ бы вызовъ обсуждать то, что обсужденію не подлежитъ». Складно, толково.

Глумовъ.

И совершенно справедливо.

Крутицкій *(читаетъ).*

«2-е) поставляя новое, мы дѣлаемъ какъ бы уступку

такъ-называемому духу времени, который есть ничто иное, какъ измышленіе праздныхъ умовъ.» Ясно изложено. Надѣюсь, будетъ понятно для всякаго; такъ сказать, популярно.

Глумовъ.

Мудрено излагать софизмы, а неопровержимыя истины...

Крутицкій.

Вы думаете, что это неопровержимыя истины?

Глумовъ.

Совершенно убѣжденъ, ваше превосходительство.

Крутицкій *(оглядываясь)*.

Что это они другаго стула не ставятъ?

Глумовъ.

Ничего-съ, я и постою, ваше превосходительство.

Крутицкій.

Конечно, нельзя всякому дозволить; другой, пожалуй, разсядется... магазинщикъ со счетомъ, или портной пріѣдетъ...

Глумовъ.

Не извольте безпокоиться, ваше превосходительство. Я долженъ буду просить извиненія у вашего превосходительства.

Крутицкій.

Что такое, мой любезный, что такое?

Глумовъ.

Въ вашемъ трактатѣ нѣкоторыя слова и выраженія оставлены мной безъ всякаго измѣненія.

Крутицкій.

Почему?

Глумовъ.

Слабъ современный языкъ для выраженія всей граціозности вашихъ мыслей.

Крутицкій.

Напримѣръ?

Глумовъ.

Въ двадцать пятомъ артикулѣ, о положеніи мелкихъ чиновниковъ въ присутственныхъ мѣстахъ...

Крутицкій

Ну?

Глумовъ.

Вашимъ превосходительствомъ весьма сильно выражена прекрасная мысль о томъ, что не слѣдуетъ увеличивать содержаніе чиновникамъ и вообще улучшать ихъ положеніе, что напротивъ, надобно значительное увеличеніе жалованья предсѣдателямъ и членамъ.

Крутицкій.

Не помню *(перелистываетъ тетрадь)*.

Глумовъ.

Я, ваше превосходительство, помню наизусть, да нетолько этотъ параграфъ, и весь трактатъ.

Крутицкій.

Вѣрю, но удивляюсь. Для чего?

Глумовъ.

У меня вѣдь цѣлая жизнь впереди; нужно запасаться мудростію; не часто можетъ представиться такой случай; а если представится, такъ надо имъ пользоваться. Не изъ журналовъ же учиться уму разуму.

Крутицкій.

Еще бы!

Глумовъ.

Молодому человѣку и свихнуться не трудно.

Крутицкій.

Похвально, похвально! Пріятно видѣть такой образъ мыслей въ молодомъ человѣкѣ. Что тамъ ни толкуй, а благонамѣренность хорошее дѣло.

Глумовъ.

Первое, ваше превосходительство.

Крутицкій.

Ну, такъ чтожь у меня тамъ въ двадцать пятомъ артикулѣ?

Глумовъ.

Артикулъ двадцать-пятый: «Увеличеніе окладовъ въ присутственныхъ мѣстахъ, если почему-либо таковое потребуется, должно быть производимо съ крайней осмотрительностью, и то только предсѣдателямъ и членамъ присутствія, а отнюдь не младшимъ чиновникамъ. Увеличеніе окладовъ старшимъ можетъ быть произведено на тотъ конецъ, дабы сіи наружнымъ блескомъ поддерживали величіе власти, которое должно быть ей

присуще. Подчиненный же сытый и довольный получаетъ несвойственныя его положенію осанистость и самоуваженіе, тогда какъ для успѣшнаго и стройнаго теченія дѣлъ, подчиненный долженъ быть робокъ и постоянно трепетенъ».

Крутицкій.

Да, такъ, вѣрно, вѣрно.

Глумовъ.

Вотъ слово: «трепетенъ», ваше превосходительство, меня очаровало совершенно.

Крутицкій *(погрузившись въ чтеніе, изрѣдка взглядываетъ на Глумова).*

(Какъ бы мелькомъ). Коли куришь, такъ кури. Спички на каминѣ.

Глумовъ.

Я не курю, ваше превосходительство. А, впрочемъ какъ прикажете?

Крутицкій.

Вотъ еще! Мнѣ-то какое дѣло! Дядя не видалъ твоей работы?

Глумовъ.

Какъ можно! Какъ же бы я осмѣлился!

Крутицкій.

Ну, то-то же. Онъ только говоритъ, что уменъ, а вѣдь онъ болванъ совершенный.

Глумовъ.

Не смѣю спорить съ вашимъ превосходитесьствомъ.

Крутицкій.

Онъ только другихъ учитъ, а самъ попробуй написать, вотъ мы и увидимъ. А жена тоже вѣдь дура замѣчательная.

Глумовъ.

Не заступлюсь и за нее.

Крутицкій.

Какъ ты съ ними уживаешься—не понимаю.

Глумовъ.

Нужда, ваше превосходительство.

Крутицкій

Ты служишь?

Глумовъ.

Поступаю. По протекціи тетушки, Иванъ Иванычъ Городулинъ обѣщалъ дать мѣсто.

Крутицкій.

Вотъ еще нашли человѣка. Опредѣлитъ онъ тебя. Ты ищи прочнаго мѣста; а эти всѣ городулинскія-то мѣста скоро опять закроются, вотъ увидишь. Онъ у насъ считается человѣкомъ опаснымъ, Ты это замѣть.

Глумовъ.

Я не по новымъ учрежденіямъ....

Крутицкій.

Да, да. А ужъ я думалъ... Ну, чтожь, поступай. Безъ

службы болтаться хуже. Потомъ, если хочешь, я тебѣ могу письма дать въ Петербургъ,—перейдешь,—тамъ служить виднѣе. У тебя прошедшее хорошо, чисто совершенно? Тебя можно рекомендовать?

Глумовъ.

Я лѣнивъ былъ учиться, ваше превосходительство.

Крутицкій.

Ну, что жь это неважно. Очень-то заучишься, такъ оно, пожалуй, и хуже. Нѣтъ ли чего поважнѣе?

Глумовъ.

Мнѣ совѣстно признаться передъ вашимъ превосходительствомъ.

Крутицкій *(съ серьезнымъ видомъ)*.

Что такое? Ужь ты лучше говори прямо.

Глумовъ.

Въ молодости грѣшки, увлеченія...

Крутицкій.

Говори, не бойся.

Глумовъ.

Въ студенческой жизни, ваше превосходительство.... только я больше старыхъ обычаевъ придерживался.

Крутицкій.

Какихъ старыхъ обычаевъ? Что ты, раскольникъ что ли?

Глумовъ.

То есть не такъ велъ себя, какъ нынѣшніе студенты.

Крутицкій.

А какъ-же?

Глумовъ.

Покучивалъ, ваше превосходительство; случались кой-какія исторіи не въ указные часы, небольшія стычки съ полиціей.

Крутицкій.

И только?

Глумовъ.

Больше ничего, ваше превосходительство. Сохрани меня Богъ! сохрани Богъ!

Крутицкій.

Что жь, это даже очень хорошо. Такъ и должно быть. Въ молодыхъ лѣтахъ надо пить, кутить. Чего тутъ стыдиться? Вѣдь ты не барышня. Ну, такъ значитъ я на твой счетъ совершенно спокоенъ. Я не люблю оставаться неблагодарнымъ. Ты мнѣ съ перваго раза понравился, я ужь за тебя замолвилъ въ одномъ домѣ словечко.

Глумовъ.

Мнѣ сказывала Софья Игнатьевна. Я не нахожу словъ благодарить ваше превосходитительство.

Крутицкій.

Ты присватался, что-ли? Тутъ вѣдь кушъ очень порядочный.

Глумовъ.

Я на деньги глупъ, ваше превосходительство, дѣвушка очень хороша.

Крутицкій.

Ну. не умѣю тебѣ сказать. Онѣ, братъ, всѣ одинаковы; вотъ тетка, знаю, что ханжа.

Глумовъ.

Любовь нынче не признаютъ, ваше превосходительство; а я знаю по себѣ, какое это великое чувство.

Крутицкій

Пожалуй, не признавай, ни кому отъ того ни тепло, ни холодно; а какъ заберетъ, такъ скажешься. Со мной было въ Бессарабіи лѣтъ сорокъ тому назадъ: я было умеръ отъ любви. Что ты смотришь на меня?

Глумовъ,

Скажите, пожалуйста, ваше превосходительство.

Крутицкій

Горячка сдѣлалась. Вотъ ты и не признавай. Ну, что-жь, давай Богъ, давай тебѣ Богъ! Я очень радъ. Будешь капиталистомъ, найдемъ тебѣ мѣсто видное, покойное. Намъ такіе люди нужны. Ты вѣдь будешь изъ нашихъ? Намъ теперь поддержка нужна, а то молокососы одолѣвать начали.—Но однако, мой милый, сколько же я тебѣ долженъ за твой трудъ?

Глумовъ.

Не обижайте, ваше превосходительство!

Крутицкій.

Ты меня не обижай!

Глумовъ,

Если ужь хотите вознаградить меня, такъ осчастливьте, ваше превосходительство!

Крутицкій.

Что такое? Въ чемъ дѣло?

Глумовъ.

Бракъ— такое дѣло великое, такой важный шагъ въ жизни... не откажитесь!.. благословеніе такого высокодобродѣтельнаго лица будетъ служить залогомъ... уже знакомство съ особой вашего превосходительства есть счастіе, а въ нѣкоторомъ родѣ родство, хотя и духомъ, это даже и для будущихъ дѣтей...:

Крутицкій.

Въ посаженые отцы, чтоли? Я что-то не пойму.

Глумовъ-

Осчастливьте, ваше превосходительство.

Крутицкій.

Изволь, изволь! Ты бы такъ и говорилъ. Это дѣло не мудреное.

Глумовъ.

Я передамъ и Софьѣ Игнатьевнѣ.

Крутицкій.

Передавай, пожалуй.

Глумовъ.

Я не нуженъ вашему превосходительству.

Крутицкій.

Нѣтъ.

Глумовъ.

Честь имѣю кланяться.

Крутицкій.

О моемъ мараньи молчи. Оно скоро будетъ напечатано, безъ моего имени, разумѣется; одинъ редакторъ просилъ; онъ, хотя это довольно странно, очень порядочный человѣкъ, пишетъ такъ учтиво.

Глумовъ.

Слушаю, ваше превосходительство! *(кланяется и уходитъ).*

Крутицкій.

Прощай, мой любезный! Что ужь очень бранятъ молодежь! Вотъ, значитъ, есть же и изъ нихъ; и съ умомъ малый. Онъ льстивъ и, какъ будто, немного надмененъ; ну да вотъ оперится, такъ это, можетъ быть, пройдетъ. Если это подлость въ душѣ, такъ нехорошо, а если только въ манерахъ, такъ большой бѣды нѣтъ; съ деньгами и съ чинами это постепенно исчезаетъ. Родители, должно быть, были бѣдные, а мать попрошайка: «у того ручку поцалуй, у другаго поцалуй»; ну вотъ оно и въѣлось. Впрочемъ, это все-таки лучше, чемъ грубость *(входитъ человѣкъ).*

Человѣкъ.

Госпожа Мамаева! Онѣ въ гостиной-съ. Я докладывалъ, что ея превосходительство дома нѣтъ-съ.

Мамаева *(за дверью).*

Не помѣшаю?

Крутицкій.

Нѣтъ, нѣтъ! *(человѣку)* Подай кресло! *(человѣкъ уходитъ, возвращается съ кресломъ. Входитъ Мамаева).*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Крутицкій и Мамаева.

Мамаева.

Будетъ вамъ дѣлами-то заниматься! Что бы съ молодыми дамами полюбезничать! А то сидитъ въ своемъ кабинетѣ! Такой нелюбезный старичокъ!

Крутицкій.

Гдѣ ужь мнѣ! Былъ конь, да уѣздился! Хе-хе-хе! Пора и молодымъ дорогу дать.

Мамаева *(садясь)*.

Нынче и молодежь-то хуже стариковъ.

Крутицкій.

Жалуетесь?

Мамаева.

Развѣ не правда?

Крутицкій.

Правда, правда. Никакой поэзіи нѣтъ, никакихъ благородныхъ чувствъ. Я думаю, это оттого, что на театрѣ трагедій не даютъ. Возобновить бы Озерова, вотъ молодежь-то бы и набиралась этихъ деликатныхъ тонкихъ чувствъ. Да чаще давать трагедіи, черезъ день. Ну, и Сумарокова тоже. У меня прожектъ написанъ объ улучшеніи нравственности въ молодомъ поколѣніи. Для дворянъ трагедію Озерова, для простаго народа

продажу сбитня дозволить —Мы, бывало, всѣ трагедіи наизусть знали, а нынче скромно! Они и по книгѣ-то прочесть не умѣютъ. Вотъ оттого въ насъ и рыцарство было, и честность, а теперь одни деньги *(декламируетъ)*:

Мнѣ ждать ли, чтобъ судьба прервала дней теченье,
Когда къ страданію даны мнѣ грустны дни?
Прерву...

Помните...

МАМАЕВА.

Ну, какъ не помнить! Вѣдь чай этоту лѣтъ пятьдесятъ не больше, такъ какъ же мнѣ не помнить.

КРУТИЦКІЙ.

Извините, извините! Я считаю васъ моей ровесницей. Ахъ, я и забылъ вамъ сказать! Я вашимъ родственникомъ очень доволенъ. Прекрасный молодой человѣкъ.

МАМАЕВА.

Не правда ли, милъ?

КРУТИЦКІЙ

Да, да. Вѣдь ужь и вы его балуете.

МАМАЕВА.

Да, чѣмъ же?

КРУТИЦКІЙ

Позвольте, вспомнилъ еще *(декламируетъ)*:

О, боги! Не прошу отъ васъ рѣчей искуства;
Но дайте мнѣ языкъ любви и чувства!

Очаровательно!

Мамаева.

Чѣмъ же балуемъ?

Крутицкій.

Ну, да какъ же! жените. Какую невѣсту нашли...

Мамаева *(съ испугомъ)*.

Какую? Вы ошибаетесь.

Крутицкій *(декламируетъ)*.

О, матерь, слезный токъ, коль можно, осуши!
А ты, сестра, умѣрь уныніе души!

Мамаева.

На комъ же, на комъ?

Крутицкій.

Да, Боже мой! На Турусиной. Будто не знаете? Двѣсти тысячь приданаго.

Мамаева *(встаетъ)*.

Не можетъ быть, не можетъ быть, я говорю вамъ.

Крутицкій *(декламируетъ)*.

При вѣсти таковой задумчивъ пребываешь;
Вздыханья тяжкія въ груди своей скрываешь,
И горесть мрачная въ чертахъ твоихъ видна!

Мамаева.

Ахъ, вы надоѣли мнѣ съ вашими стихами.

Крутицкій.

Но онъ, кажется, парень съ сердцемъ. Вы, говоритъ,

ваше превосходительство, не подумайте, что я изъ-за денегъ. Звалъ меня въ посаженые отцы: сдѣлайте, говоритъ, честь. Ну, что жь не сдѣлать! Я, говоритъ, не изъ приданаго; мнѣ, говоритъ, дѣвушка нравится. Ангелъ, ангелъ говоритъ, и такъ съ чувствомъ говоритъ. Ну что жь, прекрасно. Дай ему Богъ; — нѣтъ, а вы возьмите, вотъ въ Донскомъ *(декламируетъ)*:

Когда россіянинъ рѣшится слово дать,
То безъ стыда ему не можетъ измѣнять.

МАМАЕВА.

Ой!

КРУТИЦКІЙ.

Что съ вами?

МАМАЕВА.

Мигрень. Ахъ, я больна совсѣмъ,

КРУТИЦКІЙ.

Ну, ничего. Пройдетъ. *(Декламируетъ)*.

Ты знаешь, что союзъ сей вѣренъ дотого...

МАМАЕВА.

Ахъ, подите вы! Скажите вашей женѣ, что я хотѣла ее подождать, да не могу, оченъ дурно себя чувствую. Ахъ! Прощайте!

КРУТИЦКІЙ.

Да отчего. Что вы? У васъ видъ такой здоровый. *(Декламируетъ)*.

Чтобъ при соперницѣ въ измѣнѣ обличить,
И ревностью его веселье отравить.

Мамаева.

Прощайте, прощайте! *(Быстро уходитъ).*

Крутицкій.

Что ее кольнуло? Поди вотъ съ бабами! Хуже, чѣмъ дивизіей камандовать, *(Беретъ тетрадь).* Заняться на досугѣ. Никого не принимать: *(Уходитъ въ кабинетъ).*

А. Н. Островскій.

Обличи ихъ во лжи!..

Поэтъ не для пѣсенъ «къ природѣ»
Тебя человѣчество ждетъ.
Иди ты смиренно въ народъ,
Когда-жь попадутся въ народѣ
Льстецы, шарлатаны, ханжи —
Обличи ихъ во лжи!..

Иди, укажи ты вельможѣ,
Какъ ползаетъ нищій въ пыли;
Скажи филантропамъ земли,
Что рѣчи ихъ—съ дѣломъ не схожи.
А крикнутъ тебѣ: докажи!
Обличи ихъ во лжи!...

Скажи трудолюбью—ты хило,
Любви—ты давно растлѣна.

Всѣмъ людямъ скажи, что дана
Имъ въ будущемъ только могила,
А крикнутъ тебѣ: докажи!
Обличи ихъ во лжи!

Скажи красотѣ: ты увянешь;
Ты, честность, покинувъ сердца,
У ногъ золотаго тельца,
Обманывать ползая, станешь,—
А крикнутъ тебѣ: докажи!
Обличи ихъ во лжи!...

Скажи всѣмъ изношеннымъ фразамъ,
Что близокъ ихъ скорый конецъ;
Скажи мудрецамъ наконецъ,
Что умъ ихъ заходитъ за разумъ,—
А крикнутъ тебѣ: докажи!
Обличи ихъ во лжи!

Наукѣ скажи: ты старуха,
Которая бредитъ сквозь сонъ;
Скажи: ты безсиленъ, законъ,
И ты, правосудіе, глухо,—
А крикнутъ тебѣ: докажи!
Обличи ихъ во лжи!

Скажи, что безсмысленно счастье.
Природа скупа и нѣма,
Что дружба продажна сама,
И нѣтъ въ милосердьи—участья,—

А крикнутъ тебѣ: докажи!
Обличи ихъ во лжи!

Скажи горожанамъ: вы пали
Въ глубокій, постыдный развратъ,
И что добродѣтели кладъ
Напрасно бы въ мірѣ искали,—
А крикнутъ тебѣ: докажи!
Обличи ихъ во лжи!

Но если, блуждая по міру,
Ты самъ измельчалъ наконецъ,
То сбрось свой мишурный вѣнецъ,
Разбей опошлѣвшую лиру.
Себя самого накажи,
Обличая во лжи!

Д. Д. Минаевъ.

Пѣсня о рубашкѣ.

(изъ Томаса Гуда).

Затекшіе пальцы болятъ,
И вѣки болятъ на опухшихъ глазахъ...
Швея въ своемъ жалкомъ отрепьѣ сидитъ
Съ шитьемъ и иголкой въ рукахъ.
Шьетъ—шьетъ—шьетъ,
Въ грязи, въ нищетѣ, голодна,

И жалобно горькую пѣсню поетъ—
Поетъ о рубашкѣ она.

«Работай! работай! работай,
Едва пѣтухи прокричатъ!
Работай! работай! работай,
Хоть звѣзды сквозь кровлю глядятъ.
Ахъ! лучше бы мнѣ пропадать
Въ неволѣ у злыхъ басурманъ!
Тамъ нечего женщинѣ душу спасать,
Какъ надо у насъ христіанъ.

«Работай! работай! работай,
Пока не сожметъ головы какъ въ тискахъ!
Работай! работай! работай,
Пока не померкнетъ въ глазахъ!
Строчку—ластовку—воротъ—
Воротъ—ластовку—строчку...
Повалитъ ли сонъ надъ шитьемъ—и во снѣ
Строчишь все да рубишь сорочку.

«О, братья любимыхъ сестеръ!
Опора любимыхъ супругъ, матерей!
Не холстъ на рубашкахъ вы носите; нѣтъ!
А жизнь безотрадную швей.
Шей—шей—шей!...
Въ грязи, въ нищетѣ, голодна,
Рубашку и саванъ одною иглой
Я шью изъ того-жь полотна.

«Но что мнѣ до смерти? Ея не боюсь,
И сердце не дрогнетъ мое,
Хоть тотчасъ костлявая гостья приди...
Я стала похожа сама на нее.
Похожа отъ голоду я на нее;
Здоровье не явится вновь,
О, Боже! зачѣмъ это дорогъ такъ хлѣбъ,
Такъ дешевы тѣло и кровь?

«Работай! работай! работай!
Мой трудъ безконечный жестокъ.
А плата! Отрепье, солома въ углу,
Да черстваго хлѣба кусокъ.
Скамейка да столъ— голый полъ—
Убогая кровля сквозится....
И то любо мнѣ, какъ на сѣрой стѣнѣ
Порой моя тѣнь отразится.

«Работай! работай! работай
Отъ боя до боя часовъ!
Работай! работай! работай,
Какъ каторжникъ въ тьмѣ рудниковъ!
Строчка-ластовка-воротъ—
Воротъ-строчка-рубецъ....
Застелетъ глаза, онѣмѣетъ рука,
И сердце замретъ подъ конецъ.

«Работай! работай! работай.
Когда леденѣетъ въ окошкѣ стекло!

Работай! работай! работай,
Когда и свѣтло и тепло—
И ласточки, къ выступамъ кровли лѣпясь,
Щебечутъ въ сіяніи дня,
И кажутъ мнѣ яркія спинки свои,
И дразнятъ весною меня.

«О! только бы разъ подышать
Дыханьемъ луговъ, полевыми цвѣтами
Въ верху только небо одно,
Трава и цвѣты подъ ногами.
О! только бы часъ лишь пожить
Блаженствомъ младенческихъ лѣтъ,
Когда я не знала, что буду цѣнить
Дороже прогулки обѣдъ!

«О! Только бы часъ лишь одинъ!
Лишь мигъ!... чтобъ душа ожила...
Любовь и надежда, и мига вамъ нѣтъ;
Все время печаль отняла.
Поплакать бы-легче бы сердцу отъ слезъ...
Нѣтъ, слезы мои!... не теките!
Иголкѣ моей не мѣшайте вы шить!
Шитья моего не мочите!

Затекшіе пальцы болятъ,
И вѣки болятъ на опухшихъ глазахъ....
Швея въ своимъ жалкомъ отрепьѣ сидитъ
Съ шитьемъ и иголкой въ рукахъ.

Шьетъ-шьетъ-шьетъ,
Въ грязи, въ нищетѣ, голодна,
И жалобно горькую пѣсню поетъ....
Иль пѣсня та къ вамъ, богачи, не дойдетъ?...
Поетъ о рубашкѣ она.

М. Л. Михайловъ.

Сонъ Евгенія Арама.

(изъ Т. Гуда).

Теплымъ блескомъ горя, зажигалась заря,
Лѣтній вечеръ былъ ясенъ и тихъ;
Въ часъ назначенный вышла изъ школы толпа
Ребятишекъ безпечно-живыхъ.
Побѣжали они, и далеко кругомъ
Голоса раздавалися ихъ.

Дѣтской радости полны въ невинныхъ сердцахъ,
И безгрѣшны, и чисты душой,
Всѣ они разбрелися на ровномъ лугу,
Зеленѣвшимъ роскошной травой;
И казалось, одѣтъ въ ясный вечера свѣтъ,
Издали онъ былъ весь золотой.

И какъ рой рѣзвыхъ пчелъ, на зеленой травѣ
Зашумѣлъ ихъ веселый кружокъ.

И смѣялись они, и безпечный ихъ смѣхъ
На минуту замолкнуть не могъ;
Но печаленъ и тихъ, удалившись отъ нихъ,
Ихъ учитель сидѣлъ одинокъ.

Шляпу снялъ онъ, кафтанъ на груди распахнулъ,
Чтобъ себя освѣжить вѣтеркомъ,
Оттого, что горѣлъ въ головѣ его мозгъ,
Грудь больная дышала съ трудомъ;
И ладонями рукъ, полонъ тягостныхъ мукъ,
Сжалъ онъ щеки, поникнувъ челомъ

Наклонившись надъ книгой, онъ долго читалъ,
Не взглянулъ онъ ни разу кругомъ,
Не видалъ онъ румянаго блеска зари,
Что на небѣ горѣлъ голубомъ;
Взоръ его потускнѣлъ, онъ былъ блѣденъ и худъ,
Какъ измученный долгимъ трудомъ.

Наконецъ онъ порывисто книгу закрылъ
И рукой исхудалой налегъ
Онъ на темный ея переплетъ, и потомъ
Сжалъ застежкой его поперекъ;
«О, мой Боже! когда бы и душу свою
Я закрыть, запереть такъ же могъ!»

И вздохнувъ тяжело, онъ съ земли поднялся
И тоскливо, въ себя углубленъ,

Онъ по лугу бродилъ, будто призракъ могилъ,
Свой подземный покинувшій сонъ;
И, взглянувши кругомъ, подъ тѣнистымъ кустомъ
Увидалъ съ книгой мальчика онъ.

И къ нему подойдя, «чѣмъ ты занятъ, дитя,—
Онъ спросилъ,—что читалъ ты сейчасъ?
Повѣсть? сказку? иль лѣтопись царствъ и людей,
Бывшихъ въ мірѣ задолго донасъ?»
Мальчикъ, вскинувъ глаза на него, отвѣчалъ:
«Нѣтъ, объ Авелѣ это разсказъ».

И учитель, услышавъ ребенка отвѣтъ,
Будто болью внезапной объятъ,
Поблѣднѣвъ, сдѣлалъ шесть торопливыхъ шаговъ,
Шесть шаговъ и впередъ, и назадъ;
Сѣлъ съ нимъ рядомъ потомъ и повелъ рѣчь о томъ,
Какъ загубленъ былъ Каиномъ братъ.

О злодѣяхъ временъ миновавшихъ давно,
О преданьяхъ убійствъ говорилъ,
И о людяхъ, зарѣзанныхъ въ темныхъ мѣстахъ,
Погребенныхъ средь тайныхъ могилъ,
Объ ударахъ кровавыхъ, которые лѣсъ
Мрачнымъ шумомъ деревъ заглушалъ.

Говорилъ онъ, какъ ночью встаютъ изъ земли
Привидѣнья убитыхъ людей,

Какъ рукой окровавленной кажутъ они
Мѣсто тайной могилы своей.
Говорилъ и о томъ, что небеснымъ судомъ
Обрекается казни злодѣй.

Говорилъ, что убійцы живутъ на землѣ,
Будто Каинъ, съ проклятой душой,
Что пылаетъ въ нихъ мозгъ и предъ взорами ихъ
Все одѣто кровавою мглой,
И что имъ никогда съ рукъ не сгладить слѣда
Крови, тайно отъ всѣхъ пролитой.

«Да, сказалъ онъ, ужасны мученья убійцъ,
И я знаю ихъ, знаю вполнѣ;
Горе, вѣчное горе тому, чья рука
Обагрилась въ крови!... Снилось мнѣ
Прошлой ночью, что былъ я злодѣй, что убилъ
Человѣка, убилъ я во снѣ!

«Это былъ человѣкъ, мнѣ не дѣлавшій зла,
Старъ годами, безсиленъ и хилъ;
Я увелъ его въ дальнее поле.... Съ небесъ
Мѣсяцъ холодно-ясенъ свѣтилъ....
Здѣсь умретъ онъ и деньги его я возьму—
Такъ въ душѣ про себя я рѣшилъ.

«Два удара дубиной, одинъ за другимъ,
Третій камнемъ тяжелымъ; затѣмъ

Я широкимъ ножемъ грудь пронзилъ старику—
И покончилъ съ нимъ дѣло совсѣмъ:
И я видѣлъ: у ногъ моихъ трупъ его легъ
Бездыханенъ, недвиженъ и нѣмъ!

«Неподвижный, нѣмой и безжизненный трупъ.
Онъ вреда мнѣ ужь сдѣлать не могъ,
Но мнѣ страшенъ онъ былъ: такъ спокоенъ въ травѣ
У моихъ онъ раскинулся ногъ;
Онъ былъ мертвъ, былъ убитъ, но я видѣлъ открытъ:
Взоръ его, и печаленъ, и строгъ!

«Я стоялъ и кругомъ, мнѣ казалось, огнемъ
Воздухъ жегъ и палилъ; средь огня
Милліоны сверкали ужасныхъ очей
И глядѣли они на меня.....
Трупъ я за руку взялъ и по имени звалъ
Мертвеца, къ нему ликъ наклоня.

«Но напрасно я звалъ, онъ недвижно лежалъ.
И уста его смерть заперла!
И когда взялъ я за руку трупъ, изъ него
Кровь широкой струей потекла,
И казалось, по каплѣ въ мой мозгъ пролилась
И какъ будто огнемъ его жгла!

«И застыло въ груди моей сердце, какъ ледъ,
И на душу мнѣ ужасъ налегъ:

Мнѣ казалось ее, сжавши въ адскихъ когтяхъ,
Дьяволъ, въ безну проклятую влекъ!
И я долго стоналъ, а старикъ предъ концомъ
Простонать только два раза могъ!

«И тогда съ отуманенныхъ грустно небесъ,
Съ высоты ихъ задернутой мглой
Голосъ, мстящаго кровью за братнюю кровь,
Страшный голосъ услышанъ былъ мной:
Ты убійца! возьми своего мертвеца
И отъ взоровъ моихъ его скрой!»

«И я тѣло повлекъ, чтобы бросить въ потокъ;
Былъ онъ ясной луной озаренъ,
Но зіяла темна въ немъ, какъ ночь, глубина,
И заросъ грязной тиною онъ;
Не забудь, мой ребенокъ,—прошу я тебя—
Что вѣдь это все сонъ, только сонъ!

«Трупъ я въ воду спустилъ, и онъ глухо нырнулъ
И сокрылся подъ черной водой;
Я омылъ съ своихъ рукъ крови слѣдъ, и чело
Освѣжилъ я холодной струей;
И сидѣлъ въ тотъ же вечеръ я въ школѣ, и былъ
Окруженъ я младенцевъ семьей.

«Боже! думалъ я, души такъ чисты у нихъ,
Какъ черна и преступна моя!

И не могъ раздѣлять я ихъ дѣтскихъ молитвъ,
Гимнъ вечерній не пѣлъ съ ними я;
И какъ дьяволъ между херувимовъ святыхъ,
Я стоялъ, грѣхъ убійства тая!

«И младенческимъ сномъ беззаботно потомъ
Всѣ заснули они; но со мной
Преступленье, мой гнусный товарищъ, пошло,
Чтобъ меня проводить на покой,
И задернуло пологъ постели моей
Обагренною кровью рукой.

«Въ агоніи ужасной всю ночь проводилъ
Я, тоскою тяжелой объятъ,
Не сомкнулъ ни на часъ я пылающихъ глазъ,
Устремляя недвижно свой взглядъ:
Непроглядною тьмой не могла предо мной
Ночь закрыть ужасающій адъ!

«Въ агоніи ужасной всю ночь пролежалъ
Я отъ боя до боя часовъ;
Сердце рвалось отъ мукъ: этотъ медленный звукъ
Говорилъ мнѣ о смерти безъ словъ,
И, какъ саванъ, меня обвивала вокругъ
Ночь въ свой темный, въ свой мрачный покровъ!

«И вставала въ моей головѣ мысль одна,
Всѣ другія смѣняя собой,—

Съ каждымъ новымъ мгновеньемъ владѣла она
Все сильнѣй и сильнѣе душой:
Мнѣ хотѣлось опять увидать, увидать
Человѣка убитаго мной.

Лишь пришелъ утра часъ, лишь заря занялась,
Всталъ я тяжко съ постели своей,
Вышелъ въ поле и тамъ дикимъ взоромъ искалъ
И нашелъ я проклятый ручей:
Половина воды въ немъ изсякла, и трупъ
Въ грязной тинѣ виднѣлся подъ ней!

«Не видалъ я, какъ жаворонокъ въ полѣ взвился,
Росу свѣявши съ крыльевъ своихъ,
Не видалъ, какъ изчезъ онъ въ лазури небесъ,
Не слыхалъ его пѣсенъ живыхъ:
Я надъ трупомъ опять наклонился, опять
Я коснулся до рукъ ледяныхъ!

«Тяжело задыхаясь, я поднялъ его
И какъ воръ побѣжалъ съ мертвецомъ;
Я былъ долженъ спѣшить трупъ въ могилу зарыть:
Утро яснымъ смѣнялося днемъ;
Я въ лѣсу его скрылъ въ кучѣ листьевъ сухихъ
Подъ нависшимъ деревьевъ шатромъ.

«День тотъ въ школѣ провелъ я, съ дѣтьми я читалъ,
Но я думой былъ въ мѣстѣ иномъ;

И лишь кончить я могъ свой полдневный урокъ,
Въ лѣсъ пришелъ я: развѣялъ кругомъ
Вѣтеръ листья сухіе—и *онъ* предо мной
Обнаженнымъ лежалъ мертвецомъ!

«И руками лице я закрылъ и приникъ
Съ горькимъ плачемъ къ землѣ головой:
Грѣхъ проклятый убійства не скрыть мнѣ, не скрыть
Онъ отвергнутъ сырою землей!
Гдѣ бъ я ни былъ: на сушѣ, на морѣ—пойдетъ
Моя тайна повсюду за мной!

«Такъ судилъ Тотъ, кто праведной местью за кровь
Пролитую преступнику мститъ;
Пусть въ землѣ погребенъ мной убитый, пусть онъ
Подъ землею глубоко зарытъ,
Пусть онъ сгнилъ—но когда нибудь будетъ людьми
Костяной его остовъ открытъ!...

«О мой Боже! ужасный, ужасный то сонъ,
Онъ на вѣки унесъ мой покой:
Мнѣ мерещится каждую ночь, что я кровь
Проливаю преступной рукой,
И луною облитъ, съ тусклымъ взоромъ лежитъ
Неподвижный старикъ предо мной!

«Гдѣ бъ я ни былъ, со мною вездѣ эта мысль,
Отъ нея не сокрыться мнѣ!... Вотъ

И теперь, и теперь предо мною мертвецъ
Изъ могилы кровавой встаетъ!»....
Мальчикъ въ страхѣ глядѣлъ на учителя: онъ
Блѣденъ былъ и лился съ него потъ.

На другую же ночь, въ часъ, когда тихій сонъ
Прикоснулся ребенку къ очамъ,
Изъ воротъ городскихъ двое мрачныхъ людей
Въ даль пошли и сокрылися тамъ;
И гремя кандалами въ ночной тишинѣ,
Шелъ межъ ними Евгеній Арамъ.

В. П. Буренинъ.

Знаки препинанія.

Старый хапуга, отъявленный плутъ
Отданъ подъ судъ;
Дѣло его, по рѣшеніи строгомъ,
Пахнетъ острогомъ...
Но у хапуги, во первыхъ. жена
Очень умна,
А во вторыхъ — еще нѣсколько дочекъ.
....
(Нѣсколько точекъ.)

Дочекъ наставила какъ поступать
Умная мать.
(Какъ говорятъ языкомъ и глазами—
Знаете сами);
Плачетъ и молится каждую ночь
Каждая дочь...
Ну, и нашелся заступникъ сіятельный
!
(Знакъ восклицательный)

Старый хапуга оправданъ судомъ,
Правда съ трудомъ:—
Но ужь усѣлся онъ въ полной надеждѣ,
Крѣпче чѣмъ прежде.
Свѣтъ, говорятъ, не безъ добрыхъ людей—
Правда, ей-ей!
Такъ и покончимъ, махнувъ сокрушительный
?
(Знакъ вопросительный.)

В. С. Курочкинъ.

Пѣсня о каретѣ.

I.

Помню я,—лошадьми вороными
Ты! везлась, въ воскресенье, у вербъ;

Ахъ! какой надъ дверями твоими
Нарисованъ былъ вычурный гербъ!
А на козлахъ твоихъ, кучеръ Павелъ,
Жирный, точно купеческій котъ,
Лошадьми удивительно правилъ
И съ презрѣньемъ глядѣлъ на народъ.
А какой джентельменъ-то суровый
У тебя помѣщался внутри!—
Въ бриліантахъ и въ шубѣ бобровой,
Этакъ въ тысячи двѣ или три....
Но судьба поступила прегрубо;—
Дождалась ты печальнѣйшихъ сценъ—
Полетѣли въ трубу кони, шуба
И суровый, въ бобрахъ, джентельменъ.

II.

Ты на биржѣ стоишь, для скандаловъ,
Измѣня свой изящный фасонъ;
Ты ужь служишь для свадебъ и баловъ,
И печальныхъ, подъ часъ, похоронъ.
Вотъ сегодня ты ѣдешь съ купчиной
На кухмистерскій балъ отъ вѣнца.
Ахъ! какою довольною миной
Озарялось лице у купца!
Молодая жь супруга на шеѣ
Утирая плѣнительный потъ,
Такъ мечтала: да мы веселѣе
Свадьбу справили, чѣмъ у господъ,—

И отрадою сладкой согрѣты,
И жена молодая и мужъ
Вонъ полѣзли бочкомъ изъ кареты
Подъ торжественно-радостный тушъ.

III.

На другой день, увы! послѣ бала,
Запряженная парою клячь,
Ты съ покойницей гробъ провожала
И прегорькій ты слышала плачъ:
Это плакали бѣдныя дѣти,
Провожая умершую мать:—
Кто то будетъ бѣдняжекъ на свѣтѣ
Цѣловать и любовно ласкать?
Хоть и есть у нихъ родственникъ дальній,
Театральный убогій скрипачъ,
Но онъ бѣденъ; грустнѣй и печальнѣй
Раздается сиротскій ихъ плачъ;
И при ихъ дѣтскомъ жалобномъ плачѣ
Даже вѣтеръ суровый затихъ...
Жалки всѣ: и карета, и клячи,
И Митяй, погоняющій ихъ.

IV.

А на третій день ты въ Ассамблею
Для веселья друзей повезла;
Въ этотъ вечеръ судьбою своею

Ты еще недовольнѣй была:
Двѣ дѣвицы и два кавалера
У тебя помѣстились внутри.
Съ ними ромъ былъ, аи и мадера
И малина, и честеръ, и бри.
Лобызались друзья, сладко ѣли,
Каждый страстью былъ нѣжно палимъ,—
Дамы пѣсни нѣмецкія пѣли,
Кавалеры же вторили имъ;
Говорили другъ другу о всякой
Ерундѣ и тянули аи,
И, какъ водится, кончили дракой
И разбили всѣ стекла твои.

Скорбный Поэтъ.

На большой дорогѣ.

(сцены)

I.

ВСТРѢЧНЫЕ.

Полдень. На небѣ нѣтъ ни одной тучки. Солнце палитъ. По лѣвой сторонѣ сперва поле съ желтѣющей рожью, слегка покачиваемой вѣтеркомъ; потомъ небольшая полоса лѣсу; потомъ мѣстность немного поднимается, а далѣе гора, идущая

по всей лѣвой сторонѣ различными направленіями, то подни маясь, то опускаясь и кажущаяся съ большой дороги очень небольшой. На горѣ лѣсу нѣтъ, а поверхность ея голая сѣрая, а тамъ, куда солнце заглядываетъ только съ двухъ до пяти часовъ утра и восьми до девяти вечера, поверхность красная глинистая; по временамъ, когда идутъ дожди, отъ нее отламываются порядочные куски земли и даже камни. Вокругъ поля рѣдкій лѣсъ. Въ лѣсу никто ни стукнетъ, ни свиснетъ, ни щелкнетъ. Направо косогоръ. мѣстность низменная, но холмистая; въ однихъ мѣстахъ кустарники, въ другихъ лѣсъ сперва зеленый, а потомъ кажущійся издали чернымъ. Если поглядѣть его да подольше. да примѣрить: сколько приблизительно это пространство занимаетъ верстъ, то такъ и кажется, тутъ всего не болѣе какъ двадцать верстъ; но вонъ до бѣлаго камня Перемета, отсюда съ большой дороги, статистики насчитываютъ сорокъ верстъ, а отъ Перемета до той бѣленькой тучки, только-что появившейся на горизонтѣ и будто сѣвшей на верхушки сотенъ деревьевъ, такъ Богъ вѣсть сколько верстъ. И изъ этого необъятнаго пространства не слышится ни стука, ни звука, ни тенькавья, не видно ни человѣка, ни звѣря, а между тѣмъ въ углу изъ-за двухъ лѣсныхъ грядъ валитъ то сѣрый, то черный дымъ, то изрѣдка вылетитъ оттуда капелька золотаго пламени.

Въ воздухѣ тяжело, пахнетъ паленной... Даже на большой дорогѣ пусто. Идетъ путникъ и удивляется: неужели здѣсь нѣтъ ни одной живой души никогда? Но вотъ онъ увидалъ въ канавкѣ лапоть и это доказываетъ, что не безлюдна же здѣсь мѣстность. А эта бичевочка на телеграфной проволокѣ? Али и она попала сюда случайно, вѣтромъ, или какая-нибудь неразумная голова закинула ее съ какою-нибудь цѣлію?

И знаетъ путникъ, что большая это дорога, да теперь-то отчего такъ безлюдно на ней?

Но вотъ показалась на дорогѣ лошадь съ возомъ; она точно выплыла снизу, поднялась, постояла и стала спускаться съ косогору, за ней выплыла другая, третья... выплыло и растянулась по дорогѣ сорокъ лошадей, сорокъ возовъ. На переднемъ возу спитъ мужичекъ въ синей изгребной рубахѣ и такихъ же штанахъ въ сапогахъ; спитъ онъ лежа на животѣ спрятавши лицо между руками; также спятъ мужички на пятомъ, десятомъ, двадцать седьмомъ, тридцатомъ возахъ, а около одинадцатой, двадцать девятой и сороковой телѣгъ идутъ мужички въ шляпахъ на подобіе горшка, въ сапогахъ, въ пестрядинныхъ или изгребныхъ штанахъ и рубахахъ. Идутъ они задумчиво, изрѣдка скидывая свои *шамшурки* (шляпы), вытаскивая оттуда ситцевые платки и этими, уже пропитанными грязью и пылью платками утираютъ свои щеки. Лошади идутъ шагомъ, не отставая другъ отъ друга и если остановится передняя лошадь, за ней остановятся и прочія, а впередъ не забѣгаютъ. Передній ямщикъ тотчасъ просыпается, свиснетъ разъ—лошадь пошла, за ней пошли и остальныя, а ямщикъ опять спитъ. Да и то еще удивительно: шелъ обозъ по тракту, потомъ вдругъ передняя лошадь своротила налѣво и пошла по неудобренной глинистой дорогѣ, за ней пошли остальныя лошади, а ямщики этому не воспрепятствовали.

Подулъ вѣтерокъ; отъ поля, отстоящаго отъ дороги очень близко, пахнетъ хорошо, только пыль, поднимаемая лошадиными ногами садится на все, что находится на пространствѣ, обширномъ на столько, чтобы ей снова усѣсться на что нибудь: такъ пылью покрыты березовые листья, сосновыя и осиновыя деревья, а о ямщикахъ, идущихъ около телѣгъ, и го-

ворить-то жалко: сапоги побѣлѣли, переды рубашекъ, щеки и бороды посѣрѣли отъ пыли.

Одинъ ямщикъ остановился. Какъ видно, онъ поджидалъ приближенія товарища. Товарищъ, глядя въ землю, поровнялся съ этимъ ямщикомъ; ямщикъ пошелъ рядомъ.

— Сивко-то ничего?! нето спросилъ, нето удивился ямщикъ.

— Ась?

— Я говорю, Сивко претъ... Кабы онъ, штобъ ему ни дна, ни покрышки, не слупилъ эдакую кучу, ничего бы.

— А што?

Ямщикъ замолчалъ. Впереди остановилась лошадь и ямщикъ пошелъ скорѣе. Къ неговорливому ямщику подошелъ задній ямщикъ и сказалъ, указывая на уходящаго ямщика:

— Што онъ тѣ?

— А? и онъ сплюнулъ въ кусты.

— Я все, слышь, што думаю?

— Ну?

— Кабы Яковъ-то Заковыркинъ не схлыздилъ... Вотъ што!

— Ну!!

Ямщики разошлись; немного погодя, они развалились на возахъ.

Жаръ не стихаетъ, а еще жжетъ сильнѣе. Стали подниматься на гору. Всѣ ямщики слезли съ возовъ и шли въ разсыпную; на встрѣчу ѣдетъ тройка.

— Держи лѣвѣ! кричитъ почтовый ямщикъ.

Передній ямщикъ и не глядитъ на почтоваго ямщика.

Дорога широкая, но не смотря на ея ширину, въ этомъ мѣстѣ ѣздятъ только по одной ея половинѣ, неудобной для

встрѣчныхъ; по остальной же части дороги потому не ѣздятъ, что хрящъ только ссыпается на дорогу, а измельчаніе его предоставляется обозамъ.

— Тебѣ говорятъ? крикнулъ почтовый ямщикъ, остановивъ свою тройку.

— Чево держать-то? Самъ поѣзжай... Обозъ-то сорокъ возовъ! крикнулъ недовольно передній ямщикъ обоза, сворачивая.

Немного погодя, ямщики опять своротили обозъ на удобный проѣздъ, лошади пошли, пошли и ямщики около своихъ возовъ, задумчивые, злые.

Впереди ѣхалъ на встрѣчу обозъ съ колокольцами. На передкѣ телѣги сидѣлъ солдатъ, на другихъ телѣгахъ тоже.

— Стой! крикнулъ солдатъ переднему обозному ямщику.

— Пошто? спросилъ ямщикъ.

— Не видишь, што порохъ веземъ!

Обозъ остановился; обозъ съ порохомъ прошелъ медленно. Проѣхала мимо обоза тройка, но пороховые ее не остановили.

Дорога спускалась подъ гору, но спускъ былъ почти что незамѣтный, такъ что впереди за десять верстъ виднѣлись поля, холмы и высокіе гребни горъ и между ними по косогору тянулось какое-то селеніе. Здѣсь жжетъ не очень, за то понесло непріятнымъ запахомъ: вѣроятно въ лѣсу лежитъ подохлая лошадь.

Черезъ четверть часа дорога поворотила вправо; стали опять подниматься, поднялись; впереди только одна дорога— по обѣимъ сторонамъ высокій густой сосновый и березовый лѣсъ. Черезъ два часа обозъ сталъ придвигаться къ селу.

II.

Несчастіе.

Часу въ восьмомъ вечера обозъ выѣхалъ изъ воротъ постоялаго двора. Выѣхавши на трактъ, онъ растянулся покрайней-мѣрѣ на протяженіи полутораста саженъ. Все село, построенное по обѣимъ сторонамъ тракта, было запружено обозами, то плетущимися на роздыхъ къ постоялымъ дворамъ то выползающими изъ постоялыхъ дворовъ, то растянувшимся вдоль тракта въ разныя стороны: одни лошади стояли головами *на Сибирь*, другія *на Россію*. Поэтому для проѣзжающихъ на тройкахъ оставалось проѣзду немного, но сценъ и самоуправствъ, какъ со стороны почтовыхъ ямщиковъ, такъ и проѣзжающихъ, здѣсь не было, вѣроятно, потому-что мирные обитатели селенія, послѣ дневныхъ тяжелыхъ трудовъ, отдыхали за воротами своихъ домовъ на заваленкахъ. Дѣти играли въ мячъ, бѣгали со змѣйками, или изощрялись въ искусствѣ закидывать на телеграфныя проволоки бичевки съ каменьями.

Два обоза тронулись, тронулось еще три обоза.

Стало свѣжеть. Солнышко, закатываясь за верхушки деревьевъ, золотило горизонтъ; на небѣ, съ восточной стороны, тихо двигались на югозападъ тучи, впрочемъ маленькія.

— Господи, кабы дождичка! шепталъ одинъ ямщикъ, глядя на тучки и помахивалъ своимъ кнутомъ.

Одна, средняя лошадь, остановилась.

— Ну!.. крикнулъ ямщикъ.

Лошадь стоитъ.

Ямщикъ стегнулъ ее витнемъ: она рванулась но не могла идти.

— Чево глядишь? Ткни ей въ морду-то! крикнулъ другой.

— Стоять, што-ли, здѣсь по твоей милости.

— Ну, ну... Богъ съ тобой.

Передняя половина обоза далеко уже была. Къ стоявшей лошади подошла богомолка, шедшая изъ села за обозомъ и отдавшая одному ямщику за узелокъ полтинникъ.

— Ты бы водицей попоилъ ее, сказала она съ участіемъ ямщику.

— Чего водицей! Не знаютъ?.. взъѣлся на богомолку ямщикъ. Богомолка недовольная ямщикомъ, отошла. Обозъ пошелъ, но лошадь часто останавливалась.

— Говорили: подкуй, нѣтъ! взъѣлся на хозяина лошади ямщикъ.

— Самъ знаю.

— Тото знаешь!

— Не въ первые ходимъ...

Попался на встрѣчу небольшой обозъ, проѣхалъ; ямщики поздоровались другъ съ другомъ: шедшіе за руки, сидящіе сняли шляпы и спрашивали.

— Съ чѣмъ вы?

— Чаи.

— А! а мы стекло... Прощайте.

Лошадь едва шла. Хозяинъ боялся бить ее, не дозволялъ дотрогиваться до нее товарищамъ, но наконецъ и побои ни къ чему не привели. Принудили ямщика ѣхать назади.

— Говорили, не дойдетъ.

— Дойдетъ... Съ жару, братцы!

— Толкуй. А вотъ сидико теперь съ ней назади... Поглядимъ, какъ ты поскачешь.

— Бога вы небоитесь! Рази я виноватъ, говорилъ чуть не со слезами ямщикъ.

Богомолка говорила своему ямщику:

— Это за то, што онъ страннаго человѣка обидилъ... Я вездѣ въ почетѣ, сколько мѣстовъ исходила.

Но на это ея ямщикъ отвѣчалъ только посвистываньемъ.

Темнѣло. Становилось все свѣжѣе, на юговостокѣ стояла луна.

Ямщики облачились въ зипуны и большею частію шли около телѣгъ.

Вдругъ задняя лошадь пала.

Ямщикъ, шедшій около нее, поблѣднѣлъ.

— Братцы! крикнулъ онъ и это слово далеко раздалось въ горахъ эхомъ, точно раскатъ грома.

Въ нѣсколько минутъ обозъ остановился; къ несчастному ямщику подошли пять ямщиковъ.

— Чтожъ, ты, всталъ?

— Глядите!

— Наказанье! говорили ямщики, разводя руками.

— Бѣда!.. И не говорили мы тебѣ: не бери, Шилохвостовъ, лошади, плоховата; нѣтъ!.. Вотъ и плачься. Впередъ умнѣе будешь.

— Братцы!.. Я... право...

Ямщики стали разнуздывать павшую лошадь, оттащили ее немного, задумались. Хозяинъ лошади отиралъ ладонями глаза.

— Дѣло дрянь! какъ теперь?.. А?

— Спроси Якова Семеныча... А у тѣ, тѣ лошади-то свезутъ-ли?

— Охъ, братцы!... Охъ... животъ болитъ!..

— Ну-ну...

Четыре ямщика оттащили павшую лошадь въ кусты и помогли своему товарищу переложить съ телѣги кладь на другія телѣги.

— Ну, на косушку дашь, такъ и быть,—возьмемъ.

— Што дѣлать, всяко бываетъ...

Тронулись, назади обоза ѣхала пустая телѣга. Богомолка просилась въ нее, ее не пустили.

— Коли пять цѣлковыхъ дашь, ладно.

Ямщикъ, потерявшій лошадь, теперь въ телѣгѣ и то плакалъ, то ругался. Въ обозѣ у него шло три лошади; теперь только двѣ и это обстоятельство принесло ему большую потерю.

Стали тормозить телѣги, спустились съ крутой горы, черезъ часъ стали опять подниматься на крутую гору, съ которой тоже спускался обозъ. Вдругъ что-то грохнуло, застучало; затрещали деревья. Ямщики поглядѣли кругомъ въ изумленіи, перекрестились. Спускавшійся съ горы обозъ остановился.

— Што у васъ стряслось?

— Здорово!... Бѣда! Бочка соскочила.

— Што-ты? Вонъ у Шилохвостова лошадь пала... Какъ же она слетѣла-то, проклятая?

— Чертъ ее угораздилъ! Съ виномъ—вотъ што обидно!

— Эка бѣда! Ямщики съ чаемъ хохотали.

— Што дѣлать!.. Вонъ Шилох... Такъ какъ? Уцѣлѣла ли?

— Врядъ ли! Не видать, а какъ спускаться-то? Нельзя! Грѣхъ! грѣхъ!

Потужили ямщики о своихъ горестяхъ и тронулись. Кое какъ взобрались на гору,. перекрестились.

III.

Воры.

Вечеръ былъ холодный. Равнина имѣетъ нѣсколько десятковъ верстъ. Луна свѣтитъ и обливаетъ своимъ свѣтомъ рѣки подъ горой, гдѣ все, какъ будто, покрыто мракомъ. Скучно, мертво здѣсь, даже жилымъ не пахнетъ. Отъ вѣтра гудятъ телеграфные столбы. Ямщики, позевывая, идутъ около своихъ лошадей, озираясь по сторонамъ, оглядываясь назадъ. То и дѣло слышатся ихъ возгласы, далеко раздающіеся эхомъ.

— Алексѣ-евъ?

— Ау-у!

— Подгляды-ва-й!

— Ау-у!

Такъ шли ямщики, перекликаясь и держа каждый въ рукѣ толстую палку съ гирькой на случай обороны.

Вдругъ къ задней телѣгѣ подъѣхала телѣга, запряженная въ одну лошадь. Въ телѣгѣ сидѣло двое мужчинъ.

— Эй вы! кто тутъ? крикнулъ задній ямщикъ и подошелъ къ телѣгѣ.

— Свои. Лошадь, пріятель, захворала; съ желѣзомъ ѣдемъ...

— Того съ желѣзомъ! Поди прочь!

— Не горячись, другъ: съ обозомъ-то веселѣе.. Самъ знашь, однимъ ѣхать опасно: съ ярмонки ѣдемъ... Кожи на желѣзо вымѣняли, съ барышами ѣдемъ.

Ямщикъ почесалъ голову, заглянулъ въ телѣгу.

— Не вѣришь? Загляни, пощупай, Христосъ съ тобой.

Ямщикъ пощупалъ: дѣйствительно въ телѣгѣ полосы желѣза. Онъ пошелъ скорѣе къ своей телѣгѣ, часто оглядываясь назадъ, но было еще темно.

— Василь, што ты? окликнулъ задняго ямщика передній.

— Ничего: съ желѣзомъ ѣдутъ.

— Доглядывай!

Ямщикъ остановился и поровнявшись съ телѣгой, спросилъ мужчину:

— А што много людей на ярмонкѣ было?

— Страсть, такъ много, такъ много... Главное барыша сколь... Я вотъ рублей на сто вывезъ...

— А штожъ, почтенный, гдѣ товарищъ-то твой?

Въ телѣгѣ, дѣйствительно, былъ одинъ человѣкъ, а не двое, какъ раньше.

— А онъ вонъ гдѣ!.. указалъ назадъ сидѣвшій въ телѣгѣ человѣкъ. Ямщикъ обернулся и вдругъ почувствовалъ такой сильный ударъ въ голову, что свалился. Сидѣвшій въ телѣгѣ ударилъ по лошади; лошадь пошла скоро и какъ только поровнялась съ третьимъ возомъ, оттуда полетѣло вдругъ въ телѣгу два мѣста чая и въ телѣгу соскочилъ съ воза человѣкъ. Лошадь пошла еще скорѣе, а сидѣвшій въ телѣгѣ кричалъ залихватски:

— Ээхъ ты, голубчикъ!

— Стой! крикнулъ одинъ ямщикъ!

— Держи! кричалъ другой. И вмигъ мѣстность огласилась крикомъ: держи!! воры!! разбойники!!

Телѣга пошла въ сторону, за ней погнался ямщикъ, въ него выстрѣлили, но не попали.

Передній ямщикъ, услыхавъ издали крикъ, побѣжалъ въ ту сторону, куда ѣхала телѣга, нагналъ лошадь, ударилъ ее по ногамъ, лошадь упала, онъ ударилъ кистенемъ вора: другой сталъ заряжать пистолетъ, но въ это время двое ямщиковъ уже схватили другаго вора.

— А! такъ-то тебѣ?

Вора стали бить.

— Ахъ бы день! Поронь бы ему?..

— На осину бы!

— Гдѣ осина-то?.. На столбъ къ телеграфу,—недостать.

Воровъ постарался поколотить каждый. Упавшій отъ удара ямщикъ кое-какъ оправился и просилъ товарищей представить воровъ въ село.

— Што ихъ представлять! Знамъ мы эфти дѣла. Языки имъ надо обрѣзать, вотъ што...

Однако ограничились тѣмъ, что воровъ проучили такъ, что они не могли шевельнуть ни руками, ни ногами, мѣста съ чаемъ отъ нихъ отобрали.

Начало свѣтать. Ямщики осмотрѣли воза, увязали разрѣзанный возъ и тронулись въ путь, ругая воровъ.

— Братцы, хоть лошадь то поднимите, Христа ради... Мы пошутили... молили ямщиковъ воры.

— Сидите! Мы еще въ станъ объявимъ, подлые вы люди!

Обозы пошли, а воры, лежа въ телѣгѣ, не могли тронуться съ мѣста; лошадь ихъ лежала.

— Надо бы, ребята, связать ихъ, да въ нашу телѣгу положить, говорилъ одинъ ямщикъ.

— Хлопоты штобы были! Нѣтъ лучше такъ-ту: опасаться будутъ.

— А вотъ надо рѣшить вотъ какъ дѣло: у Шилохвостова лошадь околѣла.

— Надо эти мѣста показать украденными.

Дѣло!

— Дворникъ староста; бумагу пропишетъ по намъ Шилохвостовъ же избитъ...

— Это вѣрно. Только, ребята, всѣмъ за одно чуръ стоять?

— Ну?

Ямщики разошлись къ своимъ возамъ.

Солнышко начало золотить горизонтъ, дышется хорошо, на душѣ дѣлается веселѣе.

Въѣхали въ село. Вдругъ мимо нихъ проѣхала та самая телѣга, въ которой сидѣли воры. Только въ телѣги было уже три человѣка. Это удивило ямщиковъ. Они обругали воровъ, тѣ не остались въ долгу и одинъ показалъ имъ ножъ Скоро телѣга съ ворами завернула налѣво по тракту, а ямщики, сказавъ другъ другу: теперь пять мѣстъ чаю покажемъ украденными и дѣло въ шляпѣ, остановили обозъ передъ воротами постоялаго двора.

Ө. М. Рѣшетниковъ.

Великія истины.

(Вольный переводъ изъ сборника: «La Goguette»)

—

Повсюду торжествуетъ гласность,
Вступила мысль въ свои права

И намъ отъ ближняго опасность
Не угрожаетъ за слова.
Мракъ съ истиной намъ ненавистенъ;
Простора требуетъ нашъ духъ
И смѣло рядъ великихъ истинъ
Я первый возвѣщаю вслухъ.

Порядки старые не новы
И не младенцы — старики;
Больные люди — не здоровы
И очень глупы дураки.
Мы смертны всѣ безъ исключенья;
Нѣтъ въ мірѣ дѣйствій безъ причинъ;
Не нужно мертвому леченья.
Одиножды одинъ одинъ.

Для варки щей нужна капуста;
Статьи потребны для газетъ;
Тотъ кошелекъ, въ которомъ пусто,
Въ томъ ни копѣйки денегъ нѣтъ;
День съ ночью составляютъ сутки;
Рубль состоитъ изъ двухъ полтинъ;
Желаютъ пищи всѣ желудки.
Одиножды одинъ одинъ.

Москва есть древняя столица;
По русски медикъ значитъ врачъ,
А *Чудодѣйка* есть вещица,
О коей публикуетъ Качъ.

Профессоръ—степень или званье;
Коллежскій регистраторъ—чинъ;
Кнуты и розги—наказанье;
Одинождьı одинъ одинъ.

Покуда кость собака гложетъ
Ее не слѣдуетъ ласкать
И необъятнаго не можетъ
Никто рѣшительно обнять.
Не надо мудрствовать лукаво,
Но каждый честный гражданинъ
Всегда сказать имѣетъ право:
Одинождьı одинъ одинъ.

Въ сей пѣснѣ сорокъ восемь строчекъ
Согласенъ я—въ нихъ смыслу нѣтъ;
Но риѳмы есть вездѣ и точекъ
Компрометирующихъ нѣтъ.
Эпоха гласности настала,
Во всемъ прогрессъ—но между тѣмъ,
Блаженъ, кто разсуждаетъ мало
И кто не думаетъ совсѣмъ.

В. С. Курочкинъ.

* *
*

Когда встрѣчаются со мной
Подъ парчевою пеленой

И съ упряжью печальной дроги,
А мнѣ нельзя свернуть съ дороги,—
Мнѣ мысль о смерти тяжела.
Не то чтобъ жизнь была мила;
Жить скучно—горе да сомнѣнье,
Бѣда извнѣ, внутри мученье,—
Да вотъ, когда воображу,
Что мертвый я въ гробу лежу,
Что крышкою его накрыли
И въ крышку гвозди вколотили,
И въ землю гробъ спустили мой,
Да и засыпали землей —
Душѣ обидно такъ и больно
И тѣло дрожь беретъ невольно.

Н. П. Огаревъ.

Пропала книга!

1.

Пропала книга! Ужь была
Совсѣмъ готова—вдругъ пропала!
Богъ съ ней, когда идеѣ зла
Она потворствовать желала!
Читать маранье праздныхъ дуръ
И дураковъ мы не досужны.

Не нужно намъ плохихъ брошюръ,
Намъ нуженъ хлѣбъ, намъ деньги нужны!

Но можетъ быть она была
Честна... а такъ рѣзка, смѣла?
Двѣ, три страницы роковыя...
О, если такъ, ее мнѣ жаль!
И можетъ быть мою печаль
Со мной раздѣлитъ вся Россія!

2.

Ужь напечатана—и нѣтъ!..
Не познакомимся мы съ нею;
Дѣвица въ девятнадцать лѣтъ
Не замечтается надъ нею;
О ней не будутъ разсуждать
Ни дилетантъ, ни критикъ мрачной,
Студентъ не будетъ посыпать
Ея листовъ золой табачной.

Пропала! съ ней и трудъ пропалъ,
Затраченъ даромъ капиталъ,
Пропали хлопоты большія...
Мнѣ очень жаль, мнѣ очень жаль
И можетъ быть мою печаль
Со мной раздѣлитъ вся Россія!

3.

Прощай! горька судьба твоя,
Бѣдняжка! Какъ зима настанетъ,
За чайнымъ столикомъ семья
Гурьбой читать тебя не станетъ.
Не занесешь ты новыхъ думъ
Въ глухія, темныя селенья,
Гдѣ изнываетъ русскій умъ
Вдали отъ центровъ просвѣщенья!

О, если ты честна была,
Что за бѣда, что ты смѣла?
Такъ рѣдки книги не пустыя...
Мнѣ очень жаль, мнѣ очень жаль
И можетъ быть мою печаль
Со мной раздѣлитъ вся Россія!..

Н. А. Некрасовъ.

Бѣдность.

1.

Ахъ, ты, бѣдность горемычная,
Дома въ горѣ терпѣливая,
Къ куску черствому привычная,
Въ чужихъ людяхъ боязливая!

Всѣмъ ты, робкая, въ глаза глядишь,
Сирота, стыдомъ убитая,
Къ богачу прійдешь—въ углу стоишь
Безпривѣтная, забытая...

Ты плывешь—куда водой несетъ,
Стороной бредешь—гдѣ путь дадутъ,
Просишь солнышка—гроза идетъ...
Скажешь правду—силой ротъ зажмутъ.

У тебя весна безъ зелени,
А любовь твоя безъ радости,
Твоя радость безо времени,
Немочь съ голодомъ при старости.

Вѣкъ ты мучишься, да маешься,—
Все на сердцѣ грусть великая;
Съ бѣлымъ свѣтомъ ты растанешься—
На могилѣ травка дикая.

И. С. Никитинъ.

Скорбь вавилонская.

(изъ Г. Гейне).

Смерть меня кличетъ, моя дорогая!
О! для чего, умирая —

О! для чего, умирая любя,
Я не въ лѣсу покидаю тебя?...
Въ темномъ лѣсу, гдѣ погибель таится,
Неотразимо-грозна,
Волкъ завываетъ, коршунъ гнѣздится,
Съ бѣшенымъ хрюканьемъ бродитъ веприца,
Бураго вепря жена.

Смерть меня кличетъ... О горе!
Лучше бы въ утломъ челнѣ
Бросилъ средь бурнаго моря
Я существо, драгоцѣнное мнѣ!..
Яростно воетъ и волны вздымаетъ
Тамъ ураганъ;
Будитъ на днѣ и наверхъ высылаетъ
Страшныхъ чудовищъ своихъ океанъ;
Все тамъ грозитъ неминучей напастью:
Мчится акула съ разинутой пастью,
Вынырнулъ жадный кайманъ.

Вѣрь мнѣ, о другъ мой прекрасной!
Какъ ни опасно
Въ морѣ сердитомъ, во мракѣ лѣсномъ,
Вдвое опаснѣе—гдѣ мы живемъ.
Вѣрь мнѣ: ужаснѣе волка, веприцы,
Злѣе акулъ и всѣхъ чудищъ морскихъ
Звѣри Парижа, всемірной столицы,
Въ играхъ и пѣсняхъ, и пляскахъ своихъ.
Замерло сердце, и разумъ мутится...

Вкругъ сироты моей, дурью объятъ,
Этотъ блестящій Парижъ суетится,
Дьяволамъ—рай, ангеламъ—адъ!

Что такъ жужжитъ вкругъ постели ?
Черныя мухи—озлобленный рой...
Боже! откуда онѣ налетѣли!
Свѣтъ застилая, кишатъ предо мной...
На носъ и на лобъ садятся—кусаютъ...
Точно людскіе глаза у иныхъ...
Эта вонъ съ хоботомъ... Страшно мнѣ ихъ
Прочь! отвяжитесь!.. Еще налетаютъ...
Словно свинцомъ придавило мнѣ грудь...
Жить ужь не много...
Стукъ въ головѣ—и возня—и тревога:
Знать мой разсудокъ сбирается въ путь!

М. Л. Михайловъ.

Къ точкамъ.

Знакомки старыя? О вы, въ нѣмыя строчки,
Средь огненныхъ стиховъ, разбрызганныя точки!
Скажите: бросивъ здѣсь неконченный куплетъ,
Самъ, мимо всѣхъ чиновъ, насыпалъ васъ поэтъ.
Иль вы явились тутъ и въ должности и въ чинѣ—
По независящей отъ автора причинѣ?

Поставлены-ль въ замѣнъ игривыхъ, острыхъ словъ,
Могущихъ уколоть какихъ нибудь глупцовъ,
Которые живутъ на нашемъ попеченьѣ,
Имѣя иногда особое значенье?
Иль замѣнили вы нескромный оборотъ
Рѣчей, способныхъ жечь и соблазнять народъ,
Вводить въ лукавый грѣхъ жену или вдовицу
И заставлять краснѣть стыдливую дѣвицу?
Иль правда смѣлая идеи роковой,
Чтобъ не тревожить міръ больной, полу живой,
За вами спряталась? Такъ въ отвращенье грому
И шуму отъ ѣзды по тряской мостовой,
Кидаютъ предъ жильемъ недужнаго солому.

В. Г. Бенедиктовъ.

Морской берегъ.

(изъ Т. Гуда).

Море возмутилося,
Буря, градъ и громъ;
Небо омрачилося —
Тьма и мгла кругомъ.

Силы, всколебавшія
Моря глубину

И съ пескомъ смѣшавшія
Мутную волну!

Вы, что такъ бросаете
Брызги въ облака
И такъ зло играете
Лодкой рыбака,

Отъ тревоги блѣднаго,
Смятаго борьбой,—
Не толкайте бѣднаго
Въ яростный прибой!

Въ свѣтѣ молній блещущихъ,
Унесите челнъ
Прочь отъ этихъ плещущихъ
И сердитыхъ волнъ!

Отъ жилья знакомаго,
Что къ себѣ манитъ
Моряка, несомаго
Бурей на гранитъ,

Отъ жены, рыдающей
Въ ужасѣ, и тамъ
Руки простирающей
Къ мрачнымъ небесамъ;

От дѣтей, тоскующихъ,
Что отецъ нейдетъ,
Отъ ихъ ласкъ чарующихъ,
Отъ всего, что ждетъ

Тамъ, за пѣной бѣлою...
Господи, отъ ней
Лодку эту смѣлую
Унеси скорѣй!

Сердце ужасается
И того порой,
Что ужь приближается
Къ намъ нашъ домъ родной!...

Д. Михаловскій.

* * *

Комнатка въ свѣтелкѣ.
Какъ въ ней холодно!
Вѣтеръ дуетъ въ щели,
Дождь стучитъ въ окно.

Мать лежитъ больная,
За работой дочь;

Ни отца, ни брата,
Некому помочь.

Дѣвочка прелестна:
Чудные глаза,
Обвила головку
Три раза коса.

Рядомъ съ ней старушка,
Гостья, знать, сидитъ,
Что-то ей толкуетъ,
Тихо говоритъ.

Дѣвочка краснѣетъ,
Глазки опустя;
А старуха шепчетъ.
«Слушайся, дитя...»

Та, склонясь, лепечетъ:
«Богъ съ тобой, поди.»
А платочекъ скачетъ,
Скачетъ на груди.

Ну, конецъ извѣстенъ;
Что тутъ толковать?
Мать свезутъ въ больницу,
И умретъ тамъ мать.

Дѣвочку старушка
Не обманетъ, нѣтъ;
Заблеститъ рѣзвушка
На пять, на шесть лѣтъ.

Весело и шумно
Въ нѣгѣ поживетъ;
А потомъ... въ Мѣщанской
Комнатку найметъ.

М. П. Розенгеймъ

Двое похоронъ.

Шелъ я по Литейной... Вижу: тьма народу...
Отъ каретъ, колясокъ нѣтъ почти проходу;
Конные жандармы, стража городская
И, предъ пышнымъ домомъ, пышная такая
Колесница, видно, въ ожиданьи гроба:
Значитъ, жизнь скончала важная особа.
Вынесли особу важныя все лица
И зашевелилась шагомъ колесница...
Пѣвчіе въ кафтанахъ синихъ съ галунами,
Черный шелкъ на дамахъ, шеи съ орденами,
Шитые мундиры, звѣзды, аксельбанты,
Пышныя кареты, слуги, музыканты,—
Просто заглядѣнье! Все отлично, гладко,

Все съ печатью строгой пышнаго порядка!
Взоръ нигдѣ не видѣлъ скорби и страданья,
Слуха не смущали стоны и рыданья,
Мѐдленно и ровно шли всѣ эти люди,
Тихо, бемятежно ихъ вздымались груди...
И когда-бъ не рамка траурная эта,
Ни одинъ философъ не далъ-бы отвѣта—
Для чего сей знати собираться было,
Что ее призвало, что соединило?...

—

Я пошелъ за ними... Вдругъ, на полдорогѣ,
Снова погребенье,—только ужь не дроги,
Не парча и бархатъ, не порядокъ пышный ..
Старая телѣга съ клячей горемычной,
Гробъ сосновой, желтою краскою покрытый
И за ними слѣдомъ, вмѣсто всякой свиты,
Бѣдная старуха и старикъ убогій
Шли, передвигая еле-еле ноги...
Но въ картинѣ этой бѣдной и холодной
Сколько было горя, муки безысходной!
Какъ сквозь эти дыры, ветхія заплаты
Мрачно пробивалась злая боль утраты!
Какъ глухіе стоны ясно говорили,
Что свою всю душу двое хоронили...

—

Вотъ на перекресткѣ встрѣтились два гроба,
И остановились на минуту оба;

Бѣдный боязливо повернулъ съ дороги
И заколыхались величаво дроги...

—

А на землю солнце сыпало брильянты,
Въ трубы громогласно дули музыканты,
Будто возглашая: «мѣсто, мѣсто гробу,
Въ коемъ уложили важную особу!»
И сквозь эти звуки слышалось мнѣ глухо,
Какъ стонала тяжкая бѣдная старуха...

П. П. Вейнбергъ.

Природа, вино и любовь.

(изъ былыхъ временъ).

Трагедія въ трехъ дѣйствіяхъ, безъ соблюденія трехъ единствъ, такъ какъ происходитъ въ разное время, въ разныхъ комнатахъ и подъ вліяніемъ различныхъ страстей и побужденій.

—

Лица:

Поэтъ, Редакторъ, Цензоръ.

—

ДѢЙСТВІЕ I. ПРИРОДА.

Комната поэта.

Поэтъ *(пишетъ и читаетъ):*

Пришла весна. Увы! Любовь
Не манитъ въ тихія дубравы:

Нѣтъ! негодующая кровь
Зоветъ меня на бой кровавый!

Кабинетъ редактора.

Редакторъ *(поправляетъ написанное поэтомъ и читаетъ).*

Пришла весна. Опять любовь
Раскрыла тысячу объятій
И я бы, кажется, готовъ
Расцѣловать всѣхъ меньшихъ братій.

Кабинетъ цензора.

Цензоръ *(поправляетъ написанное поэтомъ и поправленное редакторомъ и читаетъ).*

Пришла весна. Но не любовь
Меня влечетъ подъ сѣнь дубравы,
Не плоть, а духъ! Я вижу вновь
Творца во всемъ величьи славы.

Подписываетъ: «одобрено цензурою».

ДѢЙСТВІЕ II. ВИНО.

Поэтъ.

Люблю вино. Въ немъ не топлю,
Подобно слабенькимъ натурамъ,
Скорбь гражданина—а коплю
Вражду къ проклятымъ самодурамъ!

Редакторъ *(поправляетъ)*.

Люблю вино. Я въ немъ топлю
Свои гражданскія стремленья,
И видитъ Богъ, какъ я терплю
И какъ тяжелъ мой крестъ терпѣнья!

Цензоръ *(поправляетъ)*.

Люблю вино. Но какъ люблю?
Какъ сладкій медъ, какъ скромный танецъ.
Пью рюмку въ день—и не терплю
Косматыхъ нигилистовъ—пьяницъ.

ДѢЙСТВІЕ III. ЛЮБОВЬ.

Поэтъ.

Люблю тебя. Любовь одна
Даетъ мнѣ бодрость, духъ и силу,
Чтобъ чашу зла испивъ до дна,
Непобѣжденнымъ лечь въ могилу.

Редакторъ *(поправляетъ).*

Люблю тебя. Любовь къ тебѣ
Ведетъ такъ сладко до могилы
Въ неравной роковой борьбѣ
Мои погубленные силы.

Цензоръ *(поправляетъ).*

Люблю тебя. И не скорбя,
Подобно господамъ писакамъ,
Обязанъ вѣкъ любить тебя,
Соединясь законнымъ бракомъ.

(Подписываетъ).

Занавѣсъ падаетъ. Въ печати появляется стихотвореніе: Природа, вино и любовь, подъ которымъ красуется имя Поэта. Въ журналахъ выходятъ рецензіи, въ которыхъ говорится о вдохновеніи, непосредственномъ творчествѣ, смѣлости мысли оригинальности оборотовъ рѣчи и выраженій, художественной цѣлости и гражданскихъ стремленій автора.

В. С. Курочкинъ.

Изъ комедіи „Отрѣзанный ломоть“.

ДѢИСТВІЕ I.

Садъ въ помѣщичьей усадьбѣ. Налѣво терраса дома, направо зеленая скамья. Аллеи и цвѣтники. Передъ террасой большая площадка.

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Михайло Иванычъ и Демкинъ.

Михайло Иванычъ *(при входѣ Демкина бросается къ нему съ распростертыми объятіями).*

Ахъ, возлюбленный Петръ Алексѣичъ, вотъ и вы... *(Цалуется).* Ну, спасибо, сегодня не заставили ждать старика.

Демкинъ.

Мнѣ кажется, Михайло Иванычъ, я никогда и никого не заставляю ждать себя...

Михайло Иванычъ.

Ну, случается... Признайтесь...

Демкинъ.

Развѣ какія дѣла остановятъ...

Михайло Иванычъ.

Ну да! Ну да!... Дѣла, заботы о мужичкахъ. Вы, какъ человѣкъ современный и либеральный, никого не отпустите безъ вниманія: каждаго мужичка, каждую бабу, мальчишку даже, выслушаете, посовѣтуете, наставите на путь... Ну, а сегодня... конечно... можно все бросить... своя рубашка ближе къ тѣлу... *(Хохочетъ и ласково треплетъ Демкина по плечу).*

Демкинъ.

Нѣтъ въ самомъ дѣлѣ, Михайло Иванычъ, сегодня такой счастливый день: меня никто не задержалъ, что дѣйствительно рѣдко случается....

Михайло Иванычъ.

Понимаю, все понимаю, мой возлюбленный Петръ Алексѣичъ... Счастье всегда гонится за счастливцами... Да кому же и счастье, если не молодости... Вотъ намъ старикамъ такъ приходится только уступать дорогу молодымъ людямъ да любоваться на нихъ...

Демкинъ.

Вы, Михайло Иванычъ, конечно получили мое письмо?

Михайло Иванычъ.

Получилъ, получилъ-съ... Благодарю васъ... Оно доставило мнѣ много отрадныхъ минутъ...

Демкинъ.

Будьте увѣрены, что все то, что я писалъ вамъ, вылилось прямо изъ сердца...

Михайло Иванычъ.

О, да, я вполнѣ увѣренъ... но согласитесь, это дѣло такое, которое требуетъ времени и нѣкотораго обсужденія... Прежде всего намъ нужно узнать другъ друга.

Демкинъ.

Мнѣ кажется, Михайло Иванычъ, что мы настолько знаемъ другъ друга...

Михайло Иванычъ.

Ну нѣтъ, мой возлюбленный, говорятъ, съ человѣкомъ нужно сначала семь пудовъ соли съѣсть... Само собою, я считаю для себя за большую честь и счастіе ваше предложеніе... Вы не можете себѣ представить, какъ я былъ утѣшенъ вашимъ письмомъ... Но я долженъ васъ предупредить, что за дочерью моею ничего нѣтъ... т. е. ни денегъ, ни имѣнія, ни приданаго.

Демкинъ.

Со мною, Михайло Иванычъ, совершенно лишнее говорить объ этомъ... Это до меня нисколько не касается. Это ваше дѣло.

Михайло Иванычъ.

Нѣтъ, вѣдь, вы, можетъ быть, думаете, что я какъ другіе родители, жалѣю дать при жизни и что дочь можетъ получить что нибудь послѣ моей смерти, такъ вы и въ этомъ ошибаетесь; я вамъ говорю буквально: у нея ничего нѣтъ и не будетъ, потому что, вы знаете, я привыкъ жить хорошо, широко и не намѣренъ мѣнять своихъ привычекъ. Теперь, какъ видно, доходы помѣщиковъ должны сократиться на по-

ловину, слѣдовательно я все проживу, что имѣю; стало бы только на мою жизнь.

Демкинъ.

Я вамъ опять повторяю, что это дѣло вашей совѣсти... я ни слова не писалъ вамъ о приданомъ, и теперь не намѣренъ говорить что либо объ этомъ предметѣ.

Михайло Иванычъ.

Удивляюсь. Но какъ же вамъ не говорить объ этомъ: вѣдь вы должны же подумать о будущемъ вашей жены. Она привыкла къ роскоши, а вѣдь вы бѣдны.

Демкинъ.

Я не настолько бѣденъ, чтобы не могъ существовать прилично: у меня есть небольшое имѣніе—вы знаете; наконецъ служба...

Михайло Иванычъ *(съ худо скрытой злобой)*.

А, да, вы надѣетесь на посредническое жалованье, на эти полторы тысячи, которыя вамъ платитъ дворянство... Но это слишкомъ мало и непрочно... А сколько у васъ душъ?

Демкинъ.

Полтараста надѣловъ.

Михайло Иванычъ.

Ахъ, да, извините, слѣдовало сказать: сколько надѣловъ... скажите пожалуйста, вѣдь это все пріобрѣлъ вашъ батюшка... Вѣдь онъ, кажется, былъ здѣсь протоколистомъ?..

Демкинъ.

Да, кажется...

Михайло Иванычъ.

А а... скажите пожалуйста... Въ прежнее-то времячко!.. На такой ничтожной должности можно было сколотить какое имѣньице!..

Демкинъ *(вспыхнувъ)*.

Это самое тяжелое воспоминаніе для меня, какое только вы могли придумать объ отцѣ моемъ; но, вы знаете, дѣти не отвѣчаютъ за пороки и преступленія родителей: они только бываютъ часто жертвою ихъ, и терпятъ не заслуженный укоръ...

Михайло Иванычъ.

Конечно, конечно, дѣти не отвѣчаютъ... Ну, а все-таки имѣньицемъ-то пользуются, которое родитель скопилъ всякими нечистыми путями...

Демкинъ *(снова вспыхнувъ)*.

Это жестоко, Михайло Иванычъ... Я не знаю, какими путями отецъ мой пріобрѣлъ имѣніе, но думаю, что я освободилъ себя отъ всякаго подобнаго упрека, подаривши крестьянамъ въ собственность, безвозмездно, половину надѣла и получая вдвое меньше положеннаго закономъ за всю остальную землю...

Михайло Иванычъ.

Да, да, я слышалъ объ этомъ: вы всѣхъ дворянъ вооружили противъ себя этимъ поступкомъ: теперь никто не можетъ сладить со своими мужиками... Конечно, вамъ что за дѣло до этаго, для васъ дворянскіе интересы чужды, притомъ имѣніе у васъ не родовое, не отъ прапрадѣдушки до-

сталось: вамъ дорожить имъ нечего... Вотъ родителя я вашего зналъ: смирный былъ человѣкъ, почтительный... бывало, сѣсть не смѣетъ передо мной... А вотъ не знаю, кто былъ вашъ дѣдушка... Кто онъ былъ такой?..

Демкинъ *(засмѣявшись)*.

Наконецъ я догадываюсь, Михайло Иванычъ, къ чему все это... Вы хотите напомнить мнѣ ничтожность моего происхожденія. Но ужь это такая вина, въ которой я нисколько не виноватъ... и исправиться въ этомъ отношеніи не могу... Мнѣ остается только сказать, что я, какъ многіе, слава Богу, въ настоящее время, не придаю никакого значенія своему происхожденію, и рѣшительно не забочусь о томъ: происходитъ ли мой родъ отъ какого нибудь татарина, или придворнаго истопника, чѣмъ умѣютъ иные гордиться, или отъ вольноотпущеннаго двороваго человѣка, или даже отъ поповича... Право, хочется вѣрить, что въ настоящее время мало кто объ этомъ заботится...

Михайло Иванычъ *(съ притворною серьезностью)*.

Да и къ чему, помилуйте... Нѣтъ, вѣдь это я такъ только васъ спросилъ изъ простаго любопытства, потому что, согласитесь, интересно же знать: чья кровь, можетъ быть, потечетъ въ жилахъ моихъ внучатъ... А то, въ наше время, когда всѣ стали равны, кто же будетъ обращать вниманіе на такой вздоръ, какъ происхожденіе?.. Нѣтъ-съ, мой возлюбленный Петръ Алексѣичъ, я вамъ докажу, что мы, старики, не хотимъ отставать отъ молодежи въ ея понятіяхъ... Эй, Филька!... Вотъ вы послушайте, чему я учу своихъ прежнихъ крѣпостныхъ.

Тѣ же и Филька.

Филька *(входитъ и останавливается у дверей).*

Михайло Иванычъ *(къ Филькѣ).*

Гражданинъ, подойдите сюда поближе. *(Филька подходитъ).*

Михайло Иванычъ.

Филька, ты гражданинъ?

Филька.

Гражданинъ.

Михайло Иванычъ.

Ну, скажите, господинъ гражданинъ, какія вы имѣете права?

Филька *(какъ бы читая заученое).*

Совершенно такія же, какъ вы, какъ всякій другой гражданинъ, кромѣ г. посредника...

Демкинъ *(смѣясь).*

Почему же это такъ?

Михайло Иванычъ.

Позвольте, позвольте... *(Къ Филькѣ).* А что такое г. посредникъ?

Филька.

Г. посредникъ нашъ отецъ и покровитель: его рука наказуетъ насъ и милуетъ, онъ награждаетъ послушныхъ и почтительныхъ, и оставляетъ безъ обѣда строптивыхъ и не-

покорныхъ; онъ нашъ опекунъ, руководитель и цензуръ: наблюдаетъ за нашимъ поведеніемъ, обуздываетъ наши страсти, направляетъ наши мысли и пожеланія...

Михайло Иванычъ.

Ну, Филька, а что ты долженъ дѣлать, если въ чемъ провинишься и я тебѣ задамъ трясоволоску?

Филька.

Долженъ отвѣтить плюхой, а если до лица не достану, дать хорошаго раза въ такое мѣсто, куда только рукой досягну...

Михайло Иванычъ.

Ну, а если я сильнѣе тебя, и ударить меня ты побоишься, что тогда долженъ дѣлать?

Филька.

Долженъ бѣжать подъ защиту г. посредника и требовать денежнаго вознагражденія за нанесенное мнѣ безчестіе...

Михайло Иванычъ.

Такъ. Ну, Филька, теперь скажи откровенно г. посреднику: кто тебя научилъ всему этому, кто тебѣ внушилъ эти мысли...

Филька *(обращаясь къ Демкину).*

Михайло Ивановъ Хазиперовъ...

Михайло Иванычъ.

Ну, благодарю васъ, гражданинъ, извините, что обезпокоилъ васъ, и подайте мнѣ трубку. *(Филька уходитъ).* Вотъ

видите, мой возлюбленный Петръ Алексѣичъ, что я измѣнилъ свои убѣжденія и не отстаю отъ вѣка...

Демкинъ *(сидитъ молча и печально опустя голову на руку).*

Михайло Иванычъ.

Что же вы молчите и не приходите въ восторгъ видя, что современность побѣдила старика и заставила отказаться отъ его старыхъ, отсталыхъ понятій?...

Демкинъ.

Къ чему вся эта пошлая комедія: я не того ожидалъ отъ васъ и не за тѣмъ пріѣхалъ...

Михайло Иванычъ.

А, да, вы напоминаете о дѣлѣ... Дѣйствительно, пора приняться за него... Я просилъ васъ къ себѣ для того, чтобы кончить съ крестьянами. Вы не утвердили ни одной уставной грамоты, которыя я представлялъ... Теперь, перемѣнивши свои убѣжденія, я составилъ новую на самыхъ либеральныхъ основаніяхъ, съ большою выгодою для крестьянъ... Я прошу васъ повѣрить ее и утвердить...

Демкинъ.

Надѣясь быть вашимъ зятемъ, я не считаю уже себя вправѣ заниматься вашими дѣлами и намѣренъ просить, чтобы ихъ передали въ вѣдѣніе другаго посредника.

Михайло Иванычъ.

Напрасно вы такъ надѣетесь, мой возлюбленный Петръ

Алексѣичъ: вы не будете моимъ зятемъ, если не окончите всѣхъ моихъ дѣлъ съ крестьянами такъ, какъ я хочу... Да и притомъ будущему роденькѣ не мѣшало бы позаботиться самому о дѣлахъ будущаго тестя и помочь ему...

Демкинъ.

Во всякомъ случаѣ это совершенно безполезно, Михайло Иванычъ: если бы я даже и рѣшился сдѣлать что либо вамъ угодное, противъ воли крестьянъ, то они могутъ жаловаться на меня, и если я поступлю противозаконно, то мое рѣшеніе отмѣнятъ...

Михайло Иванычъ.

Зачѣмъ же поступать противозаконно? Вы ухитритесь сдѣлать такъ, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы... чтобы и законъ былъ соблюденъ, и мои желанія исполнены, и крестьяне довольны. И это тѣмъ легче для васъ сдѣлать, что уставная грамота, я вамъ говорю, составлена въ либеральномъ духѣ: все въ пользу крестьянъ...

Демкинъ.

Позвольте взглянуть.

Михайло Иванычъ *(подавая вынутую изъ кармана бумагу)*.

Вотъ прочтите... А вотъ и планъ. *(Указываетъ на столъ свертокъ)*.

Демкинъ *(читаетъ)*.

Михайло Иванычъ *(ходя по террасѣ съ довольнымъ*

и насмѣшливымъ лицомъ).

Вы обратите только вниманіе на мои предложенія.. Другой, на моемъ мѣстѣ, видя, что посредникъ влюбленъ въ его дочь и ищетъ ея руки, воспользовался бы этимъ случаемъ, чтобы прижать мужичковъ и заставить будущаго зятька обдѣлать дѣльце въ свою пользу, а я, какъ видите, жертвую всѣмъ на пользу крестьянъ, чтобы они *(дѣлаетъ мину тронутаго человѣка)*... пусть ужъ вѣчно помнятъ и благодарятъ меня и того, кому будетъ принадлежать моя дочь...

Демкинъ *(прочитавши бумагу, спокойно свертываетъ ее и подаетъ Михаилу Иванычу).*

Вы смѣетесь надо мной, Михайло Иванычъ....

Михайло Иванычъ.

Какъ, смѣюсь... Что это значитъ?

Демкинъ.

Ваши требованія до такой степени незаконны и враждебны интересамъ крестьянъ, что не только у васъ, отъ котораго я прошу согласія на бракъ съ дочерью; но и у ни какого другаго помѣщика не позволилъ бы себѣ даже объявить крестьянамъ такой проэктъ уставной грамоты...

Михайло Иванычъ.

Но вы знаете условіе: вы не получите руки моей дочери, если не утвердите этой уставной грамоты... Вы должны это сдѣлать для самаго себя, если только любите мою дочь...

Демкинъ.

Михайло Иванычъ, неужели вы серьезно думали, что можно заставить меня что нибудь сдѣлать противъ совѣсти? Чѣмъ же я подалъ поводъ такъ думать обо мнѣ?.. А чтобы вамъ не показалось, что я рисуюсь или говорю громкія фразы, я откровенно признаюсь, что не считаю даже нужнымъ угождать вамъ до пожертвованія своею честью и совѣстью, потому что, какъ вамъ извѣстно, Надежда Михайловна обѣщала уже мнѣ сама свою руку...

Михайло Иванычъ *(злобно, но сдерживаясь)*.

Такъ вы полагаете, что можете жениться на моей дочери безъ моего согласія?

Демкинъ.

Я полагаю, что вы не сочтете себя въ правѣ препятствовать совершеннолѣтней дочери располагать своей судьбой.

Михайло Иванычъ *(дрожа отъ бѣшенства)*.

А если эта дочь дура, которая хочетъ выдти замужъ за человѣка темнаго происхожденія, за сына взяточника, за человѣка, пользующагося общей ненавистью и презрѣніемъ всѣхъ порядочныхъ людей, вреднаго для общаго спокойствія, возмущающаго крестьянъ противъ помѣщиковъ... И тогда отецъ не имѣетъ права помѣшать этому браку?... Такъ что ли?.. не имѣетъ права?..

Демкинъ.

Мое равнодушіе къ вашимъ ругательствамъ было бы луч-

шею местью съ моей стороны, если бы я только могъ обидѣться ими; но къ сожалѣнію они только смѣшатъ меня...

Михайло Иванычъ *(выходя изъ себя).*

О такъ ты еще не знаешь меня, молокососъ... ты и въ самомъ дѣлѣ думаешь, что безъ моего позволенія тебѣ удастся смѣшать свою холопскую кровь съ моею........ Вонъ, вонъ изъ моего дома и чтобы нога твоя не была здѣсь!.. Вонъ, я тебѣ говорю. . *(Въ дверяхъ показываются испуганныя лица Наташи и Марьи Васильевны).*

Демкинъ.

Вы сумасшедшій... Я уйду отъ васъ въ полной увѣренности, что вы опомнитесь... *(Хочетъ идти въ домъ).*

Михайло Иванычъ *(загораживая ему дорогу).*

Я сказалъ что нога твоя не будетъ въ моемъ домѣ!.. Вонъ, *(указываетъ на лѣстницу съ балкона)* или... *(замахивается на него рукою).*

Демкинъ *(увидя Наташу, стоитъ въ нерѣшимости и конвульсивно ломаетъ руки).*

Наташа и Марья Васильевна *(молча дѣлаютъ ему знаки, чтобы онъ ушелъ.*

Демкинъ *(пожимаетъ плечами, поворачивается и идетъ съ терассы).*

Михайло Иванычъ *(злобно хохочетъ)*.

Женишекъ, зятекъ... Трусишко... Бѣглецъ... Вотъ они,—либералы... Васъ можно ругать, бить—вы все снесете.

Демкинъ *(вздрагивая, быстро оборачивается, но скоро овладѣваетъ собою)*.

Благодарите судьбу, что вы ея отецъ. *(Указываетъ на Наташу и уходитъ)*.

Михайло Иванычъ *(оборачивается и видитъ дочь и жену)*.

А, вы здѣсь... Что? видѣли травлю?.. Подите сюда, подите... *(Топая ногою)*. Подите же сюда, я вамъ говорю... *(Наташа и Марья Васильевна входятъ робко, со слезами на глазахъ)*. Этакихъ вы жениховъ выбираете, этакихъ?.. Что же, меня на свѣтѣ нѣтъ чтоли, что вы распоряжаетесь сами собой? выбираете жениховъ, даете согласіе, не спросивши меня?.. Что я пѣшка въ домѣ: не отецъ, не мужъ?.. Ты, дура, матушка почтенная, ты чего смотришь, чему дочь учишь? своевольству, непочтенію, распутству?...

Марья Васильевна.

Михайло Иванычъ, что это?.. Успокойся... Что ты говоришь?.. Что ты надѣлалъ?...

Михайло Иванычъ.

Что я надѣлалъ? Что я говорю?.. Выгналъ вонъ негодяя, грубіяна, паршивую собаку, которая хотѣла насильно ворваться ко мнѣ въ домъ, лѣзла въ родство... Говорю, что ты дура, пюня, а дочь твоя распутная дѣвка, которую надо упря-

тать въ монастырь... Вотъ, что я говорю и дѣлаю... А ты что дѣлаешь? учишь дочь не почитать отца, вѣшаться на шею перваго холопишки.

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА.

Да не бранися, не кричи... Боже мой, что это?.. Позволь же хоть разъ въ жизни слово сказать... разсуди ты хорошенько...

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ.

Разсуди!.. Я вотъ вамъ сейчасъ покажу мое разсужденіе... Эй, Филька! позови сюда Каролину Ивановну... Я вамъ покажу, какъ дѣлать отъ меня потихоньку... и по своему...

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА *(машетъ съ отчаяніемъ рукой и хочетъ уйти).*

МИХАЙЛА ИВАНЫЧЪ.

Стой! не смѣй уходить!..

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА.

Боже мой, за что ты меня всю жизнь мучишь? Что я такое сдѣлала?

НАТАША *(переставая плакать съ минутной энергіей).*

Папаша, пустите маменьку... Это безбожно... Она ненавидитъ Каролину Иванову. Она не можетъ съ ней встрѣчаться, особенно въ такія минуты, когда и вы, и мамаша разстроены... Пустите ее...

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ.

Что-о? что?.. Ты смѣешь учить меня?.. Ты разѣваешь передо мной ротъ?.. Вы ненавидите Каролину Ивановну, едни-

ственное преданное мнѣ существо во всемъ домѣ?.. Или ты собралась замужъ, такъ думаешь, что и вышла изъ-подъ моей власти?... Я тебя усмирю, голубушка... Погоди... *(Входитъ Каролина Ивановна).*

Тѣ же и Каролина Ивановна.

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ.

Каролина Ивановна, ваша воспитанница подъ руководствомъ своей матушки съ ума сошла: вѣшается на всякую сволочь...

КОРОЛИНА ИВАНОВНА.

Мушшины... Фуй, фуй!..

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ.

Выбираетъ себѣ жениховъ, даетъ согласіе, не спросясь меня.

КАРОЛИНА ИВАНОВНА *(качаетъ головой).*

Ахъ, тушенька... тушенька... Не карашо...

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЬ.

Она, кажется, имѣетъ даже намѣреніе обвѣнчаться безъ моего согласія...

КАРОЛИНА ИВАНОВНА.

Ахъ... ахъ... ф-фуй!.. нилься... нилься...

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ.

На матушку мнѣ надѣяться нечего, такъ я вамъ поручаю: смотрите за ней, чтобы она шагу не смѣла сдѣлать изъ своей комнаты.

Каролина Ивановна.

Да... это нужно... это пройдетъ... молотось... горячи голова... Ахъ, тушенька, ah meine liebe, не карашо... Мушшины—это бита...

Михайло Иванычъ.

Да пожалуйста, Каролина Ивановна, чтобы и съ матушкой у нихъ не было никакихъ секретовъ... Ну, вы, заговорщицы... либералки... ступайте вонъ... надоѣли, измучили меня... А вы, Каролина Ивановна, останьтесь, успокойте меня...

Каролина Ивановна.

О, да, я будитъ оставаться съ вами... бѣтный...

Марья Васильевна *(всплескивая руками съ рыданіемъ).*

Господи, неужели ты не отомстишь за меня!.. *(Уходитъ вмѣстѣ съ Наташей).*

Михайло Иванычъ.

Каролина Ивановна, сядьте возлѣ меня... Я измученъ.

Каролина Ивановна *(опирается на кресла, на которыхъ сидитъ Михаило Иванычъ, и обтираетъ ему лобъ платкомъ).*

Ну, нишево... Я буду веселяить. Со мной карашо?.. да?

А. А. Потѣхинъ.

Фарисейка.

(Разсказъ въ стихахъ Карло Порта).

Донна Фабія Фаброни, цвѣтъ миланскаго бонтона,
Съ Францисканцемъ Фра Джузеппе, у открытаго балкона,
Дня два-три тому, въ субботу... или нѣтъ, я вспомнилъ—
въ среду,
Сидя подъ вечеръ—такую томно съ нимъ вела бесѣду:

«Да, вы правы, Фра Джузеппе, въ вашемъ страхѣ и боязни.
Близко свѣта преставленье—міръ заслуживаетъ казни.
Я сама вашъ образъ мыслей всей душою раздѣляю,
Ибо многое такое я на свѣтѣ замѣчаю,—
Все такое, что, конечно, совершаться не могло бы,
Еслибъ часъ не приближался исполненья божьей злобы.

«Что вокругъ себя мы видимъ?—зло, развратъ и преступленье
Буйство черни, грубость массы, либераловъ изступленье,
Вольнодумство и нечестье, козни, наглые обманы,—
Знатный родъ не представляетъ людямъ болѣе охраны.
Знатный родъ—вы разсудите сами—это что такое?
Точно знатность—не основа благъ общественнаго строя.

«Или мертвыхъ воскресенье въ наше время не далеко
И мы видимъ исполненье вдохновенныхъ словъ Пророка;

Или... я ужъ и не знаю! сей сумбуръ холеры злѣйшій —
Вожделенный плодъ, должно быть, философіи новѣйшей...
Я сама, почтенный падре, нѣтъ тому еще недѣли,
Испытала степень злобы развращенныхъ массъ на дѣлѣ.

«Я говѣла, сообразно христіанскому обряду
И соборъ святаго Цельза посѣщала три дня сряду.
Все, какъ слѣдуетъ, при этомъ я, позванію, соблюдала
И къ собору ровно въ полдень я въ каретѣ подъѣзжала.
Экипажъ мой всѣмъ извѣстенъ — весь въ гербахъ, при двухъ лакеяхъ,
А лакеи въ самыхъ новыхъ, только сшитыхъ имъ, ливреяхъ.

«Ну-съ, два дня прошли прекрасно, я окончила говѣнье
И на третій пріѣзжаю (это было Воскресенье);
Но, подъѣхавъ, замѣчаю, что на паперти у входа
Нищихъ множество столпилось, разночинцевъ, дряни, сброду,
Такъ что выдти изъ кареты и пройдти къ дверямъ собора
Не нашлось, imaginez-vous, достодолжнаго простора.

«Дѣлать нечего — смѣшно же было даромъ возвращаться!
Я людямъ своимъ велѣла, подозвавъ ихъ, протолкаться.
Но, приказывая это и не думая ни крошки
Объ опасности, съ каретной поскользнулась я подножки
И на паперть, чуть не навзничь, всей я тяжестью упала!
Криполинъ мой... comprenez vous, сколько было тутъ скандала?!.

Поднялась я, не ушиблась, но подобные пассажи
Намъ, особамъ, важнымъ лицамъ — непріятнѣй смерти даже.

Я стыдливостью, приличьемъ дорожу, какъ жизнью самой,
И такой ужасный случай, днемъ и гласно, съ свѣтской дамой!
Если въ обморокъ я тутъ же безъ сознанья не упала,
То меня, конечно, въ этомъ только вѣра подкрѣпляла.

«Чтожъ вы думаете? случай этотъ, горькій и ужасный,
Вызвалъ въ черни состраданье, какъ должно бы быть?—напрасно!
Надо мной же всѣ смѣялись: шумъ поднялся, мнѣ свистали!
Точно будто-бы я ровней имъ была, простой мѣщанкой,
Или рыбною торговкой, иль заѣзжей комедьянткой...

Много выстрадала горя, падре, я въ минуты эти,
Но Господь мнѣ былъ защитой и умѣнье жить на свѣтѣ:
Я толпѣ не показала ни страданья, ни смущенья,
Обвела всю чернь я взоромъ, полнымъ гордаго презрѣнья—
И, при помощи лакеевъ, быстро въ храма дверь проникла,
Гдѣ съ молитвою такою предъ распятіемъ поникла:

«О! Господь, мной жарко чтимый, Ты своею благодатью
Далъ возможность мнѣ родиться между избранною знатью,
Хоть и могъ бы (нѣтъ для Бога въ мірѣ вещи невозможной!)
Сотворить меня лакейкой, червемъ, гадиной ничтожной,
Приношу тебѣ за это я свое благодаренье!
Ты всещедро возвеличилъ на землѣ свое творенье.

«Но хоть я цѣню высоко санъ свой, данный мнѣ Тобою,
Я тщеславія не знаю и не хвастаюсь собою,
Что другимъ бы, слабымъ мыслью, только голову вскружило
Мнѣ, напротивъ, въ дѣлѣ вѣры побужденьемъ послужило,

Долгъ мой мнѣ напоминая—подражать Христу въ терпѣньи
И враговъ моихъ безумныхъ въ снисходительномъ прощеньи.

«Сынъ Твой распятый, Ты знаешь, пресвятой Отецъ Небесный
Изнывая отъ страданій, причиненныхъ смертью крестной,
За разбойниковъ молился; Онъ, примѣръ для всѣхъ скорбящихъ
И прощать велѣлъ безумцевъ, зло въ невѣденьи творящихъ;
Такъ и я, въ минуту скорби, Сыну Божію подобно.
За толпу невѣждъ молюся, оскорбляющую злобно.

«Отпусти поступокъ дерзкій этимъ людямъ безъ сознанья
Моего смиренья ради, ради крестнаго страданья!
Ихъ на путь наставь ко благу—силы дай для исправленья.
И въ селеніяхъ небесныхъ уготовь мое спасенье,
Чтобы я была достойна вѣчныхъ благъ и вѣчной славы
Нынѣ, присно и во вѣки, amen—Боже вѣчно правый!

Я окончила моленье, и чтобъ дѣятельно вѣру
Закрѣпить поступкомъ добрымъ, прочимъ дамамъ для примѣру
Я рѣшилась (сообразно дорогимъ моимъ идеямъ)
Отплатить за злое добрымъ въ тотъ же часъ моимъ злодѣямъ.
Для чего, на паперть выйдя, я въ дверяхъ остановилась—
И съ такою рѣчью, падре, я къ той черни обратилась:

«Не смущайтесь, имъ сказала я съ довѣрчивою лаской
(Ласка служитъ этимъ людямъ самой лучшею острасткой).
«Я хочу въ нуждѣ помочь вамъ... день сегодняшній мнѣ дорогъ.
«Сколько васъ всего тутъ будетъ?—
— Будетъ ваше—ство насъ съ сорокъ.

«Сорокъ?—много! неужели?.. ну, а впрочемъ, чтожъ такое?
Вотъ двѣ лиры (*): раздѣлите дружно ихъ между собою!»

Н. С. Курочкинъ.

Сплошь да рядомъ.

Много глазъ прекрасныхъ видѣлъ я на югѣ,
Но глаза и брови у моей супруги,—

Хоть она родилась, гдѣ то возлѣ Польши,—
Почернѣе южныхъ будутъ и побольше.

А какая поступь!—точно у статсъ-дамы,
Или королевы изъ нѣмецкой драмы.

Говоритъ, какъ пишетъ!—ну, ума палата;
А ужь какъ степенна, а ужь какъ скромна-то:

Чуть лишь что такое... и надуетъ губки;
По морали—просто Аскоченскій въ юбкѣ.

Въ Лѣтній садъ не ходитъ, лишь по той причинѣ,
Что тамъ не прикрыты боги и богини.

(*) Полтинникъ.

Предъ своей супругой я благоговѣю...
Какъ-то мой начальникъ повстрѣчался съ нею:

«Очень аппетитна!» онъ сказалъ умильно,
Съ той поры ко мнѣ онъ привязался сильно;

Подавалъ при встрѣчѣ мнѣ свои два пальца,
И не гналъ, какъ прежде, бѣднаго страдальца.

И меня съ супругой посѣщать сталъ даже,
Даромъ, что живемъ мы съ ней въ шестомъ этажѣ.

Черезъ годъ, на радость, сынъ у насъ родился;
Добрый мой начальникъ страшно суетился, —

Точно о своемъ онъ хлопоталъ малюткѣ,
Привозилъ игрушки: барабаны, дудки.

Сядетъ съ нимъ, бывало, и ребенка тѣшитъ:
То мяучитъ кошкой, то собакой брешетъ;

Или вдругъ затянетъ хрипло: «Ваньку-Таньку,» —
Словомъ, нашъ Юпитеръ превращался въ няньку...

Вотъ подросъ порядкомъ милый нашъ сыночекъ,
И ему десятый ужь пошелъ годочекъ;

И хотя онъ вышелъ, какъ фигурка Клодта,
Стройный и красивый, да умомъ не вотъ-то!

Прыгаетъ по стульямъ, виснетъ на окошкѣ;
Отъ него страдаютъ всѣ собаки, кошки;

А какой упрямый, грубый и капризный!...
Чтобъ дурнымъ не вышелъ сыномъ онъ отчизны,—

Длинную, изъ саду, вырѣзалъ я лозу
И напомнилъ сыну *Сидорову козу*.

Боже! что тутъ было:—заревѣлъ мальчуга—
Къ матери пустился... ахнула супруга...

И квартира наша огласилась воемъ;—
Тутъ мы на минуту занавѣсъ закроемъ...

Онъ узналъ объ этомъ. Сдвинувъ мрачно брови,
Онъ явился, утромъ, въ мирномъ нашемъ кровѣ,

Блѣдный и дрожащій; въ позу ставъ Сатурна,
Началъ онъ сурово:— «дурно, сударь, дурно!...

Мнѣ супруга ваша донесла, что сѣкли
Вы ребенка—Боже! это вѣкъ-ли, вѣкъ-ли

Этого.... ну какъ бишь?... вѣкъ *принципа* что-ли?..
Неужли серьозно вы его пороли?....»

Говорилъ онъ долго, рѣзко,—но не грубо,
Точно, какъ «Чиновникъ» графа Сологуба

И, задавъ за сына мнѣ большую гонку,
Онъ конфектъ коробку подарилъ ребенку.

Съ той поры предъ сыномъ я благоговѣю;
Даже пальцемъ тронуть я его не смѣю!—

Хоть порой такую выкинетъ онъ штуку,
Что вотъ такъ бы просто... но опустишь руку,

И глядишь съ любовью на его нахальство,—
Въ силу приказанья добраго начальства.

Скорбный Поэтъ.

Жена ямщика.

Скоро будетъ полночь ..
Тишина въ избѣ;
Только вѣтеръ воетъ
Жалобно въ трубѣ.

И горитъ лучина,
Издавая трескъ,
И вокругъ дрожащій
Разливая блескъ.

Въ старомъ зипунишкѣ,
Прислонясь къ стѣнѣ,

Дремлетъ подлѣ печки
Мальчикъ на скамьѣ.

Слабо освѣщаетъ
Блѣдный огонекъ
Дѣтскую головку
И румянецъ щекъ.

Съ дремлющимъ малюткой
Рядомъ мать сидитъ,
И, лаская сына,
Кротко говоритъ:

«Ты бы легъ, касатикъ,
Вѣдь ужъ ночь давно;
На-ка вотъ шубенку,
Вишь какъ холодно.»

— «А зачѣмъ же, мама,
Ты сама сидишь,
И вечоръ все пряла
И теперь не спишь?»—

«Охъ, мой ненаглядный,
Прясть-то нѣтъ ужь силъ:
Что-то такъ мнѣ грустно,
Божій свѣтъ не милъ!

«Пятая недѣля
Вотъ къ концу идетъ,

А досель отецъ твой
Вѣсточки не шлетъ.

«Ну, Господь помилуй!
Если съ мужикомъ
Грѣхъ какой случился
На пути глухомъ.

«Дѣло мое бабье,
Какъ тогда мнѣ быть?
Кто насъ горькихъ станетъ
Одѣвать, кормить?»...

—«Полно плакать, мама!»—
Грустно сынъ сказалъ,
И, поднявъ головку,
Тихо съ мѣста всталъ,

И къ щекѣ родимой
Онъ прильнулъ щекой,
И заплакалъ горько,
Мать обнявъ рукой.

«Я не стану плакать;
Лягъ, усни, дружокъ;
Я тебѣ соломки
Принесу снопокъ.

«Постелю постельку,
А Господь пошлетъ—
Твой отецъ гостинецъ
Скоро привезетъ;

«Новыя салазки
Сдѣлаетъ опять:
Будетъ въ нихъ сыночка
По двору катать».

И дитя забылось....
Снова мать прядетъ,
Ей отъ думъ, заботы
Сонъ на умъ нейдетъ.

Дымная лучина
Чуть въ свѣтцѣ горитъ,
Только вьюга какъ-то
Жалобнѣй гудитъ.

Мнится, будто стонетъ
Кто-то у крыльца—
Словно провожаютъ
Съ плачемъ мертвеца....

И съ тоской тяжелой
Вспомнила она,

Какъ ея дѣвичья
Жизнь проведена;

Какъ ей, умирая,
Говорила мать:
«Тошно сиротою
«Мнѣ тебя кидать!

«Гдѣ тебѣ, голубкѣ,
«Замужемъ-то жить,
«Трудъ, порой рабочей,
«Въ полѣ выносить?

«И въ кого родилась
«Ты съ такимъ лицомъ?
«Старшія-то сестры
«Кровь вѣдь съ молокомъ?

«И разгульны, правда.
«Нечего сказать,
«Да за то какъ станутъ
«Въ полѣ работать,—

«Хоть жара, хоть вѣтеръ—
«Все равно для нихъ:
«Оттого и замужъ
«Скоро взяли ихъ.

«А тебя за разумъ
«Хвалитъ вся семья,
«Да любить-то... любитъ
«Только мать твоя.

«Все ты сшить умѣешь
«И въ избѣ прибрать,
«Ребятишекъ братьевъ
«Любишь обмывать.

«Да въ быту крестьянскомъ,
«Знаешь ты сама,
«Сила-то дороже
«Разума—ума...»

Вспомнила, какъ замужъ
Взялъ ее ямщикъ,
Какъ его покойный
Тесть любилъ, старикъ.

Вотъ въ сѣняхъ избушки
Кто-то застучалъ.
«Ахъ, отецъ!» проснувшись,
Мальчикъ закричалъ.

— «Вишь морозъ какъ крѣпко
Дверь-то прихватилъ!»

Грубо гость знакомый
Вдругъ заговорилъ.

И мужикъ рукою
Сильно дверь рванулъ,
Въ избу вшелъ, снялъ шапку,
Съ платья снѣгъ стряхнулъ.

Осѣнивъ три раза
Грудь свою крестомъ,
Почесалъ затылокъ
И сказалъ потомъ:

— «Здравствуешь, сосѣдка!
Какъ живешь, мой свѣтъ?...
Экая погодка,
Слѣду въ полѣ нѣтъ!

Ну, не съ доброй вѣстью
Я къ тебѣ пришелъ:
Я лошадокъ вашихъ
Изъ Москвы привелъ».

— «А мой мужъ?»—спросила
Ямщика жена,
И бѣлѣе снѣга
Сдѣлалась она.

«Да въ Москву пріѣхавъ,
Вдругъ онъ захворалъ,
И Господь бѣднягѣ,
По душу послалъ.

«На дворѣ съ нимъ вмѣстѣ
Мнѣ пришлось стоять,
И меня лошадокъ
Упросилъ онъ взять.»

Горько зарыдала
Бѣдная вдова,
Выслушавъ сосѣда
Первыя слова.

Опустивъ ручонки,
Сынъ ея стоялъ,
Блѣдный и всѣмъ тѣломъ
Въ ужасѣ дрожалъ.

«Вишь какая притча!»
Думалъ такъ мужикъ:
«Вѣрно я не въ пору
Развязалъ языкъ.

«А вѣдь жалко бабу,
Что и говорить!

Скоро ей придется
По міру ходить.

— «Полно горевать-то.»
Вслухъ онъ ей сказалъ:
«Стало неча дѣлать:
Богъ знать наказалъ!

«Лошади-то ваши
Тутъ вотъ у двора:
Такъ поди возьми ихъ;—
Мнѣ домой пора.

«Да!... вѣдь эка память,
Все сталъ забывать:
Вотъ отецъ сынишкѣ
Крестъ велѣлъ отдать.

«Самъ онъ черезъ силу
Съ шеи его снялъ,
Въ грамоткѣ мнѣ отдалъ
Въ руки и сказалъ:

— «Вотъ благословенье
«Сыну моему;
«Пусть не забываетъ
«Мать, скажи ему.»—

«А тебя-то, видно,
Крѣпко онъ любилъ:
По смерть твое имя
Бѣдный онъ твердилъ.»

И. С. Никитинъ.

Изъ комедіи „Свадьба Кречинскаго“.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

Квартира Кречинскаго. Утро. Кабинетъ, роскошно убранный, но въ большомъ безпорядкѣ; столы, бронза. Съ одной стороны сцены бюро, обращенное къ зрителю; съ другой столъ. Ѳедоръ медленно убираетъ комнату.

Ѳедоръ. Эхъ, хе, хе, хе, хе! *(Вздыхаетъ глубоко и медленно.)* Вотъ какую нанесло... вотъ какую нелегкую нанесло— повѣрить невозможно. Четвертый день ужь и не топишь; и покои холодные стоятъ, а, что дѣлать, не топишь... *(Помолчавъ.)* А какъ въ Петербургѣ-то жили — Господи, Боже мой! — что денегъ-то бывало! какая игра-то была!... И вѣдь онъ цѣлый вѣкъ такой-то былъ: деньги—ему солома, дрова какія-то. Еще

въ Университетѣ кутилъ порядкомъ, а какъ вышелъ изъ Университета, тутъ и пошло, какъ водоворотъ какой! Знакомство, графы, князья, дружество, попойки, картежъ! И безъ него молодежь просто и дыхнуть не можетъ. Теперь: женскій полъ— опять тоже.. Какое количество у него ихъ перебывало, такъ этого и вообразить не можно! По вкусу онъ имъ пришелся, что ли, только, просто, отбою нѣтъ. Это письма, записки, цыдули всякія, а тамъ и лично. И такая идетъ каша: и просятъ-то, и любятъ-то, и ревнуютъ, и злобствуютъ. Вѣдь была одна такая, — такая одна была: богатѣющая, изъ себя, могу сказать, красоточка! Вѣдь на колѣняхъ передъ нимъ по часу стоятъ, бывало, ей, ей, и богатая, руки цалуетъ, какъ раба какая. Власть имѣлъ, просто власть. Сердечная! Денегъ? Да я думаю, тѣло бы свое за него три раза прозакладывала! Ну нѣтъ, говоритъ, я бабьихъ денегъ не хочу; этихъ денегъ мнѣ, говоритъ, не надо. Сожметъ кулакъ — человѣкъ сильный—у меня, говоритъ, деньги будутъ; я, говоритъ, гулять хочу! И пойдетъ, и пойдетъ! Наведетъ содомъ цѣлый, куритъ такъ, что страхи берутъ. До копѣйки все размечетъ... Вѣдь совсѣмъ истерзалась и потухла, ей, ей. Слышно, за границей и померла... Было, было, батюшки мои, все было, да быльемъ поросло... А теперь и сказать невозможно что такое. Имѣніе въ степи было—фю! ему и званія нѣтъ; рысаковъ спустили, серебро давно спустили; даже одежи хватили нѣсколько .. Ну, просто, какъ омутъ какой: все взяла нелегкая! Хорошіе-то товарищи, т. е. бойцы-то, поотстали, а вотъ навязался на шею этотъ Расплюевъ. Ну что изъ него толку-то? что говорится, тремъ свиньямъ корму не раздастъ... *(Звонятъ.)* Во! ни свѣтъ, ни заря, а ты ужь корми его, колоды ему подбирай, какъ путному. «Мнѣ, братецъ, нельзя, я, говоритъ, въ такомъ общест-

вѣ играю.» А какое общество!.. Вчера отправился куда-то, ухватилъ двѣ колоды, т. е., что есть лучшаго подбора... Ну, можетъ и поработали... Дай-то Господи!.. *(Звонятъ.)* Эхъ, хе, хе, хе! пойти впустить.

ЯВЛЕНІЕ II.

Расплюевъ и Ѳедоръ.

Расплюевъ *(небрежно одѣтый, разстроенный, съ измятою на головѣ шляпою)*. Что жь? и ты ужь пускать не хочешь, что ли?

Ѳедоръ. Виноватъ, Иванъ Антонычъ, не дослыхалъ.

Расплюевъ *(идетъ прямо по сценѣ и останавливается, задумавшись)*. Ахъ ты, жизнь!

Ѳедоръ *(въ сторону)*. Что-то не въ духѣ.

Расплюевъ. Боже ты мой, Боже мой! что жь это такое? Вотъ, батюшки, происшествіе-то! Голова, повѣрите-ли? Вотъ что... *(Показываетъ руками.)* Деньги... карты... судьба.. счастіе... злой, страшный бредъ!... Жизнь... было времячко, было состояньице: съѣли проклятыя... потребили все... нищъ и убогъ!...

Ѳедоръ *(подходитъ къ Расплюеву)*. Что жь, Иванъ Антонычъ, была игра, что ли?

Расплюевъ *(смотритъ на него долго)*. Была игра,— ну, ужь могу сказать, была игра!... *(Садится.)* О-о-охъ, ой, ой, ой! Боже ты мой, Боже мой!...

Ѳедоръ. Да что это вы? Развѣ что вышло?

Расплюевъ *(посмотрѣвъ ему въ глаза)*. Тьфу!.. вотъ что вышло! *(Молчатъ.)* Ну, что дѣлать! каюсь... подмѣнилъ колоду... попался... Ну, га, га, го́, го, и пошло!., Ну, онъ и ударь, и разъ ударь, и два ударь. Ну, удовольствуй себя, да и отстань!... А это, что это такое? Вѣдь до безчувствія! Вижу я, дѣло плохо: пріятели-то разгорѣлись, понапираютъ; я было и за шляпу... Ты Семипядова знаешь?...

Ѳедоръ. Что-то не припомню-съ!

Расплюевъ. Богопротивнѣйшая вотъ этакая рожа *(показываетъ богопротивнѣйшую рожу)*. Вѣдь и не играетъ... Какъ потянется изъ-за стола, рукава заправилъ. «Давайте-ка— говоритъ—я его боксомъ.» Кулачище вотъ какой! *(Показываетъ, какой кулакъ.)* Какъ рѣзнетъ! Фу, ты. Господи!. «Я—говоритъ—изъ него и дровъ, и лучины нащеплю.» *(Разставивъ руки.)* Ну, и нащепалъ...

Ѳедоръ. Иванъ Антонычъ! въ карты, сударь, играть не лапти плесть. Вотъ и поучили!

Расплюевъ. Какое жь ученье?.. Собаки той нѣтъ, которая бы этакую трепку вынесла: такъ это ужь не ученье— просто денной разбой.

Ѳедоръ. Гм... разбой?... Въ чужой карманъ лѣзете, такъ какъ не рѣзнуть: всякій рѣзнетъ...

Расплюевъ. А ужь какая лисица! Нину!... Бывалъ я въ передѣлахъ—ну, этакой трепки, могу сказать, не ожидалъ.

Бывало, и самъ сдачи дашь и самъ вкатишь въ рыло, потому—рыло есть вещь первая!... Ну, нѣтъ, вчера не то... нѣтъ, не то! *(Изъ боковой двери, въ халатѣ, показывается Кречинскій. Расплюевъ не замѣчаетъ его.)* У него, стало, правило есть: вѣдь не бьетъ собака наотмашь, а тычетъ кулачищемъ прямо въ рожу... Ну, меня на этомъ не поймаешь: я, братъ, ученый; я самъ, братъ, сидѣлъ по 10 сутокъ рыломъ въ углѣ, безъ работы и хлѣба насущнаго, вотъ съ какими фонарями... *(показываетъ, какіе фонари)* такъ я это дѣло знаю...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Кречинскій.

Кречинскій *(подходя къ Расплюеву, сурово его осматриваетъ).* Ты опять продулся?

Расплюевъ. Я продулся? Да съ чего вы это взяли?

Кречинскій. Ужь я слышу. Ты мнѣ не финти, пустая голова!

Расплюевъ. Чѣмъ же я пустая голова? За что вы меня каждодневно ругаете? Господи! что за жизнь такая!

Кречинскій Эхъ ты, простоплетъ, колесо холостое! Мели воду-то, мели: помолу не будетъ *(Помолчавъ.)* Стоишь ли ты хлѣба? На харчи-то себѣ выработалъ-ли, а? Оселъ!! вѣдь я не изъ человѣколюбія тебя держу; вѣдь я не членъ благотворительныхъ обществъ. Такъ за мой хлѣбъ мнѣ надо

деньги. Ихъ и подавай, чортъ возьми! понялъ? Что уткнулъ носъ-то въ землю? Говори, гдѣ былъ вчера?

Расплюевъ. Даааа!... я... какъ ихъ... вотъ тутъ... *(Тыкаетъ пальцемъ.)*

Кречинскій. Денегъ принесъ?

Расплюевъ. Нѣтъ, не принесъ.

Кречинскій. Такъ подай, что взялъ намедни на игру.

Расплюевъ *(разставя руки)*. Лишенъ, всего лишенъ!

Кречинскій. Какъ лишенъ!

Расплюевъ, Отняли, все отняли!...

Кречинскій *(перебивая)*. Чурбанъ!... Вижу, и деньги взяли и поколотили. *(Сердито.)* Эхъ! тряхнулъ бы тебя такъ, чтобы каблуки-то вылетѣли.

(Начинаетъ въ безпокойствѣ ходить по комнатѣ.)

Расплюевъ *(жалобно)*. Не безпокойтесь, Михайло Васильичъ: ихъ ужь нѣтъ—вылетѣли. Ужь тряхнули! Довольно будетъ. А ужь какая, я вамъ скажу, силища—ну-уу!! Я, говоритъ, его боксомъ!... Гм!.. боксомъ! *(Кречинскій въ задумчивости ходитъ по комнатѣ. Молчаніе.)* Михайло Васильичъ! позвольте, однако, спросить, что это такое боксъ?

Кречинскій. Тебѣ бы знать надо. А вотъ это *(дѣлаетъ рукою жестъ)*... это-то и есть, Иванъ Антонычъ, боксъ... англійское изобрѣтеніе.

Расплюевъ *(дѣлая жестъ)*. Такъ это боксъ!.. англійское изобрѣтеніе!.. Ахъ, Боже мой! *(Качаетъ головою.)* Скажите... а?... Англичане-то, образованный-то народъ, просвѣщенные мореплаватели...

Кречинскій. Надо мнѣ достать денегъ! непремѣнно, во что бы то ни стало, надо денегъ и денегъ!

Расплюевъ *(равнодушно)*. А не знаю, Михайло Васильичъ, денегъ нѣтъ, и достать ихъ негдѣ. *(Задумывается, вдругъ вытягиваетъ голову.)* Ну, не ожидалъ!.. *(поднимаетъ палецъ)* англичане... образованный народъ... мореплаватели... а?

Кречинскій *(продолжая ходить)*. Какъ ты говоришь?

Расплюевъ. Я говорю: образованный-то народъ, англичане-то! а?

Кречинскій. Да ты совсѣмъ ужь умъ потерялъ. Ему о дѣлѣ говорятъ, а онъ чортъ знаетъ что мелетъ! Слушай! Я весь тутъ, весь по горло: денегъ, просто, денегъ. Ступай и достань, во что ни стало. Все будущее, вся жизнь, все, все зависитъ отъ какихъ нибудь трехъ-тысячъ рублей серебромъ. Ступай и принеси. Слышишь: душу заложи... да что душу!.. украдь, а принеси!! Ступай къ Беку, къ Шпренгелю, къ Старову, ко всѣмъ жидамъ; давай проценты, какіе хочешь... ну, сто—тысячь положи, а привези мнѣ деньги! да, смотри, не являйся съ пустыми руками. Я те какъ курицу задушу... Чтобъ были... Дѣло вотъ въ чемъ: я женюсь на Муромской... знаешь? Богатая невѣста. Вчера дала слово, и черезъ десять дней свадьба.

Расплюевъ *(обомлѣвъ.)* Мих... Мих... Михайло Васильичъ! что вы говорите?...

Кречинскій. У меня въ рукахъ тысяча-пятьсотъ душъ,—вѣдь это полтора милліона,—и двѣсти-тысячъ чистѣйшаго капитала. Вѣдь на эту сумму можно выиграть два милліона! и выиграю,—выиграю навѣрняка; составлю себѣ дьявольское состояніе, и кончено: покой, домъ, дура-жена и тихая, почтенная старость. Тебѣ дамъ двѣсти-тысячъ... состояніе на цѣлый вѣкъ, привольная жизнь, обѣды, почетъ, знакомство,—все.

Расплюевъ *(кланяется, третъ руки и смѣется).* Двѣсти-тысячъ... обѣды... Хе, хе, хе... Мих...

Кречинскій. Только для этого надо денегъ: надо дотянуть нашу канитель десять какихъ нибудь дней. Безъ трехъ-тысячъ я завтра банкрутъ! Щебневъ, Гальтъ подадутъ ко взысканію, разскажутъ въ клубѣ, выставятъ на доску,—и все кончено!.. Понялъ-ли?.. *(въ запальчивости беретъ его за воротъ)* понялъ ли, до какой петли, до какой жажды мнѣ нужны деньги? Выручай!...

Расплюевъ. Михайло Васильичъ! батюшка! отъ однихъ словъ вашихъ всѣ мои косточки заговорили!.. Иду, иду... ой, ой, ой... *(Схватывается.)* Боже мой... *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Кречинскій. *(Одинъ, ходитъ по комнатѣ.)* Ну, я думаю, онъ это дѣло обдѣлаетъ: онъ на это таки ловокъ—обрыщетъ весь городъ. Эти христопродавцы меня знаютъ...

Неужели не найдетъ! а?... Боже! какъ бываютъ иногда нужны деньги!.. *(Шевелитъ пальцами.)* Какія бываютъ иногда минуты жизни, что рѣшительно все понимаешь... *(Думаетъ.)* А коли ихъ нѣтъ? коли Расплюевъ не принесетъ ни копѣйки? а? коли этотъ сытый милліонъ сорвется у меня съ уды отъ какой нибудь плевой суммы въ три-тысячи рублей, когда все сдѣлано, испечено, поджарено—только въ ротъ клади... Вѣдь сердце ноетъ... *(Думаетъ.)* Скверно то, что въ послѣднее время связался я съ такой шушерой, отъ которой кромѣ мерзости и непріятностей ничего не будетъ. Порядочные люди и эти чопорные баре стали отъ меня отчаливать: видно, запахло!.. Гм! Гм! Пора кончить или перемѣнить декораціи .. И вотъ, какъ нарочно, подвертывается эта благословенная семейка Муромскихъ. Глупый туръ вальса завязываетъ самое пошлѣйшее волокитство. Дѣло ведено лихо: вчера дано слово, и черезъ десять дней я женатъ! Дѣлаю, что называется, отличную партію; у меня домъ, положеніе въ свѣтѣ, друзей и поклонниковъ куча... Да что и говорить! *(радостно)* игра-то какая, игра-то! Съ двумястами-тысячъ можно выиграть гору золота!.. Можно? должно! просто начисто обобрать всю эту сытую братію! Однако, къ этому старому дураку я въ домъ не переѣду. Нѣтъ, спасибо! Лидочку мнѣ надо будетъ прибрать покрѣпче въ руки, задать, какъ говорится, хорошую дрессировку, смять въ комокъ, чтобъ и писку не было; а то еще эти писки... Ну, да, кажется, это будетъ и не трудно: вѣдь эта Лидочка—чортъ знаетъ что такое! какая-то пареная рѣпа, нуль какой-то! . а самому махнуть въ Петербургъ! Вотъ тамъ такъ игра! А здѣсь что? такъ, мелюзга, дребедень. .

А. Сухово-Кобылинъ.

Риѳмоплетъ.

Друзья! Средь жизненнаго поля
Своя у всякаго судьба,
И риѳмоплетствовать—есть доля
Иного Божьяго раба.
Друзья! Вы—люди дѣловые,
Я-жь въ дѣлѣ—чуть не идіотъ;
Вы просто—мудрецы земные,
А я—безумный риѳмоплетъ.

О да, вы правду говорите:
Я только риѳмоплетъ. Увы!
Вы-жь мудрецы, зане мудрите
И велемудрствуете вы.
Я только брежу все, но внятенъ
И съ мыслью связанъ этотъ бредъ,
А мудрый толкъ вамъ непонятенъ,
Зане въ немъ смыслу часто нѣтъ.

Пишу стихи, читаю книги,
И такъ гублю все время я,
А злость, ругательства, интриги
Предоставляю вамъ, друзья.

Дѣльцы, достойные почтенья!
Едва плетясь, кой-какъ впередъ,
Вамъ сплетни всѣ и злосплетенья
Предоставляетъ риѳмоплетъ.

Изъ васъ, конечно, риѳмоплетствомъ
Себя никто не запятналъ,
И каждый служитъ съ благородствомъ,
А я—съ пятномъ за то и малъ.
Вы въ дѣловыхъ бумагахъ быстры,
Смекая, что къ чему идетъ:
За то вы мѣтите въ министры,
А я останусь—риѳмоплетъ.

В. Г. Бенедиктовъ

Адель.

(Изъ Густава Надо).

Адель—о томъ ни слова—
Лоретка за урядъ;
У ней, что день—обнова:
Любовникъ и нарядъ.
Малѣйшія желанья
Ей стоили—лобзанья;

Но страсть у ней огнемъ
Изъ черныхъ глазокъ льется...
Адель моя, зачтется
Бѣдняжкѣ все потомъ.

Ей нужно все: блескъ бала,
Цвѣты и соловей,
Толпа и роскошь зала
И вычурность ливрей;
Отдастся съ равнымъ жаромъ
За золото и даромъ;
Но въ тѣлѣ покупномъ
Младенца сердце бьется.,.
Адель моя, зачтется
Бѣдняжкѣ все потомъ.

Въ гербовомъ экипажѣ
На парѣ рысаковъ,
Адель нахальна даже:
Прохожихъ бѣдняковъ
Забрызгать грязью рада,
Не удостоивъ взгляда;
За то бѣднякъ къ ней въ домъ
Не даромъ приплетется...
Адель моя, зачтется
Бѣдняжкѣ все потомъ.

У ней есть замокъ лѣтомъ,
Таинственный притонъ;

Селяне къ ней съ привѣтомъ
Идутъ со всѣхъ сторонъ,
И цѣловать имъ руки
Даетъ она—со скуки;
За то при ней кругомъ
Рѣкой веселье льется...
Адель моя, зачтется
Бѣдняжкѣ все потомъ.

Мотаетъ, какъ вельможи,
И часто день для ней
Обходится дороже,
Чѣмъ годы для семей;
Но слышалъ я не рѣдко
Что эта же лоретка
О матери, тайкомъ,
Заботливо печется...
Адель моя, зачтется
Бѣдняжкѣ все потомъ.

Дитя есть у Адели—
Сынъ, жизнь ея души;
Она отъ колыбели
Хранитъ его въ тиши;
Надѣнетъ онъ когда-то,
Честной мундиръ солдата,
И матери стыдомъ
Ему не попрекнется...

Адель моя, зачтется
Бѣдняжкѣ все потомъ.

Л. А. Мей.

Изъ „Гаваньскихъ чиновниковъ".

Послѣдніе дни іюля... да не только послѣдніе, а всего лишь три дня осталось до 1-го августа... (я хотѣлъ сказать: до полученія жалованья).

Природа уже... нѣтъ природа послѣ; прежде должно быть жалованье... Жалованье гаваньскіе счастливцы—нѣкоторые— уже получили.

Вскорѣ зашевелилась вся Гавань... Кажется, самыя лачужки заговорили: «Жалованье, жалованье получили мы!»

Котъ выползъ изъ-подъ печки. Кошурка, супруга его, съ просонья говоритъ:

— Куда ты, Васиканьчикъ?

— Да хочу выйдти, посмотрѣть на хозяевъ: жалованье, говорятъ, получили...

— Да тебѣ-то что? Развѣ ты чиновникъ? Вѣдь не ты получилъ...

— Аа, нѣтъ, все- таки пріятно...

— Ну ужъ большое жалованье 12 рублей... не разгуляешься...

— Нѣтъ; ничего; если все донесешь домой, такъ ничего, можно жить... Еслибъ мнѣ столько дали!.. я съумѣлъ бы распорядиться, чортъ возьми!...

— Ну-да,—замѣтила кошурка,—знаю, что бы ты сдѣлалъ: завелъ бы сейчасъ мамзель... Свинья...

Донесши домой жалованье—(донесли гаваньскіе чиновники жалованье потому, что «не заходили» никуда; а не заходили потому, что самъ Богъ не допустилъ ихъ до того по ихъ молитвѣ: «не введи насъ во искушеніе»)—донесши домой жалованье, гаваньцы сейчасъ же занялись дѣломъ; начали они про себя разсчитывать: «какъ бы устроить такъ, чтобъ заштопать всѣ дыры: заплатить часть лавочнику, мяснику и лабазнику; потомъ отложить немного для хозяйства, а остальное употребить на что-нибудь на хорошее, на что-нибудь «по-умнѣе»; «во-первыхъ», разсуждали гаваньскіе чиновники, — «надо съѣздить на «Вольный», дать нѣсколько промаховъ по куликамъ,— это всенепремѣнно, тѣмъ болѣе, что 15 іюля уже прошло; значитъ, охотиться позволено: попадать нельзя, а стрѣлять можно....»

А для того, чтобы съѣздить на «Вольный», надо запастись «полштифелемъ».. Одного мало: не одинъ же поѣдешь; надо взять съ собой кого-нибудь; значитъ, надо тоже взять еще «полштифиль»... Двухъ тоже мало будетъ на двоихъ: ну, что съ двумя сдѣлаешь?.. Слѣдовательно, надо прихватить еще одинъ... Потомъ, надо взять изъ дому вареной говядины да огурцевъ свѣжихъ—отличная вещь! особливо если къ этому взять еще изъ мелочной лавочки: пирога съ капустой, фунта два, да миногъ десятка два, съ уксусомъ, да ветчинки?... Тьфу ты, ажъ животъ подводитъ...

Такъ размышляла пишущая половина человѣческаго рода, и размышляла такъ до тѣхъ поръ, пока не выпускала жалованья изъ канцелярскихъ лапъ; но лишь только депозитки— красная съ двумя желтыми—попадались въ пухленькія ручки—

прощай золотыя мечты, прощай огурцы, печенка, прости и ты, очищенная-шведская, и вы, друзья-товарищи, и вы травнички-куличкн... Все пропало!

Разумѣется, что при этомъ страшно работали гортани: фаготы неистово ревѣли, старась доказать, что—это чортъ знаетъ что: работать цѣлый мѣсяцъ, гнуть горбъ, съ утра восьми часовъ и до пяти, и не смѣть позволить себѣ вальготу и удовольствіе (то есть: «послать», или «самому сходить не далеко»). Но звонкіе серебреные рожки взяли верхъ; побѣда осталась на сторонѣ небрѣющейся доли человѣчества. Представительницы любви въ этомъ мірѣ заключили свою рѣчь слѣдующими словами:

— Не будетъ, не будетъ! Я сказала уже, что не будетъ.... Не пріучи васъ носить домой жалованье, или не шляйся сама получать, перваго числа, у казначея, такъ вы бы пропили въ три дня всю Гавань.

Правда, что побѣды эти не дешево достались женщинамъ; много желчи онѣ испортили, долго не могли онѣ угомониться, и только божественный цѣлебный кофе въ состояніи былъ кое-какъ настроить на ладъ ихъ осиплыя горлышки. Допивая послѣднюю чашку, онѣ утирали блѣдное, все еще встревоженное, лице, вдыхали въ себя воздухъ, чтобъ освѣжить измученную разными впечатлѣніями грудь, и нѣтъ-нѣтъ, сухими глазами посматривали въ окно, хоть тамъ за окномъ, ничего не было видно.

Мужчины, получивъ рѣшительный отказъ, обыкновенно высыпали имъ на это цѣлый мѣшокъ «чертей», гнѣвно, по-ахиллессовски, хлопнувъ дверью, выскакивали въ сѣни, и скорыми шагами улепетывали со двора, яростные, со сверкающими очами и шапкою на затылкѣ, надѣвая по дорогѣ шинель или пальто.

Одинъ изъ такихъ злополучныхъ, въ два скачка махнув· изъ сѣней за калитку, былъ Митька, канцелярскій чиновникъ, *канцлеръ*, какъ называютъ ихъ счастливцы, вылѣзшіе уже изъ канцелярской скорлупы и занимающіе уже штатныя мѣста. Онъ имѣлъ слѣдующій разговоръ съ своимъ закадычнымъ другомъ, Ѳедькой Авдѣевымъ, тоже такимъ же, какъ и онъ *канцлеромъ*, къ которому онъ подошелъ, блѣдный, разстроенный, потупивъ голову. Надобно прибавить, что Ѳедька дожидался его, поблизости, въ переулкѣ, и прохаживался, съ полною надеждою, что его пріятель непремѣнно отстоитъ «три штуки» (читай: три цѣлковыхъ), необходимыя сегодня же, для поѣздки на «Вольный», въ челнѣ—«для выпивки»...

— Ну-что, Митя? спросилъ онъ. «Поетъ?» (гаваньскій жаргонъ; значитъ: успѣшно-ли?)

Митька, не поднимая головы, махнулъ рукой, въ знакъ отчаянья.

— Значитъ....?

Митька, вмѣсто отвѣта, чивкнулъ, скрививъ правый уголъ рта и втянувъ воздухъ.

— Да ты, можетъ, не такъ повелъ дѣло? а?

— Кой чортъ...

И онъ опять, печальнѣе прежняго, махнулъ рукой, и сталъ смотрѣть въ сторону, какъ бы придумывая новый планъ.

— Ты сказалъ бы, что тебѣ разпужнѣйшимъ образомъ надо отдать три рубля столоначальнику; взялъ на честное слово, сказалъ бы. Я тебя училъ, какъ...

— Говорилъ!... еще печальнѣе произнесъ Митька.

— Ну чтожъ она!...

— А, что!... одно слово: шельма—больше ничего; насквозь видитъ, что врешь...

— Ты бы побожился.

— Всего было: вралъ такъ, что вспотѣлъ даже,—не вѣритъ. Въ другихъ случаяхъ пустякамъ вѣритъ, а тутъ точно чортъ въ нее вселился...

На нѣсколько минутъ друзья замолчали.

— А вѣдь есть еще и такія, что бьютъ своихъ мужей!... подзадоривалъ пріятеля Митька; домашнее наказаніе, говорятъ; башмакомъ по мордасамъ отхватаетъ, или ухватомъ прижметъ шею къ стѣнѣ... чиновника-то... царскаго слугу!... ухватомъ къ стѣнѣ притиснуть!...

— Мало ли есть какихъ!... сказалъ Митька.

— А еще называютъ ихъ ангелами....

— О, чортъ ихъ называетъ! Ангелы! Хороши ангелы!... Разсмотрѣлъ бы ихъ поближе тотъ, кто называетъ, такъ увидѣлъ бы, что это такое!... Ангелы, гм!...

— Ну, такъ какъ же думаешь, Митя?

— Что? какъ бы спохватившись, спросилъ его другъ.

— Сегодня, значитъ, ничего не будетъ?

— На счетъ попойки?

— Да! Ужель твоя баба насъ перехитрила?

— Развѣ вотъ что сдѣлать? Отличная мысль!... Только надо немного повременить... Какъ только жена уйдетъ къ кумѣ,—а ей надо идти: за башмаки нести цѣлковый—какъ только она шмыгъ за двери, я сейчасъ же, не долго думая, въ комодъ—отмычка у меня есть— сейчасъ въ комодъ, и ея синій платокъ цапъ-царапъ подъ закладъ къ Лукичу—и вся недолга. Два цѣлковыхъ дастъ, больше не дастъ, а два цѣлковыхъ дастъ...

— А когда она хватится... увидитъ комодъ—отворенъ и платка нѣтъ?

— Большая важность! Хватится, такъ я и скажу, безъ обиняковъ: заложилъ!... Вотъ и все, пускай выкупаетъ; впредъ умнѣе будетъ!—Хорошо?

— Лихо!

Въ это время, черезъ два дома отъ сихъ дѣйствующихъ лицъ, скрипнула калитка: молодая женщина, въ коричневомъ салопѣ , накрывшись большимъ платкомъ, явилась на улицу, и скорыми шагами пошла куда-то, глядя въ землю и будучи видимо озабочена Митька, дернувъ за рукавъ своего пріятеля, указалъ на нее.

— Жена твоя!... Марья Ильинишна!... чуть не вскрикнулъ онъ отъ радости.

— Теперь, значитъ, вотъ что: ты подожди меня здѣсь— или нѣтъ—лучше ступай, прохаживайся на лѣво, по переулку; тамъ же кабакъ и лавка—въ своей лавочкѣ мнѣ не хотѣлось бы закладывать...

— Разумѣется...

— Я живо обтяпаю дѣло.

И достойные друзья на минуту разстались: одинъ полетѣлъ домой, съ жадными мечтами осуществить свои желанія, и и бормоталъ про себя дорогой, думая о женѣ:

— Ничего; впередъ умнѣе будетъ...

Другой шелъ медленно и тоже думалъ о Марьѣ Ильинишнѣ, но только совершенно иначе.... Онъ думалъ и злобно улыбался, радуясь чужой непріятности.

— Воображаю себѣ, что будетъ съ милѣйшею Марьей Ильинишной, когда она увидитъ, что платка нѣтъ,—въ лавочкѣ,—въ закладѣ,—понадобился для того, что больно захотѣлось выпить! Вотъ-то взбѣсится!... Ай-яй-яй-яай!!!...

Если кому-нибудь желательно знать, чѣмъ эта исторiя кончилась, то я доложу, что она кончилась коротко.

Герои наши сдержали данное, обѣщанiе т. е. платокъ заложили и денегъ подъ него добыли; но не поѣхали на «Вольный», какъ предполагалось, а купили все, что нужно: ветчины, пирога съ капустой; потомъ, какъ водится, «зашли», и «проговорили» въ прiятной дружеской бесѣдѣ до тѣхъ поръ, пока цѣловальникъ не подошелъ къ нимъ и не растолкалъ ихъ, пробарабанивъ:

— Эй, вы—господа! чиновники! Дома можете выспаться... Ну, нечего, нечего!... Сейчасъ буду запираться....

Какъ они потомъ оба, Христосъ съ ними, очутились каждый у себя дома—этого никакъ не могли растолковать себѣ наши витязи, проснувшись на другой день. Будочникъ ли, добрый человѣкъ, подобралъ ихъ и довелъ до фатеры, сосѣдъ ли сжалился надъ «положенiемъ» сосѣда, и прогулялся съ собратомъ, подъ ручку, до избы, изъ благодарности за то, что и его точно также, въ трудныя минуты, спасаютъ ближнiе; или же, наконецъ, они сами, по какому-то чуду, доплелись до родной кровли—ничего этого не могли рѣшить на другое утро ихъ хмѣльныя головушки, страшно трещавшiя послѣ вчерашняго угару. Митя совершенно забылъ даже тотъ прiемъ, который сдѣлала ему благовѣрная.

— Гдѣ это ты, мой голубчикъ, такъ устосовался? М...? воскликнула она. Говори!... Что не отвѣчаешь? А платокъ куда дѣлъ? Молчишь, небось! Знаетъ кошка, чье мясо съѣла!... Комоды разламывать! Вотъ еще на какiя штуки стали подниматься, чортъ бы васъ дралъ! Чтожь не говоришь: куда платокъ дѣвалъ? Молчи-и-шь... Ну да, добро, ступай. Завтра будетъ расправа. Погоди голубчикъ!.. А Ѳедькѣ своему скажи,

чтобъ не смѣлъ и носу сюда сунуть! Слышишь?! чтобы и духу его не пахло!... Слышишь?!...

На что ея сожитель отвѣчалъ на какомъ-то птичьемъ языкѣ: «чивити—вити—вай», и безпрекословно позволилъ вести и раздѣвать себя...

И. С. Генслеръ.

Легкая ноша.

(Изъ Гервега.)

Вполнѣ свободный отъ рожденья,
Я не пою въ домахъ князей,
И жизнью мирной наслажденье
Моей душѣ всего милѣй.
Я крѣпостей не воздвигаю,
Чтобъ защищать свои поля,
И гдѣ пришлось гнѣздо свиваю—
Мое богатство—пѣснь моя.

Я могъ бы выразить желанья
И были бъ также мнѣ даны,
Какъ многимъ слугамъ по призванью.
Мѣста, и деньги и чины;
Но не спѣшилъ я стать въ прихожей,
Посулъ блестящихъ не цѣня,
И все свисталъ одно и тоже:
Мое богатство—пѣснь моя.

Пусть въ бочкахъ держитъ лордъ червонцы,—
Мои виномъ однимъ полны:
Цѣню я золото лишь въ солнцѣ
И серебро въ лучахъ луны.
Закатъ мой близокъ,—но со свѣту
Роднымъ нѣтъ пользы сжить меня:
Самъ выбилъ я себѣ монету—
Мое богатство—пѣснь моя

Я пѣлъ, гдѣ люди веселятся,
Но лишь среди простыхъ людей;
Умѣлъ на выси горъ взбираться,
Но не на лѣстницы князей.
Пусть подъ дождемъ въ грязи болотной
Рабъ ищетъ выгодъ для себя,—
Цвѣткомъ я тѣшусь беззаботно:
Мое богатство—пѣснь моя.

Къ тебѣ, о призракъ сновъ блаженныхъ,
Стремлюсь я пламенной душой;
Но ждешь ты камней драгоцѣнныхъ,
Ждешь, чтобъ я сталъ твоимъ слугой?—
Нѣтъ! я свободой не торгую
И вмѣстѣ съ блескомъ отъ себя
Гоню, смѣясь, любовь пустую:
Мое богатство—пѣснь моя.

А. Михайловъ

Спи!

Днемъ наигравшись, натѣшившись, къ ночи забылся ты сномъ;
Спи, улыбаясь, малютка: весенняго утра лучемъ
Жизнь молодая, играя, блеститъ въ сновидѣньѣ твоемъ.
Спи!

Труженикъ, въ горести, въ радости, путь ты свершаешь земной;
Утромъ отмѣренный къ вечеру конченъ твой подвигъ земной:
Что-нибудь начато, что-нибудь сдѣлано,—купленъ твой отдыхъ ночной.
Спи!

Съ свѣтлымъ лицомъ засыпаешь ты старецъ, трудомъ утомленъ;
Видно, какъ въ ночь погружается жизни земной небосклонъ:
Дня замогильнаго первымъ сіяньемъ ужь твой озаряется сонъ.
Спи!

А. С. Хомяковъ.

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS
INFORMATION
CONSERVATION, INC.
MAR.-APR. 1988